

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 1, 1972 январь — февраль

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Г. Бландова. Черта между строк	3
И. М. Сукнасова. Афоризмы в публицистике	
Н. А. Добролюбова	13
В. А. Еремин. «В настоящее время, когда...» . .	16
Н. С. Авилова. Полуночная зарница	25
А. Н. Кожин. Военные термины в художественной речи	28

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

М. Скуратов. Народ — языкотворец	33
<u>А. А. Коваленков</u> . Солнце движет и пером поэта...	43.

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. И. Скворцов. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи	48
Ю. А. Карпенко. Планета Плутон	60

ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ

А. И. Анкин. Вставные единицы в речи	61
А. М. Иорданский. Ты да я, да мы с тобой	67

ШКОЛА

Учебник родного языка (письма из школ)	74
Н. П. Бадаева. Из песни слова не выкинешь	79

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

В. Б. Опыт народный, мудрость народная	88
А. И. Горшков. О преобразителях российского языка	94

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

С. В. Смирнов. Александр Христофорович Востоков	101
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Л. В. Вялкина. Русские названия недели и ее дней	109
Т. А. Фоменко. Лихорадка, горячка	117
А. А. Алексеев. Судья, чиновник	124

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. Г. Ветвицкий. Если вас назвали зубром	132
--	-----

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

П. С. Пустовалов. К экзамену по русскому языку (беседа первая)	137
---	-----

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Н. Костарев. Страна Буквария	142
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь произношения и ударения	145
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Письма читателей о русском языке	147
--	-----

---

*На обложке: Н. Г. Чернышевский
Гравюра Ю. И. Космынина*

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

ЧЕРТА МЕЖДУ СТРОК

Язык и стиль бесед

с фронтальным читателем

в романе Н. Г. Чернышевского

«Что делать?»

На первый взгляд сюжет романа «Что делать?» представляет собой историю личных взаимоотношений героев. Если заголовок «Что делать?» и подзаголовок «Из рассказов о новых людях» и пастораживали, то оглавление было составлено в полном соответствии с построением сюжетной линии традиционного романа. Однако «Что делать?» — роман-прокламация — не просто традиционный роман. Основные его темы воплощены в сложном переизложении эпизодов и соответствующих им речевых стихий.

Общественно-политическая позиция Чернышевского совершенно отчетливо выражена в символах и аллегориях «сна», в содержательных, идеею насыщенных разговорах героев романа, во внутренних монологах и в прямых рассуждениях автора с критическим разбором характеров и ситуаций, в отступлениях, построенных на видимом общении автора с персонажами. Беседы с читателем — одна из форм введения в повествовательную ткань идейно-публицистического элемента. Не менее важны и интересны они и для характеристики языка и стиля Чернышевского.

Очень строго композиционно расположенные, беседы с проницательным читателем составляют едва ли не главную часть романа «Что делать?», его стержень; можно предположить, что именно они предопределили жанр романа, его публицистический, политический характер. Они подчеркивают также и многоплановость изложения. В них автор комментирует развитие действия, оценивает поступки героев, обобщает или прогнозирует события. Эти авторские отступления от непосредственного сюжетного повествования важны в политическом романе «Что делать?».

Проблема образа автора — одна из самых главных при изучении стиля Чернышевского. Автор в романе постоянно вмешивается в действие, участвует в каждом диалоге, но в беседах он главный герой, носитель идеи, и он ведет повествование в манере, свойственной Чернышевскому-публицисту, революционеру-демократу. И если, по мнению академика В. В. Виноградова, «..в образе автора», в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического единства», то рассмотрение стиля Чернышевского в беседах с проницательным читателем уже дает некоторую возможность сделать общий вывод об особенностях языка и стиля всего романа.

В первой беседе с «добрейшей публикой» (Предисловие) автор знакомится с читателем; он выбирает себе собеседника, чтобы в дальнейшем, в разговорах с ним, разбить его доводы своей точной и четкой аргументацией; Чернышевский высказывает авторское кредо: «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но все-таки ничего: читай, добрейшая публика! Прочтешь не без пользы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей»; «Все достоинства повести даны ей только ее истинностью».

Беседа вторая [глава II (X)] знакомит нас с новыми людьми — Лопуховым и Кирсановым. Введена эта беседа перед серьезным сюжетным ходом — первым замужеством Верочки. ¹

Беседа третья [глава III (VIII)] — новый сюжетный поворот: вторая любовь. Чернышевский углубляет характеристику цовых людей.

Четвертая, пятая и шестая беседы [глава III (XXIX, XXX, XXXI)] посвящены особенному человеку Рахметову. Он герой, если не центральный в повествовании (для Чернышевского, впрочем, это не столь важно), то главный по той идейной нагрузке, которую несет. Чернышевский подчеркивает место Рахметова в романе не только композиционно, но и терминологически: Лопухов и Кирсанов — «новые люди», Рахметов — «человек особенный». Чернышевский помещает беседы о нем в самый центр сюжетного изложения: «И ставится собственно для этого длинная и толстая черта между строк...».

Седьмая беседа [глава IV (XIII)] посвящена Вере Павловне, уже определившей свое место в жизни. Первый раз Чернышевский обращается в авторском отступлении к главной героине романа: она становится достойной этого.

Восьмая, последняя беседа [глава VI] заканчивает роман. Она полна намеков, за которыми скрывается глубокий смысл. «В эпилоге, — писал Г. В. Плеханов, — есть даже какие-то неясные указания на 1866 год, в котором должно произойти что-то особенное». (В эпилоге Н. Г. Чернышевский указывает на 1865 год. — Н. Б.)

Беседы, повторяя сюжетную схему романа, не разрывают повествования, напротив, органически с ним связаны. И сами они построены по четкому композиционному и идейному замыслу. Почти каждая из них по содержанию и интонационно распадается на две части. Одна часть — непосредственно разговор с пронизательным читателем, другая — авторское заключение беседы. И если первая часть почти всегда звучит в явно стилистически сниженном тоне, то вторая — образец высокой публицистики. Так формируются два плана повествования.

Первый план бесед обращен к читателю непосредственно, второй прикрыт авторскими полунамеками, написан эзоповским языком; подтекст адресован мыслящей части общества, для нее и был написан роман. Композиционно почти всегда первый план совпадает с первой частью беседы. В ней представлен условный диалог с читателем. Редкие реплики при этом часто связываются не между собою, а соотносятся с авторской речью. Это диалог, «подводящий» к монологу автора. Он состоит из двух-трех реплик читателя, прерывающихся большими авторскими ремарками с вводными конструкциями. Эти авторские замечания и перерастают постепенно в монологическое высказывание.

«Содержание повести — любовь, главное лицо — женщина, — это хорошо, хотя бы сама повесть и была плоха», — говорит читательница.

— Это правда, — говорю я.

Читатель не ограничивается такими легкими заключениями — ведь у мужчины мыслительная способность и от природы сильнее, да и развита гораздо больше, чем у женщины; он говорит, — читательница тоже, вероятно, думает это, но не считает нужным говорить, и потому я не имею основания спорить с нею, — читатель говорит: «Я знаю, что этот застрелившийся господин не застрелился».

Диалог с читателем, которым автор начинает почти каждую беседу, не развит, оставлен в незаконченном виде. Это лишь композиционно-стилистический прием для перехода к монологу. В диалоге выражена вводная часть содержания и дана краткая, но вполне определенная речевая характеристика читателю: это ограниченный обыватель. Синонимом «проницательного» читателя часто прямо выступает «глупый». Полностью образ проницательного читателя раскрывается в монологе автора. И это прием публицистический.

В первой части беседы Чернышевский чаще всего обращается к приему вопросно-ответного хода. Проницательный читатель лишь помогает высказывать необходимые мысли. Однако уже здесь отчетливо проступает характеристика проницательного читателя, становящегося действующим лицом романа. А действует, живет, говорит он в основном в речи автора. Стилистически это оформлено экспрессивно окрашенной лексикой, характеризующей читателя. Постоянно обращаясь к нему, фамильярно называя его на «ты», автор не стесняется в выражениях, чтобы подчеркнуть его глупость, несообразительность, отсутствие вкуса и художественного чутья.

Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты с первых страниц сможешь различить, будет ли содержание повести стоить того, чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается в пособии, а пособий этих два: или имя автора, или эффектность манеры.

—... и я должен был забросить тебе удочку с приманкой эффектности. Не осуждай меня за то, — ты сама виновата: твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попалась в мои руки, и я могу продолжать рассказ, как, по-моему, следует, без всяких уловок.

— Видишь, чья это грубая образина или прилизанная фигура в зеркале? твоя, приятель. Да, какую длинную бороду ты ни отпущай или как тщательно ни выбривай ее, все-таки ты песомненно и неоспоримо, подлиннейший синий чулок, поэтому-то ведь я гонял тебя в шею два раза, единственно потому, что терпеть не могу синих чулков, которых между нашим братом, мужчинами, в десять раз больше, нежели между женщинами.

Не случайно сам Чернышевский называет разговор с проницательным читателем «беседами». Разговорность отчетливо выражена в лексико-смысловой структуре этой части романа. Ироничность стиля, привлечение даже грубо-просторечных и диалектных слов и выражений раскрывает истинное отношение автора к проницательному читателю, которого он противопоставляет читателю обыкновенному и в какой-то степени читательнице. Высказывая свое отношение к либералам, Чернышевский прибегает к опрощению публицистической речи, не используя в первой части беседы ни высокой лексики, ни обобщений и выводов. Он беседует. «Чернышевский, следуя по пути, проложенному Белинским, делает язык публицистики простым, доступным и определенным, своеобразно и ярко применяет слова и выражения разговорно-просторечного характера» (Ю. С. Сорокин. — «Вопросы языкознания», 1952, № 2).

Ирония у Чернышевского — публицистический прием. Так слову «проницательный» контекст часто придает смысл, противоположный его словарному значению. Используя объективно-положительное значение слова или фразы, автор высказывает свое отрицательное отношение к проницательному читателю: «мудрец»; «О как ты похвально, проницательный читатель»; «благоговею перед тобой, проницательный читатель»; «ваш характер я столь же уважаю, как и ваш ум» и т. д. Применены синтаксические конструкции с вводными предложениями:

Проницательный читатель. — я объясняюсь, только с проницательным читателем: читательница слишком умна, чтобы подсесть своей догадливостью, поэтому я с нею не объясняюсь, говорю это раз навсегда; есть и между читателями немало людей пеглупых: с этими читателями я тоже не объясняюсь; по большинство читателей, в том числе почти все литераторы и литературники, люди проницательные, с которыми мне всегда приятно беседовать...

Общий стилистически сниженный тон в первой части беседы позволяет использовать разговорные и просторечные лексико-фразеологические элементы речи:

сумбур у тебя в голове; дикая путаница твоих понятий; ты зла от чрезмерного количества чепухи в твоей голове; отстань; два раза выгнал его в шею; ни бельмеса не смыслил; стремлеший в нем столько же, как в стуле, на котором он сидит; образованность, которой в нем столько же, как в попугае; грубая образина и т. п.

Однако стиль художественной публицистики Чернышевского характеризуется не столько отбором лексических средств, сколько приемами их подачи. Во второй части беседы автор отказывается от терминологии, которую он сам же применяет в литературно-критических, философских и общественно-политических работах, совсем не потому, что употребление ее не было бы понятно читателю — напротив, в этом случае содержание лежало бы на поверхности изложения. Обыденность и простота лексики и фразеологии романа придает речи образно-художественный характер. Для художника важно «не только наличие тех или иных языковых явлений... Иногда многозначителен самый факт отсутствия привычных для той или иной эпохи речевых средств. Тем более приобретает значение сознательный, подчеркнутый отказ от некоторых форм или видов языкового выражения» (В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 222).

Чернышевский в наиболее значимых местах романа использует главным образом приемы подачи нейтральной лексики. В соответствии с содержанием второй части бесед он отказывается от применения грубо-просторечной и диалектной лексики и фразеологии:

Но есть в тебе, публика, некоторая доля людей,— теперь уже довольно значительная доля,— которых я уважаю... Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами, по вас уже не мало и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мне уже не нужно было бы писать; если б вас еще не было, мне еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже есть между публикою,— потому мне еще нужно и уже можно писать.

Меняется тон повествования. Здесь уже нет иронии, строже логика изложения, высказывания несколько книжны и торжественны. Свои мысли и свое отношение к но-

вым людям Чернышевский высказывает совсем в другом стиле, нежели ведет повествование сюжетное. Во второй части бесед уже нет диалога, он сменился монологом автора. Возвышенный стиль изложения не облекается у Чернышевского в «высокую» лексику. Торжественны не слова, а самый тон изложения, общий интонационный строй. Автор не отказывается от сложных предложений, но каждая их часть заключает в себе совершенно законченную мысль.

Уже в первой беседе отчетливо проявляется разностильность двух частей ее. Если в первой части обращение к читателю насмешливо и иронично, то во второй автор полон глубокого уважения к людям, о которых он пишет:

— Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными, и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности. То были люди, хоть и той же натуры, но еще не развившейся до этого типа, а он, этот тип, зародился недавно...

Кульминацией бесед с пронизательным читателем выступает беседа пятая:

Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — тени в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

Весь этот отрывок — развернутая, полная смысла и подтекста метафора. Многократным повторением оборота «мало... но» Чернышевский усиливает напряженность повествования к концу, где оно приобретает особую выразительность благодаря сравнениям, повторениям одного и того же слова. Автор применяет ораторский прием — сложные конструкции с краткими простыми предложениями, как будто предназначенными для произнесения с трибуны:

Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить

на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, и о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их — их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается — их не нужно. Желайте быть счастливыми — только, только это желание нужно. Для этого вы будете с наслаждением заботиться о своем развитии: в нем счастье. О, сколько наслаждений развитому человеку! Даже то, что другой чувствует, как жертву, горе, он чувствует, как удовлетворение себе, как наслаждение, а для радостей так открыто его сердце, и как много их у него! Попробуйте: — хорошо!

Прокламационный характер этого отрывка обуславливает использование сложных синтаксических конструкций. В основном это бессоюзные сложные предложения с общим значением причинно-следственных отношений. Бессоюзие играет очень важную стилистическую роль: оно подчеркивает напряженный характер изложения, придает ему краткость и четкость, граничащую с афористичностью.

В конце романа автор избирает другой тон концовок бесед с проникательным читателем. Спокойный, уверенный тон утверждения.

А кто с дельной целью занимается каким-нибудь делом, тот, какое бы ни было это дело и в каком бы платье ни ходил этот человек, в мужском или женском, этот человек просто человек, занимающийся своим делом, и больше ничего.

Последняя беседа с проникательным и «всяким» читателем, композиционно расположенная и в последней главе романа «Перемена декораций», построена в форме диалога. Авторские ремарки здесь отсутствуют, Чернышевский ограничивается одними репликами. Ремарки и не нужны, ведь диалог с читателем ведет он сам, автор романа:

— Так что ж это такое? Вы начинаете рассказывать о 1865 году?

— Так.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему ж нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станет вас слушать!

— Неужели вам не угодно?

— За кого вы меня принимаете? — Конечно, нет.

— Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дождаться этого довольно скоро.

Краткость и даже кажущаяся малозначимость реплик читателя и автора затемняют действительный смысл, заключенный в них. Даже последняя, развернутая реплика, объясняя содержание разговора, не раскрывает его до конца.

В беседах с проницательным читателем, которые представляют собой широкие авторские отступления, видна цельная композиционно-стилистическая система, служащая для выражения идеи автора. В беседах Чернышевский-публицист не стремится к слиянию со своими героями, он отстраняется от них. Сохраняя постоянную дистанцию, он лучше видит недостатки одних и достоинства других и, встав на позицию судьи и советчика, делает выводы, проводит свою «черту между строк».

Изучение стиля Чернышевского-романиста убеждает нас в том, что упреки в «нехудожественности» романа, которые бросали Чернышевскому его современники, были вызваны неприятием его эстетической концепции. Это почти всегда объяснялось несогласием с идейными установками автора — крупнейшего представителя русской революционной демократии. Роман Чернышевского — глубоко продуманное произведение, а кажущаяся небрежность и прерывистость изложения — всего лишь сюжетный и стилистический ход.

Л. Н. Толстой говорил: «Ценность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц и т. п., а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение. В известные годы писатель может даже до некоторой степени жертвовать отделкой формы, и если только его отношение к тому, что он описывает, ясно и сильно проведено, то произведение может достичь своей цели».

Вопрос о стиле публицистического романа нуждается еще в серьезной постановке и разрешении, но безусловно в непосредственной связи или даже в зависимости от идейной позиции автора.

Н. Г. БЛАНДОВА

АФОРИЗМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Афористичность не служит оценочным показателем стиля, но безусловно указывает в каждом конкретном случае на его специфику. Афоризмы — короткие выразительные фразы, выражающие самую сложную мысль в простой и законченной форме. Они как бы самостоятельно существуют даже в цельном контексте. От обычных предложений афористические фразы отличаются предельной обобщенностью значения, утверждением вневременных и общих положений. Философские и публицистические жанры обычно богаты афоризмами, так как в них теоретические обобщения достигают особой отточенности и смысловой глубины.

Афоризмы публицистического стиля отличаются разнообразием тем и структурных построений. В произведениях Добролюбова они выполняют важную смысловую и различные стилистические функции. Добролюбов интересовался теорией афористики. Свой взгляд на народную афористику (пословицы и поговорки) он изложил в статьях «О некоторых местных пословицах Нижегородской губернии» и «Замечания о слоге и мудрости народного языка». Книжных афоризмов в теоретическом плане Добролюбов касается сравнительно скупо. Из отдельных его высказываний и рецензий можно сделать общее заключение о том, что к афоризмам и произведениям, содержащим их, он предъявлял два требования: самобытность и количественное ограничение афористических фраз.

Так, в рецензиях на повесть Р. М. Зотова «Семейная драма» и на роман М. И. Воскресенского «Наташа Подгорич» Добролюбов отметил серьезный недостаток обоих произведений — перенасыщенность афоризмами.

О первом произведении говорится: «Начинается оно афоризмами, которые следуют один за другим с некоторою стремитель-

ностью, папоминающею стремление гороха из внезапно прорвавшегося мешка». В романе Воскресенского Добролюбов отмечает «беспрерывно вставляемые в рассказ фразы вроде: „Время — великий врач; оно исцеляет самые глубокие язвы души человеческой“». Таких фраз у него Добролюбов находит „тысячами“. «Не правда ли, что все они производят чувство, подобное тому, какое овладело бы, я думаю, фантом, которому сказали бы в то время, как он собирался на бал: „Ты и перчатки тоже надень: на балы обыкновенно в перчатках являются,— это уже так принято“».

В той и другой рецензии Добролюбов использует в ироническом контексте афористические фразы из критикуемых произведений. Он развенчивает их претензии на глубокомыслие, заостряя внимание на примитивности высказываний.

Вариацией подобного приема является концентрирование чужих мыслей в афоризмы, которые всесторонне обыгрываются и повторяются. Взгляды Ореста Миллера на поэзию Добролюбов облакает, например, в афоризме «Поэзия есть небесное пантле». Реакционный характер статьи Н. А. Миллер-Красовского «Основные законы воспитания» выявляется в афористических формулировках этих законов: «Повинуясь, дети учатся любить» и «Не рассуждай, а исполняй!». Подобные изречения своей безапелляционной формой папоминают знаменитые афоризмы-пародии Козьмы Пруткова «Бди!», «Смотри в корепь!». Добролюбов высоко ценил их.

Добролюбов создает двуплановые изречения, комически пересмысляя чужие высказывания. При этом иронический подтекст создается столкновением разных значений слов. Обыгрываемые слова ставятся в такое лексическое окружение, которое заставляет воспринимать их одновременно в двух планах, в результате чего афоризмы превращаются в каламбуры.

Наиболее ярко каламбурное использование афоризмов наблюдается в записи Добролюбова за 1852 год (август — сентябрь) под названием «Замечательные изречения». Написаны они были под впечатлением лекций Панаия, инспектора и профессора богословия, которого, судя по автобиографическим заметкам, не мог не именовать Добролюбов. «Лесть — порок; следовательно лестный — порочный»; бессмыслица создается тавтологией: «Богоявление есть основанное на откровении познание бога»; «Богатство слов, или многое множество слов в языке — хотя, с одной стороны, делает несовершенным язык, но, с другой стороны, придает и многое совершенства языку».

Комический эффект создан категоричностью утверждения, которое тут же оговаривается: «Ни одна пословица не переводится на другой язык от слова до слова, исключая некоторых».

Особым приемом можно считать парадоксальное обыгрывание

самого понятия «афоризм». Чтобы подчеркнуть неправоту, примитивизм или бесцветность мыслей критикуемых авторов, Добролюбов в применении к их слогу называет афоризмами совершенно неафористические фразы, хотя в остальных случаях он никогда не смешивает эти два понятия. Ссылки на афоризмы в ироническом контексте — оригинальный прием стиля Добролюбова; показательно, что в подобных случаях афоризмы характеризуются эпитетами: образцовые, известные, знаменитые, справедливые, замечательные, интересные. И чем примитивнее фраза, тем выше дается оценка афористического выражения: «Известен знаменитый афоризм Шевырева: „Не жаден русский парод, не завистлив: летает вокруг его птица — он не бьет ее, плавает рыба — он не ловит ее и питается скудной и даже нездоровою пищею!“» (Норманский период русской истории). Высмеивая сочинения Н. В. Сушкова, Добролюбов пишет: «Мы не можем не признать высоко идеальной правды в афоризме, высказанном им, что „благие намерения никогда не остаются без награды“ и там же приводится вторая иронически положительная оценка их: «Отдавая полную справедливость интересным афоризмам Сушкова»... (Московский университет).

«Афоризмами» названы фразы из «Записок» либеральничавшего откушщика, миллионера В. А. Кокорева, хотя ни по содержанию, ни по форме они не могут считаться изречениями. Так, фразу Кокорева «С незнающими русского языка мы обязаны уже быть вежливее и внимательнее» Добролюбов снабжает следующим пояснением: «пашему брату, не властвующему ипостранными языками и говорящему единственно по-русски, от вашего афоризма будет куда как жутко!».

Афоризмы мыслителей или писателей, с которыми Добролюбов солидарен, встречаются на страницах его статей крайне редко. В «Литературных мелочах» использован афоризм Буало «Нет на свете такого дурака, который бы не возбуждал к себе удивления в каком-нибудь другом, еще большем дураке». Своеобразно применил Добролюбов афоризмы Островского, Гоголя, Ломоносова в статье «Темное царство», взяв их эпиграфами к отдельным главам статьи. Эпиграф ко второй главе взят из драмы Островского «Воспитанница»: «Где больше строгости, там и греха больше»; к пятой главе взят в перефразированном виде афоризм Ломоносова из «Оды, выбранной из Иова»: «В терпенье тяготу сноси, и без роптания проси» (у Ломоносова: «В надежде тяготу сноси»). «Темное царство» — единственная статья, к которой даются афористические эпиграфы.

И. М. СУКИАСОВА,
преподаватель Тбилисского педаго-
гического института имени А. С. Пушкина

«В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, КОГДА...»

В. А. ЕРЕМИН

Сейчас, пожалуй, невозможно установить, кто из современников Добролюбова первым употребил эту фразу. Крылатой она стала благодаря Добролюбову, умевшему в своей журнальной практике поставить ее в такой контекст, что она всегда наполнялась злой иронией, являясь в то же время точной формулой, пародировавшей либеральную фразеологию 60-х годов прошлого столетия. «Знаменитая фраза тогдашней публицистики, восхищавшейся быстротой прогресса у нас», — сказал об этом выражении Чернышевский в примечании к одному из писем Добролюбова.

Один из ближайших соратников Добролюбова по журналу, критик «Современника» Антонович пишет в своих воспоминаниях: «Печать, по идеалу Добролюбова, должна была будить общество, звать его на дело, на борьбу. А фактическая фигурировавшая перед Добролюбовым печать делала как раз противоположное: она ублаживала читателей, наводила на них сладкую дремоту самодовольства и самоуслаждения. И вот новый источник лихорадочного негодования для Добролюбова. Печатные статьи его достаточно показывают, как возмущала и терзала его хвастливая и обольстительная фраза: „В настоящее время, время прогресса, когда мы созрели, когда процветает гласность и действует бич обличительной литературы“ и т. д. Но нужно было послушать его на словах, чтобы увидеть, до какой степени была ненавистна ему эта немелкая фраза и как она его бесила. „На каждом шагу, — постоянно твердил он, — мы видим возмутительные факты, всюду вокруг нас совершаются безобразные и вопиющие явления, а печать точно не видит и не замечает этого и во все горло прославляет и славословит „настоящее время“».

В статье «Литературные мелочи прошлого года», появившейся в «Современнике» в начале 1859 года, Добролюбов едко пропризывает над формулой «в настоящее время, когда» и вообще над словами, не подкрепленными делом. Говоря об общем состоянии современной ему литературы, критик пишет: «Несколько лет уже каждая статейка, претендующая на современное значение, непременно начинается у нас словами: „В настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов“ и т. д., следует изложение вопросов. Несколько лет уже русская литература льстила обществу, уверяя, что в нем теперь пробудилось самосознание, раскаяние в своих пороках, стремление к совершенствованию; а русское общество похваливало литературу за то, что она так старается вызолотить горькие пилюли, которые наконец заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лесть и самообольщение — таковы были главные качества современности в литературных явлениях последнего времени. Странно сказать это о литературе в то время, когда она из кожи лезла, по собственному признанию, преследуя и обличая, карая и вырывая с корнем всякое зло и непотребство на земле русской. Но всмотритесь пристальнее в характер этих обличений, — вы без особенного труда заметите в них нежность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся разве только нежности, обнуженной во взаимных отношениях тех достойных друзей, один из которых у Гоголя мечтает о том, как „высшее начальство, узнав о их дружбе, пожаловало их генералами“».

Госси этого времени был нужен тот, кто на языке, понятном для русской души, смог бы сказать всемогущее слово «Вперед!». Вот почему все либеральные фразы о прогрессе и гласности называет Добролюбов «какими-то ребяческими выходками», а в своих критических статьях, и больше всего в сатирическом отделе «Современника» — «Свистке», он буквально издевается над либеральным штампом в оценке «настоящего времени». «...Мы еще по-прежнему Обломовы, — говорит Добролюбов в статье „Что такое Обломовщина?“ — Обломовщина никогда не оставляла нас и не оставила даже теперь — в настоящее время, когда и пр.».

Добролюбов разборчиво и очень точно направляет острие своей сатиры. Его доказательство неотразимо, тон соответствует степени серьезности оппонента. Но именно это и вызывает негодование в противоположном лагере. Более всего несправедливо выпадает на долю «Свистка», который в это время делался в основном руками Добролюбова. Антонович в статье «„Свисток“ и его время» пишет о том, как был встречен «Свисток» в русской публике. Озлобление доходило до того, что раздавались даже призывы к личной расправе над его авторами. «Излагать историю „Свист-

ка“ в этом периоде — значит повествовать об его победах и славных деяниях,— говорит Антонович.— Скажите, в самом деле, кто умерил неумеренные и, можно сказать, безумные восторги русские? Кто проник в истинный смысл колоссальной фразы „в настоящее время, когда“ и проч.?». Последователь Добролюбова перечисляет далее многогранные вопросы, которых так или иначе касается «Свисток».

Мы остановимся лишь на той «колоссальной фразе», которую Добролюбов сделал поистине бессмертной. В каком бы контексте ее ни употреблял Добролюбов, она всегда высмеивала мнимую гласность, определяла истинную цену печатного слова. В печати обсуждается вопрос о трезвости в связи с введением системы откупов в России, и Добролюбов высмеивает ханжеские мелочные наблюдения верноподданнических писаек, наполнявших печать сообщениями о благодатной роли этой системы в безымянных уголках России: «...нет ни малейшей надобности в безыменной гласности, какую позволил себе, например, г. N, объявивший..., что в Вской губернии, К-м уезде, два селения отказались от питья водки. Вообразите себе, что это за господин N, боящийся прописать сполна название губернии и уезда, где крестьяне пить перестали! По нашему мнению, этот г. N представляет замечательное явление *в настоящее время, когда* и пр.».

И уже по одному этому абзацу можно себе вообразить и цену гласности, и господина N, и его ответственность за печатное слово.

Пишет Добролюбов рецензию на брошюру, в которой автор пестовствует против прогрессивных мыслей в печати, и с самых первых строк настраивает „рассуждающего“ читателя на то, что речь пойдет о явлении совершенно определенно ряда. Стилистические средства очень просты: «В настоящее время, когда все так довольны, когда Шамиль взят, Булгарин умер, г. Ефим Дымман каждый день снова публикует о своей науке жизни,— в настоящее время мы вдруг получили „реприманд неожиданный“: г. Надеждин издал книжку, в которой сделал начальническую нотацию всей литературе...». Попав в такой ряд явлений, книжка Надеждина, естественно, получает соответствующую репутацию.

Современникам Добролюбова хорошо была известна одиозность Булгарина. О Шамиле в то время было столько толков, что Добролюбов в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» отметил это таким образом: «Один из наших знакомых спрашивал нас даже в прошлом месяце: „Не бываете ли вы в каком-нибудь доме, в котором не говорят о Шамиле? Очень интересно было бы познакомиться...“. И, разумеется, такого дома не оказалось...».

Личность Ефима Дыммана, автора книги «Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете», была тоже уже знамени-

гой. Правда, в основном потому, что о его книге Добролюбов написал уничтожающую статью «Новый кодекс русской практической мудрости», в которой очень точно определил тщательно скрываемый пафос книги Дыммана. В частности Добролюбов писал: «Для того, чтобы лучше понять ее [книгу], они [юноши] могут даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнейших в ней слов. Например, *лицемерие* в „Науке жизни“ изображается постоянно под видом *вежливости*, *подлость* — под именем *угождения* и *искательства*, *мошенничество* называется *ловкостью*, *подозрительность* и *малодушие* — *осторожностью*, *кража* всех видов — *пользованием обстоятельствами*, *шарлатанство* — *споркою* и пр. И все это пересыпается, само собой разумеется, беспредаппыми громкими воззваниями о честности, добросовестности, братолюбии, помощи несчастным и т. п.»

Вот в таком ряду оказывается книжка Надеждина и он сам. а происходит все это «в настоящее время, когда и пр.»

Пишет ли Добролюбов о временах Екатерины или более далеком прошлом России, он постоянно имеет в виду животрепещущие вопросы современности: «Век Екатерины долгое время являлся нам в каком-то волшебном сиянии, златым веком процветания России по всем частям ...Но „в настоящее время, когда“ Россия вступает в новый период существования, и для екатерининской эпохи наступила уже история. Теперь уже пужны не дифирамбы, не безотчетные хвалы, а беспристрастное и спокойное рассмотрение фактов того времени во всей их полноте».

Неречислив далее некоторые документы екатерининской эпохи, появившиеся в современной Добролюбову печати, он говорит, что в прежние времена их появление было невозможно: «...Но теперь они являются в весьма значительном количестве, потому что „в настоящее время, когда“ крестьянский вопрос принял уже такие обширные размеры и предан правительством такой широкой гласности, подобные исторические указания могут делаться совершенно безопасно. Опираясь на эти примеры, и мы решаемся расширить, насколько возможно по силе источников и другим обстоятельствам, истинное отношение сатиры екатерининского периода к самой действительности того времени...». Под «другими обстоятельствами», конечно, подразумевается цензура и соседство этой фразы с предыдущей о «широкой гласности», преданной правительством крестьянскому вопросу, являют собой такой контраст, что устыдилась даже цензура,— и эта последняя фраза в «Современнике» была снята.

Как бы продолжая развивать свои мысли в оценке литературы екатерининской эпохи, Добролюбов в рецензии на книгу князя Долгорукого, написанной вскоре за статьей «Русская сатира ека-

терининского времени», перефразировав Пушкина, так характеризует князя-писателя: «Таким образом, очевидно, что по своему воспитанию и воззрениям он принадлежит еще к числу

Сих остальных из стаи шумной
Екатерининских писак...»

«Стало быть, уже по этому одному,— говорит Добролюбов,— рассматривать творения князя А. И. Долгорукого с современно-литературной точки было бы крайне несправедливо, хотя многие из них и написаны в *настоящее время, когда и пр.*».

Известно, что в канун крестьянской реформы крепостниками не раз поднимался вопрос о необходимости телесных наказаний для крестьян, хотя бы регламентированных, «по требованиям времени». Требовали розог для учащихся гимназий и реакционеры от педагогики. В частности на уступки им пошел Н. И. Пирогов, о выступлениях которого по вопросам воспитания не раз положительно отзывался Добролюбов. Но вот Пироговым публикуются «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа», в которых приводилась статистика высеченных учащихся в разных гимназиях округа. Рекорд принадлежал Житомирской гимназии — из 600 учеников за 1858 год было высечено 290. Комментируя эту цифру, Добролюбов пишет: «И все это делается в 1858 году, который, кроме того, что вообще принадлежит *настоящему времени, когда и пр.*, — замечателен в этом случае еще и тем, что в течение второй его половины (с августа) Киевский учебный округ находился под попечительством г. Пирогова!..».

Большое внимание Добролюбов уделял «Внутренним обозрениям» «Современника». Одному из авторов «Обозрения» — С. Т. Славутинскому Добролюбов пишет в письме: «Помилуйте, мы вот уже третий год из кожи лезем, чтобы не дать заснуть обществу под гул похвал, расточаемых ему Громекой и К°; мы всеми способами смеемся над „нашим великим временем, когда“, над „исполинскими шагами“, над бумажным ходом современного прогресса, имеющим гораздо меньший кредит, чем наши бумажные деньги. И вдруг Вы начинаете гладить современное общество по головке, оправдывать его переходным временем (да ведь других времен, кроме переходных, и не бывает, если уж на то пошло), видеть в нем какое-то сознательное и твердое следование к какой-то цели!..».

В «Обозрениях», которые пишет Добролюбов сам, он, разумеется, следует этой программе и не упускает случая отдать должное «настоящему времени». Один пример: «Представьте, как это весело, особенно теперь (чуть было не сказал: *в настоящее время*), когда непомерно развившаяся гласность в нашем отечестве

гоняется за всякими гадостями, так что от нее и на железных дорогах не ускользнешь,— а составитель „Внутреннего обозрения“ должен все это залосить в свою хропику».

Фраза о «настоящем времени» иногда набирается курсивом, иногда берется в кавычки. Применяет ее Добролюбов то к конкретному лицу или явлению, то характеризует либеральную печать в целом. Добролюбов дает характеристику современной ему поэзии, говорит о ее неудовлетворительном состоянии, о том, что еще нет поэта, который поставил бы свою поэзию в уровень с живой действительностью, говорит о публикации «множества посредственных стихов» и сравнивает это явление «с тем риторическим движением, которое несколько лет тому назад так шумно давало себя чувствовать возгласами о нашем быстром прогрессе и о „настоящем времени, когда“ и пр.».

И насмешкам Добролюбов дает волю в «Свистке». В первом номере опубликована заметка «Русские в доблестях своих». Сам заголовок пародирует название книги С. Н. Глинки «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству». Добролюбов здесь как бы объявляет об одной из задач начавшего свою жизнь «Свистка»: «Мы до сих пор живо помним те слезы умиления и восторга, с которыми читали мы в „Русском вестнике“ вдохновенные рассказы о том, как один солдат нашел сто рублей и возвратил их по принадлежности; как один мужик наехал в поле на замерзавшего мальчика и не бросил его, а довез до села; как один мещанин, уезжая из города, заплатил все свои долги, хотя и мог уехать не заплативши, и пр. *В настоящее время, когда* Россия возрождается к новой жизни и когда весь мир устремил на нее полные ожидания очи, когда повсюду водворяется у нас благодетельная гласность, грустно истинному патриоту видеть, что нет такого сборника, где бы увековечивались все прекрасные явления русской жизни... Вот почему мы решаемся время от времени уделять несколько страниц для увековечения прекрасных подвигов современных русских людей». Далее идут перепечатанные заметки из «С.-Петербургских ведомостей» и других газет и журналов, вовсе не нуждающиеся в пародировании, будто специально написанные для «Свистка».

Первый номер «Свистка» вызвал бурю негодования в печати, о чем Добролюбов сообщает во втором номере, в «Кратком объяснении»: «При самом первом, еще не твердом шаге своем на поприще общественной деятельности встреченный всеобщим негодованием серьезных деятелей науки и литературы, „Свисток“ внезапно умолк... Отличаясь скромностью, неразлучною с истинным достоинством, „Свисток“ безропотно покорился приговору строгих судей, признавших его недостойным *настоящего времени, когда*

возбуждено так много общественных вопросов». Но «Свисток» имел громадный успех у передовых людей России, и вскоре он появляется почти в каждом номере «Современника». И, конечно же, воздает должное «настоящему времени, когда и пр.», аттестуя себя «злым духом» — «бесом отрицанья и сомненья», «бесом, отвергающим прогресс».

Не в силах «бес отрицанья и сомненья» лишь удержаться от восхищений все новыми и новыми образцами гласности. А поэтому и во втором номере «Свистка» читатели увидели их в немалом количестве: «В настоящее время, когда все стремится к свету и гласности, ни одно из темных явлений нашей жизни не должно укрыться от строгого суда общественного мнения»... «...„Русский вестник“, можно сказать, поднимает новый великий вопрос в настоящее время, когда уже поднято столько вопросов», — пишет Добролюбов об обществе «Сельский хозяин» и о «Русском вестнике», глубокомысленно толкующем о преимуществах вольного труда перед обязательным.

В том же номере «Свистка» сообщается от редакции: «В настоящее время, когда всеми признано, что литература служит выражением народной жизни...» и т. д. Читателям представляется новый автор, «австрийский» поэт Яков Хам (псевдоним Добролюбова). Поэт этот, «как по всему видно, должен занять в австрийской литературе то же место, какое у нас занимал прежде Державин, в недавнее время г. Майков, а теперь г. Бенедиктов и г. Розенгейм» (речь идет о поэзии верноподданнической).

В следующем номере Конрад Лилиеншвагер (тоже псевдоним Добролюбова) публикует стихотворение, которое так и называется «Наше время»:

Наше время так хвалили,
Столько ждали от него.
И о нем, как о Шамиле,
Все так долго говорили,
Не сказавши ничего!
Стало притчей наше время
И в пословицу вошло...

Здесь же публикуется «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». Стихи написаны в основном Некрасовым. Но этот материал интересен и примечаниями, пародирующими псевдонаучные публикации. Их составил Добролюбов. Приведем лишь одно из них, в котором также идет речь о «настоящем времени, когда и пр.». В «Петербургском послании» этой переписки есть строки

...Там поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают.

Добролюбов замечает о первой строке этого отрывка: «Там даже родилась, в pendant (в подражание) к стереотипной фразе: „В настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов“ и пр.— другая, не менее сильная фраза: „в настоящее время, когда“ пьянство приняло такие широкие размеры» и пр. (см. «Московские ведомости», 1859, № 8).

«Балаганство», «свистуны», «рыцари свистопляски» — какими только определениями ни награждался «Свисток» и его авторы. Но «Свисток» жил как существеннейшая часть «Современника», ставшего эпохой в истории русской журналистики. Именно в «Свистке» ярко выразился талант Добролюбова-сатирика и блестящего полемиста, так счастливо дополнявший его деятельность последовательного революционера-демократа, неутомимого борца за народное дело.

Добролюбов был основным автором и редактором «Свистка». Поэтому строки из его стихотворения «Свисток ad se ipsum» («„Свисток“ к самому себе») мы можем с полным основанием адресовать Добролюбову. Этот своеобразный «Памятник» был опубликован в «Свистке» уже после смерти великого критика. Писал он эти строки безнадежно больным. Но не одной физической усталостью веет от откровения Добролюбова. Несомненной причиной здесь было и все то, с чем он беспощадно боролся всю свою короткую и вдохновенную жизнь и что так лаконично сконцентрировал и едко высмеял во фразе «В настоящее время, когда и пр.».

Вот заключительная часть этого стихотворения-крика человека, стоявшего в 60-е годы во главе русской литературы:

...И ныне явлюсь я к читателю снова;
Хочу наградить я его за терпенье,
Хочу я принести ему свежее слово,
Насколько возможно в моем положении...
А впрочем, читатель ко мне благосклонен,
И в сердце моем он прекрасно читает:
Он знает, к какому я роду поклонен,
И лучше ученых мой свист понимает.

Он знает: плясать бы заставил я дубы
И жалких затворников высвистнул к воле,
Когда б на морозе не трескались губы
И свист мой порою не стоил мне боли.

Время...

Оно бывает и судьей, и палачом, и адвокатом. Но и над ним, всемогущим, есть власть: человек, вооруженный истиной. Добролюбов, как и Чернышевский, был вооружен ею в той степени, в которой позволяла сделать это общественная жизнь России его времени, времени надежд и разочарований.

Не в силах справиться с передовой мыслью, рожденной самой жизнью, время это расправится с ее носителями физически. В двадцать пять лет уйдет из жизни Добролюбов. Совсем недолго после его смерти будет продолжать свои проникательные беседы с читателем Чернышевский, да и то из застенка Петропавловской крепости. Приостановят, а вскоре и совсем закроют самую высокую трибуну России — журнал «Современник». А чудом уцелевший Некрасов напишет щемящие стихи о недавнем времени и о роли в нем, в частности, Добролюбова:

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало...
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,—
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...
*Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...».*

НОВЫЕ КНИГИ

Вопросы языка современной русской литературы. Сборник статей. М., «Наука», 1971. 416 стр., 1 руб. 76 коп.

Головин Б. Н. Язык и статистика. М., «Просвещение», 1971. 191 стр., 29 коп.

Зарва М. Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач. М., «Искусство», 1971. 179 стр., 88 коп.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., «Наука», 1971, 298, 1 руб. 33 коп.

Статистика речи и автоматический анализ текста. Коллективная монография. Л., «Наука», 1971. 464 стр., 2 руб. 04 коп.

Полуночная зарница

В стихотворении Фета «Вечер» есть такие строки:

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном,—
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

Что означает в этом четверостишии слово *зарница*? Общеупотребительное значение его — ‘кратковременная вспышка света на небосклоне ночью или вечером’; ‘отблеск дальней грозы’ (17-томный Словарь современного русского литературного языка).

Однако если вдуматься в строки Фета, описывающего летний погожий вечер, когда «погорев золотыми каймами, разлетелись, как дым, облака», станет ясно, что здесь слово *зарница* не может означать отблеска дальней грозы. В Словаре Даля мы находим слово *зорница* с пометой «восточное» в значении «утренняя и вечерняя звезда, Венера»; «Опыт областного великорусского словаря 1852 года» также указывает на такое значение: «зарница — планета Еснера; нижегородское, оренбургское».

Наконец, и 17-томный Словарь, помимо общеупотребительного слова *зарница* со значением «отблеск дальней грозы», дает значение — «просторечное название планеты Венера; утренняя и вечерняя звезда». Здесь уже нет прикрепления слова к восточным диалектам России. Считается, что слово получило широкое распространение, но имеет стилистическую окраску просторечности.

Однако потеряв диалектную прикрепленность, слово сохраняет ярко выраженный народный характер, употребляясь как таковое и в художественной литературе. Слово *зарница* в значении «Венера» известно еще в книжной традиции XVIII века. Так, Державин употребил его в стихотворении «Стансы Кларисе»: «При восходе утренней зарницы Поют по рощам звонко птицы».

Позднее слово *зарница* как название Венеры мы находим, кроме Фета и у других писателей:

Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря блещет, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрывается туманно поле,
Зарница блещет в небесах...

Лермонтов. Черкески

«...Начинало светать. Небосклон, на котором чуть заметны были бледные, неяркие звезды, казался выцветшим; зарница начинала ярко блеснуть на востоке...» (Л. Толстой. Набег).

У Бунина в рассказе «Полуночная зарница» это народное название Венеры получает особую поэтическую окраску благодаря тому, что оно вкладывается в уста полупомешанной горбуны, живущей в лесу: «У меня звезда любимая есть, верная, неизменная Полуночная Зарница...» — говорит горбуня, и автор вторит ей: «Полуночная зарница. Звезда любви, Звезда предраусветная...» и далее: «...уже совсем вне нашего мира она, уже во власти этого

потаенного, полуночного, чья дивная и грозная Звезда горит перед зарею над лесом...».

Бунин и в стихах не раз обращался к образу Венеры. Но, описывая ее со свойственной ему точностью видения, он никогда не называл Венеру народным названием Зарница, а только Звездой или Вечерней звездой:

Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя звезда.
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.

За все тебя, Господь, благодарю

Закат в огне, Звезда дрожит алмазом.

Норд-остом жгут...

И, как ребенок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,
А ветер дует ей в ресницы,
Чтоб не закрыла их она.

Зеленый цвет морской воды

В рассказе «Полуночная зарница» народное название *зарница* понадобилось Бунину для более яркого описания деревенской горбуны, женщины из народа, живущей в лесу, в непосредственной близости к природе. Это тонкий языковой штрих, придающий дополнительную достоверность всему рассказу. Особое значение слово *зарница* приобретает здесь еще и потому, что оно введено в название рассказа.

Интересно, что слово *зарница* в значении 'утренняя звезда' встречаем и в современном литературном языке в рассказах из деревенского быта. В «Коротких рассказах» В. Щенникова, например, мы находим такой диалог:

— Рано еще, говорю.

— Какое рано, светает, — удивляется она [доярка]. — Видишь, зарница дрожит, — показывает она на звездочку над крышей нашей избы... («Правда», 13 сентября 1970).

Обращает на себя внимание, что характерный признак Венеры — ее мерцание на фоне зари — отмечается как в безыскусном народном диалоге, так и в поэтических описаниях Бунина, отличительной чертой которых является их точность, зримость.

Так, поэтический образ Венеры, появление которой на небе связывается с утренней и вечерней зарей, получает в литературном языке воспринятое от народа название *зарница*.

Н. С. АВИЛОВА

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Слова и выражения военно-деловой речи активизировались в русском языке в 20-е и 30-е годы нашего столетия; некоторые из них обрели устойчивые значения за пределами узкопрофессионального употребления: позиция — ‘точка зрения, отношения к чему-либо, определяющие характер действия, поведения’; поход — ‘действие, направленное на борьбу с кем-, чем-либо’, чаще всего в области общественно-политической или производственной деятельности: штурм — ‘решительное наступление на что-либо для овладения чем-либо, освоения чего-либо’. Составные наименования военно-деловой речи переосмыслиются и становятся фразеологизмами: тяжелая артиллерия — ‘нечто значительное, важное, существенное’, а также ироническое — ‘неповоротливые, медлительные люди’; сложить (складывать) оружие — ‘отказаться от борьбы от каких-либо действий’; действовать единым фронтом — ‘дружно, сплоченно’.

Употребление слов и выражений военно-деловой речи в языке публицистики и художественных произведений становится особенно распространенным во время Великой Отечественной войны и в последующие годы.

Многие слова и выражения используются при описании боевой обстановки, военного быта и жизни военнослужащих; они самым непосредственным образом включаются в систему словесно-образительных средств авторского повествования и в речь персонажей. В этой роли нередко выступают слова и словосочетания, получившие значительную активность в общем употреблении и тем самым утратившие непосредственную связь с системой понятий военного дела; довольно понятны массовому читателю слова, которыми называются военнослужащие (солдат, рядовой, офицер, генерал), войсковые формирования (полк, рота, взвод, батальон, эскадрон, пехота, артиллерия), средства боевого обеспечения (автомат, граната, пушка, снаряды, пулемет) и характеризуются способы боевой деятельности частей и подразделений (атака, бой, наступление, марш, прикрытие).

Слова и выражения военно-деловой речи весьма широко и свободно используются в авторском повествовании, раскрываю-

щем характер боевой деятельности частей и подразделений, оперативно-тактические особенности местности: «На переднем крае возникали все новые и новые сооружения: дзоты, бронекотляки, бетонированные пулеметные ячейки, эскарпы, полуэскарпы» (Алексеев. Солдаты); «Батальон зацепился на высокой кромке лощины и наскоро вырыл окопчики, стрелковые и пулеметные гнезда» (Андреев. Очень хочется жить).

Подобные слова и выражения обозначают предметы, явления, имеющие непосредственное отношение к боевой ситуации, которая воспроизводится в художественном повествовании; при таком употреблении военная лексика включается в смысловые связи и соотношения со словами общеупотребительной речи, и поэтому отпадает необходимость пояснять или толковать военные термины: они осознаются читателем в контексте. Именно таким образом раскрывается содержание военно-терминологических понятий: военная задача, подвижный резерв и другие.

В ряде случаев слова и выражения военно-деловой речи сопровождаются авторским комментарием, раскрывающим характер предметной отнесенности собственно военного наименования: «...поправить паводку, „довернуть“, как говорят артиллеристы» (Бек. Волоколамское шоссе); «Позади, в лесу, были спрятаны восемь пушек, приданные батарее; впереди, по берегу, выступал отвесный противотанковый срез, называемый на военном языке эскарпом» (там же).

Осмысление военных терминов происходит при помощи общеупотребительных слов, воссоздающих внешние приметы явления, имеющего в военной терминологии специальное наименование. В этом случае в канву повествования включаются слова, позволяющие воспринимать изображаемое на слух: «Да, кругом царила великая тишина. Солдаты удивленно прислушивались к ней. Ни тарахтенья пулеметов, ни свиста пуль, ни уханья мин... Танк бил из пулемета по окнам. Похоже было — он чихал огнем и дымом, с трудом пробираясь по грохочущему полю» (Бубеннов. Белая берега).

Автор художественного произведения как бы выполняет роль переводчика; он все время стремится дать ответ на возможный вопрос читателя, пользуясь общеупотребительными словами, подчеркивающими характерные особенности изображаемого: «И вдруг сбоку — залп. И кинжальный огонь ручных пулеметов. Знаете ли вы, как бьют кинжалом? На близком расстоянии, внезапно, насмерть» (Бек. Волоколамское шоссе); «Сабуров не ответил. Он прислушался и, еще до падения снаряда, понял, что у этого, второго, будет большой перелет. Снаряд действительно упал метров на двести сзади пароходика. Немцы взяли пароходик в так пазываемую артиллерийскую вилку — один снаряд впереди, один сзади. Сабуров знал, что теперь они поделят вилку пополам, потом это расстояние поделят еще пополам, сделают поправку, и дальнейшее, как всегда на войне, будет делом счастья» (Симонов. Дни и ночи).

Военные термины могут поясняться подключением общеупотребительных слов, тогда последующая группа слов может перерасти в пояснение развернутое: «Немцы усилили артподготовку. Сотни снарядов и мин со свистом летели из-за высот, рвались возле окопов... Не успела улечься поднятая фугасками пыль, как из-за горы появилась новая волна немецких бомбардировщиков.

— Гляди, Лопехин, это — *пикировщики*, сейчас начнут падать» (Шолохов. Они сражались за родину); «Немцы повели из Тимкова *методический огонь*, стали бить по площади, не видя цели... В селе Покровском развернут *заградительный пункт*, где уже оставивают, собирают, приводят в порядок бредущих бойцов» (Бек. Волоколамское шоссе).

Это пояснение может выступать в роли смыслового эквивалента, уточняющего предметную отнесенность военного термина: «Что замышляют проклятые фрицы... подтянут силенки, *перегруппировку делают*, залижут болячки и опять начнут» (Шолохов. Они сражались за родину); «Фронт не установился, шли *подвижные бои*» (Бакланов. Мертвые сраму не имут).

Военные термины в художественном тексте включаются в ряд общеупотребительных слов, и таким образом уточняются внешние признаки и боевые свойства описываемого явления: «И каждой мне надо выкопать ямку, вложить *МУВ — трубочка такая, с пружиной, острым, как гвоздь, бойком и капсулом*, — проверить, положить в ямку, засыпать землей, замаскировать» (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Поясняющая группа общеупотребительных слов может раскрывать содержание составного термина путем детализации явления: «Сжатая тугая волна горячего воздуха смахнула в окоп насыпь переднего брусстера, с силой откинула голову Николая. Он ударился тыльной стороной каски о стенку так, что лопнул под подбородком ремень, и потерял сознание... *тряхнуло взрывной волной* — и посыпался вокруг, мягко слетел на убитого парня молодой цвет подсолнуха» (Шолохов. Они сражались за родину).

Лексические средства военно-деловой речи могут включаться в речь персонажа; они оттеняют социально-речевые особенности действующего лица. В частности используются слова и выражения, которые принято употреблять в среде военнослужащих при обращении друг к другу: «Когда Сабуров вошел, сидевший у огня человек вскочил, откозырял Сабурову и спросил:

— Прикажете разбудить Колюкова, *товарищ капитан?*

— Разбудите, — сказал Сабуров.

— *Товарищ старшина, товарищ старшина!* — стал расталкивать Колюкова красноармеец.

Колюков вскочил и, на ходу оправляя ремешок, подбежал к Сабурову.

— *Разрешите боложить!* — гаркнул он, остановившись за три шага. — Гарнизон дома номер семь по Татарской улице находится в боевой готовности. Больных нет. Раненых двое. Особых происшествий нет. *Докладывает старшина Колюков.*

— Здравствуй, Колюков.

— *Здравия желаю*, — сказал Колюков и, отступив на шаг, опять вытянулся» (Симонов. Дни и ночи).

Кроме того, речь и размышления действующего лица насыщаются военными терминами, придающими высказыванию черты языка команд и приказаний: «Он принял трезвое решение: *сосредоточить весь огонь* позади склада, не давая немцам до темноты *втянуться* туда *крупными силами*, а *контратаку* производить с темнотой, когда решимость и привычка к ночной *штурмовой* работе возместят ему очевидный недостаток людей» (Симонов. Дни и ночи).

Слова и выражения военно-деловой речи включаются в повествование в качестве косвенного средства характеристики и типизации персонажа как представителя военной среды: «В армию он пришел из танкового училища и воевал с первых дней войны, приняв первый бой на границе, где-то у Брест-Литовской крепости» (Полевой. Повесть о настоящем человеке).

Толкование военного термина может перерасти в форму художественного повествования, в ходе которого интеллектуальное, логическое, составляющее содержание выражаемого понятия, подменяется эмоционально-аффективным, художественно-образительным, связанным с характером предметной отнесенности по значению слова или словосочетания военно-деловой речи: «Есть такой летный термин: *боевой курс*. Вот что означают эти два коротких слова.

Позади — несколько часов напряженного внимания, постоянной готовности отразить атаку истребителей, поиска ориентиров, мгновенно появляющихся и исчезающих в окнах облаков, тревожного подсчета бензина (летали так далеко, что иногда возвращались на базу с сухим баком)... Трудный, долгий полет к месту атаки подходит к концу. Устал весь экипаж — и летчик, и штурман, и стрелок-радист. Застыло тело, несмотря на греющую электроткань комбинезона, устали глаза, плохо слушаются заочевенные руки. Но вдали появляется объект атаки — и сразу все забыто! Обостряются все ощущения, напрягаются нервы. Сейчас — *боевой курс!*..

Но подходит критический момент, когда самолет должен прекратить маневрирование и прямо, как по ниточке, идти на цель: Эго и есть *боевой курс*» (Соболев. Третье поколение).

Экспрессивно-образительные нюансы возникают тогда, когда слова и выражения речи военнослужащих отрываются от привычного контекста и включаются в словесное окружение, не свойственное лексическому содержанию, которое обычно ассоциируется с содержанием области военного дела. Так, слово *правофланговый*, обозначающее военнослужащего, который находится в строю на правом фланге, может сочетаться с именами, значение которых не относится к строевой службе. В таком значении слово *правофланговый* обретает характеристическое осмысление, выступая в контекстах в качестве наименования, подчеркивающего ведущую, направляющую роль лица в том или ином производственном коллективе, в той или иной сфере деятельности: *правофланговый цеха*, *правофланговый пятилетки*, *правофланговый жатвы* и т. п.

Это слово часто встречается на страницах газет: «Сегодня мы рассказываем о трех передовых мастерах своего дела, которые трудом своим заслужили право быть названными *правофланговыми пятилетки*» («Правда», 1969, № 337). В определенном контексте слово *правофланговый* может усиливать и отрицательную характеристику лиц, принимающих участие в реакционных движениях: «Сегодня мы увидим прелюбопытных людей — *правофланговых антикоммунистов*. Возможно, это будут члены общества Джона Берча» («Правда», 1969, № 341); в языке художественных произведений используется для повышения образительности, для реализации оттенков положительной или отрицательной экспрессии.

Слова и выражения, обозначающие способы ведения огня (выстрел, одиночный выстрел, очередь, короткая очередь, длинная очередь, залп и др.), включаются в ассоциативные связи с явлениями, непосредственно не связанными с военным делом: «Вот так

и свяжись с этими бабами, ты по ней одиночный выстрел, а она по тебе длинную очередь» (Шолохов. Они сражались за родину); «Все петухи в Гремячем Логу на редкость, прямо-таки на удивление разноголосы. Начиная с полупочы, перекличку открывал раньше всех просыпавшийся петух Любишкиных. Он голосил веселым, залихватским тенором, как молодой и старательный по службе командир роты; ему солидным, полковничьим баритоном отзывался петух со двора Агафона Дубцова; затем минут пять над хутором висел сплошной, непрерывающийся крик, а уж после всех, громко бормоча спросонок и мощно хлоная на насесте крыльями, генеральским сильным басом, с командной хрипотцой и падсадцем в голосе оглушительно ревел самый старей в хуторе рыжий и дебелий петух Майдапниковых...

— ...Твой, каков он из себя с виду? Ядреный ростом?

— *Гвардеец!* — коротко буркнул Макар, развязывая зубами затянувшийся на мешке узел... Макар стоял, склонившись над развязанным мешком, и озадаченно почесывал затылок: «гвардеец» лежал в мешке, тяжело распластав крылья, и в предсмертном томлении закатывал круглые оранжевые глаза.

— Это что же с ним такое? — спросил изумленный Аркашка.

— *Осечка!*

— Хворый оказался?

— Говорю тебе, что осечка с ним получилась.

— Какая же у петуха может быть осечка? Чудно ты говоришь!

— Да не у петуха, глупый ты человек, а у меня осечка вышла. Нес его, а он вздумал в мешке кукарекать, срамить меня при народе — дело было возле правления, — ну, я самую малость ему голову на сторону повернул...» (Шолохов. Поднятая целина).

В языке художественного произведения слова и выражения военно-деловой речи могут выступать в качестве сопоставления; при этом логическое, интеллектуальное в содержании таких слов несколько приглушается (в процессе приравнения повседневного, бытового к военно-деловому) и вместе с тем усиливается эмоционально-оценочное вследствие шутивно-юмористического осмысления. В этом случае субъект приравнительной квалификации дается в гротескном плане; к тому же, он не имеет непосредственной связи с военным делом и служит фоном батальной изобразительности: «Он был неуязвим в своем добродушном украинском спокойствии, словно железобетонный дот... А жена у меня, как бы тебе сказать, вроде немецкого автоматчика: если зарядит что — не кончит, пока все обоймы не порасстреляет, и тоже норовит нахраном брать... При таких достоинствах женщина, при такой красоте, что просто ужас. Не докторша, а шестиствольный миномет» (Шолохов. Они сражались за родину).

Слова и выражения военно-деловой речи — богатый источник образных средств языка художественной литературы. Они расширяют изобразительные возможности мастера художественного слова и вместе с тем обогащают словарный состав общелитературной речи словами и выражениями, которые утрачивают непосредственную связь с собственно военной сферой употребления и становятся понятными, доступными массовому читателю, находят широкое применение в языке публицистики, в разговорно-обиходной речи, а также и в художественной литературе.

Профессор
А. Н. КОЖИН

Михаил СКУРАТОВ

НАРОД — ЯЗЫКОТВОРЕЦ

говорят: писатель, обогащай свой язык, учись, черпай из словесной сокровищницы народа твоего, языко-творца. При этом вспоминают пуш-кинское требование учиться русско-му языку у московских просвирен,

то есть у самых простых, «глубинных» людей, вспоми-нают Гоголя, Тургенева, Горького и других великих. Но в какое же мы впадаем противоречие, если, встретив у пи-сателя незнакомое нам, но бытующее в народе обиходное вековечное слово, приходим в ужас: «караул, этого нет даже у Даля!». У Даля, положим, нет, а у народа рус-ского есть: народ богаче Даля!

А малопонятные, на первый взгляд, или точнее не ши-роко известные слова всегда были и есть в художествен-ной литературе. Тогда зачем же потребовался бы Даль? Сами классики прибегали к сноскам и прилагали словарь,

когда это диктовалось обстоятельствами. А нуте-ка, возьмем Некрасова. Вот, пожалуйста, его стихотворение «Псовая охота». Он сам дал к нему пространные примечания, поясняя ряд слов и выражений, связанных с особенностями помещичьей псовой охоты в губерниях средней России. Лев Толстой то же самое сделал в повести «Казак». К «Тихому Дону» Михаил Шолохов приложил целый словарь (особенно обильный и самобытный в первоначальных изданиях).

Почему же, по мысли мнимых блюстителей правильности русского литературного языка, нельзя русскому писателю сказать по-русски, по-народному, если это требует содержание и дух произведения? Кто установил такие законы во вред живому развитию языка, кто идет против народа-языкотворца? Таких законов нет, тут действует произвол, а подчас невежество и незнание основ и уклада русской народной жизни во всех ее многообразных проявлениях. Под видом призывов к ясности и чистоте (а кто же этого не хочет?), на деле нас частенько толкают к языку книжному, пресному, выхолощенному, причесанному, подогнанному под одну гребенку и — прямо скажем — лишённому прежде всего народности.

Наши рецензенты, давая внутрииздательские отзывы о рукописях писателей, в благом порыве борьбы за грамматическую правильность языка, подчас доходят до того, что ополчаются на такие уже запретные-де в наши дни, но обиходные слова *нут-ка*, *что дёется?*, *аль*, *дён*, выхватывая их произвольно из текста, без связи с содержанием, барственно объявляя их как якобы псевдонародные, «пейзажские», стилизаторские, архаичные, русопятские. И это преподносят русскому человеку, народу, поучая, что вместо *дён* надо во всех случаях говорить обязательно *дней*, вместо *аль* — *или!*.. Ведь если так ставить вопрос, то как быть с самим Пушкиным, писавшим:

Али я тебя не хожю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы...

Русская живая речь, как никакая, пожалуй, другая в мире, богата языковыми оттенками. Вероятно, они существуют не только в речи русских крестьян, северян или сибиряков русского происхождения, но и в обиходе жителей Москвы, многих других горожан, да и самих рецензентов,

как всенародные, русские. Замахнется ли кто-нибудь в наши дни на Пушкина, за то, что он прибегал к народным оборотам речи? А вот на современника можно подчас замахнуться: против него и всякое лыко в строку.

Наши блюстители чистоты литературного языка страх как боятся народных выражений и становятся похожими на чопорных старых барынь, которые морщились от всякого «мужицкого» слова. А ведь эти слова испокон веку существуют среди народа русского, в самых глубинных родниках его, они не устарели, живут и будут жить.

Нет, вопреки судьям, приносящим порою прямой вред своим запретительством развитию и обогащению русского литературного языка, пусть вернется в нашу литературу народное, запашинское, ядерное слово. И как тут не вспомнить Гоголя: «Выражается сильно российской народ!». Зачем же отнимать эту силу, выхолащивать ее?

Нередко мы сами — писатели повинны в порче русского языка. Мы подвергаем забвению заветы наших классиков, хотя и клянемся их именами. Нередко мы продолжаем говорить и писать (печатать!): «будировать» кого-то. И забываем, как гневно обрушивался Ленин против подобных неправильных оборотов речи. Великий вождь писал: «...Употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „boudier“ (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык...».

Писатели повинны в том, что, по выражению Грибоедова, «словечка в простоте не скажут, все с ужимкой», перенасыщают литературу книжными оборотами. И как тут опять не напомнить, что В. И. Ленин свой «Доклад о текущем моменте» в 1917 году на Апрельской конференции партии закончил ссылкой на одного шахтера, произнесшего «замечательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию». «Не употребив ни одного книжного слова!..» — вот что следует намотать на ус иным писателям.

Так же как объявлена война загрязнению наших рек и озер (и даже морей!), надо объявить войну и обеднению нашего прекрасного, живого русского языка!

редположим, вы — коренной сибиряк, родились и выросли вблизи Братска, на берегах Ангары или Байкала, но по тем или иным причинам живете в Москве, крепко «обмосковились». Однако если вы с детства впитали в себя семейные, родовые предания, если вы с моло-

ком матери всосали особенности уклада этой самобытной жизни, то ведь все это и просит выражения в образах и звуках. И предположим, вы пишете стихи, рассказы, печатаете их много лет в наших журналах, затем собираете воедино и несете рукопись в московское издательство. Ан, вот тут-то и заковыка! Вся наша увлеченность самобытной жизнью народной Сибири ни гроша ни стоит в глазах некоторых литературных «главковерхов», иногда имеющих непререкаемый голос и вес в издательствах. Вы любите прошлое своего трудового народа, из недр которого вышли, нисколько не идеализируя его, исходя из того убеждения, что без прошлого нет настоящего и будущего. Но вам могут сказать: тут-де «образное любованье старинной» и это, мол, сказывается неблагоприятно в языке ваших произведений...

Своеобразна жизнь коренных русских сибиряков, «старожилов», с ее особенностями, со всем тем, что еще не умерло и живуче поныне и что хранит ваша родня или, как говорят в Сибири, родová.

Самый облик русского человека в Сибири за столетия значительно изменился. Пожалуй, нигде, ни в одном крае нашей страны, русский народ не пережил такого смешения и переплава, как у нас, в Сибири... Едешь-едешь по

тайге или по забайкальским горным увалам — встречаешь человека с явно выраженным монгольским обликом, но поговору и по всем своим повадкам он типичный русский сибиряк, «чалдон»; спрашиваешь фамилию и удивляешься еще более — она чисто польского происхождения, например: Стржелецкий. Выясняешь родословную и докапываешься, что прадед или более отдаленный пращур — ссыльный, поляк-повстанец, может быть, сподвижник Костюшки, женился на кровной бурятке, а его дети и внуки уже роднились с коренными русскими старожилыми края... Так и пошло!..

Своеобразна, самобытна наша Сибирь! Но как говорил еще И. А. Гончаров: «...все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немногую суровую, но величавую физиономию». Вот как говорили классики-то! А тебе за эти самые особенности сибирского уклада жизни, прорвавшиеся и в языке, и в содержании твоих произведений, некоторые литературные судьи могут отказать в праве и достоинстве писателя.

Самобытность жизни русского старожилотого населения в Сибири сказала и в его речи. Сибирь в старину заселялась северянами; отсюда, с севера Руси, — в основном и речь старожилых сибиряков. Естественно, за столетия в ней прибавились и чисто сибирские оттенки, не меняющие природы русского языка. И если я, поэт, писатель, сын этих русских старожилото-сибиряков, не отражаю их языкового своеобразия, то я никакой ни поэт, ни писатель!

Конечно, нигде и ни в чем не должно быть злоупотреблений диалектическими, областными речениями сверх меры. Но говоры, наречия — они существуют, без них писателю не обойтись. Наука о языке устанавливает непременно их бытие, делает их предметом особых исследований. Лев Толстой, когда живописал путь Катюши Масловой по этапу в Сибирь, использовал в «Воскресении» своеобычность русского народного языка старожилото-сибиряков. Тот же сибирский говорок произвольно сказался в русской сказке «Конек Горбунок», принадлежащей перу народного поэта П. Ершова, коренного сибиряка. Кто поставит это ему в вину?

Но вот, скажем, в твоих стихах или в рассказах о сибирской природе критик заметил непонятные ему сло-

ва: *шиверá*, *куржáк*, *ýрос*, *рясная ягода* и проч., и вырвав произвольно их из живого тела твоего произведения, возглашает: «Здесь не поможет даже и Даль!».

Ан нет! Во-первых, это отыщется и у Даля. Во-вторых, «даже Далем» в познании современного живого русского языка нынче уже не обойдешься, ибо язык как явление общественное развивается вместе с обществом, развивается и наука о языке, о слове. Сегодня слово имеет ограниченное «хождение», не входит в академические словари, а завтра, с расширением наших познаний об океане народной жизни, оно может стать широко известным и понятным каждому грамотному человеку. И тут писатель может послужить обогащению языка не в малой степени. Где постоянная грань, что в нашем языке областное и что не областное, что местное и не местное? Кто абсолютно точно знает, в какой мере, когда надо вводить областное в общерусский литературный язык? И кто возьмет на себя смелость установить такие грани раз навсегда? Ведь со словами в народе связаны определенные жизненные явления. Так, *шиверá* — это каменистый перекат на реке, каменистая отмель, россыпь, свойственные горным рекам Урала и Сибири и не свойственные рекам равнинной Европейской России. Каждый лоцман и коренной житель Сибири веками так говорит, это вошло в жизнь народа, в его языковой обиход. *Куржáк* — густой пушистый снежный нарост на стенах зданий, на вещах, на одежде, даже на лицах (говорят: «Эка, паря, ты и *закуржавел!*») — неотъемлемая особенность сибирской зимы. *Ýрос* — страшный упрямец; отсюда *ýросливый*; если кто разгорячился, заартачился, говорят: *зайросил*. *Рясная ягода* — обильно, густо, гроздьями растущая. Любопытно, что в письме молодого Гоголя, украинца родом, тоже встречается это слово. В одном из писем к матери он пишет: «Итак, я остаюсь теперь в Петербурге... переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч., в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей».

Если подобные слова, к месту сказанные, передающие колорит изображаемых явлений, зачислять смаху в запретные «областные», то как же тогда быть со словами *тайга*, *пельмени*, *доха*, *шаньги*, которые не сразу из областных стали общерусскими: было время, когда их надо было объяснить. Тогда как же быть с народным поэтом П. Ершо-

вым, с уральским сказочником П. Бажовым, у которого урало-сибирский говор — языковое украшение его само-бытнейших народных сказов, с Маминым-Сибиряком, черпавшим из того же неиссякаемого источника?

ибирская Русь»!.. Вторже-ние нового в стародавнюю, густо устоявшуюся жизнь. Золотой сплав языковых особенностей, часто восходящих и к се-редине XVII века, и к са-мой дотошной современ-ности...

Однажды я приехал в Илимск, еще до построе-ния Усть-Илимской ГЭС, где ожидал окунуться в разливанное море русского народного языка, сохра-нившего еще живые осо-

бенности допетровской Руси, когда Илимск был воевод-ским городом, — и не ошибся.

Вот лишь несколько отрывков из этой неприкрашенной речи, записанной мною, не сочиненной, не подлаженной «под народ»...

Спужу в чайной, попиваю крепкий чай, рассматриваю «живопись» на стенах — аляповатые воспроизведения пе-изменного «Утра в сосновом лесу» Шишкина и какого-то натюрморта в голландском духе — с изображением ярко-красного омара, хлебца, лимона. Слушаю радио в этом бы-лом воеводском городе, глухом и далеком в XVIII веке, когда горевал в нем ссыльный великий печальник наро-да — Радищев. Во дворах победно горланят петухи, так же, наверное, как и при воеводах; на улицах стаями бродят собаки или спят на завалинках да ловят блох, — и ни од-

ного гулевого коня! Вместо ковей теперь снуют легковые автомашины, грузовики. И по-прежнему тучами зудит и нудит в воздухе гнус — комарьё и мошкара.

Я говорю стряпухам:

— Дайте мне ложку рисовой каши с маслом или мясом, я покормлю вашу кошку; а то она трется около моих ног и жалобно мяучит.

Просмешливые сибирячки улыбаются:

— Она у нас и не голодная!

— А почему же она около меня ходит и вопит?

— Она просто у нас такая *людимая*!

Ах, вот оно что! До сих пор я знавал только слово *нелюдимая*. А вот в народе, в старинном Илимске, услышал, вероятно, древнее русское слово — *людимая*. Живая старинато и сказалась в речи местного стародавнего населения, кое-какие предки которого были, по преданиям, сподвижниками самого атамана Ермака Тимофеевича. Тут говорит сам русский народ!..

Моя добровольная спутница по Илимску — Матрена Игнатьевна Козлова, здешняя коренная жительница, рассказывала мне «илимские побывальщины» и сетовала:

— Эка жаль, тут до вашего приезда два дни не дожил один дед. Вот уж он вам посказал бы дивно о старом *времецко*! Ценный старик был, такой ценный, — боже милосливый! Он посказатель был такой — откуль чо и бралось у него?

— Много знал?

— Ой, что ты, паря! Скажу вам, он с три короба мог насказать за один вечер...

Бревенчатый Илимск, тесно застроенный, часто выгорал дотла — обычное явление прежней русской жизни («Москва от копеечной свечки сгорела!»). Об одном таком илимском пожаре Матрена Игнатьевна, проводя меня узенькой улочкой, порассказала такое:

— Вот здесь, на самом солнцепеке, была большая изба. В три дома братовья строились — в три связи такая изба называлась. Она возьми — и сгори. Тут женщина огонь заронила. Откуль ни возьмись, ветер хватанул. Родители мои сказывали — царство им небесное и вечный покой! — через восемь дворов головешки летели, и огонь пластал во всю, что твой таежный пал. А о ту пору родители-то мои у себя на займке находились — верст с десять будет от Илимска. А на займке церква была блудящими построена, бро-

дягами. И вот родители мои на заёмке услышали исполошённый зык — колокола в Илимске били. *Трелого* значит. Меня мамка и роди в самый пожар! Она тогда на заёмшную церкву молилась. А в большой избе, в Илимске, про которую я сказывала, в самый тот пожар человек умер. Сродственником ещё нам приходился, из нашей же родовой. Я едва родись, а он в ту же минуту и помри! А изба-то в три связи, где он лежал, тут же возмида и займись вся полымем. Его спасали — покойника — от огня. Взяли и перенесли в соседнюю улочку, елечко-то успели, — и улочка мигом загорись. Схватили мертвое тело в беремя — да в лодку, да через Илим-реку! Там избушечки на взлобке тоже ютятся. Те только и уберегли... Вот пожар был! И покойник-то *натаскался* в огонь и в воду. И наш-то домишко родительский, махонький как прыщик, в Илимске не оборонился. Теперь сама себя и спрашиваю: неужели на конях не могли с заёмки вовремя подоспеть? За полдня все и сгорело...

Это все неподдельная народная речь, с большой примесью сибирской закваски. У проходившей по берегу молодухи я спросил:

— Скажите, где живут на той стороне Илима Скуратовы?

— А вон избушечка на увале, где рúчей-то! (ударение на первом слоге — местная особенность).

— Вон та, вроде амбарушки?

— Но-о!

— А далеко отсюда устье Илима?

— Но-о! Дивно, верст с триста. Однако отсюда не видать...

Это здешнее «но-о!» переняли и наезжие новоселы всех мастей — и в Братске, и в Железногорске, в том числе и украинцы. Спросишь:

— Глубоко ли нынче стало Братское море?

— Но-о! Однако, глыбко...

И все понятно. На все явления жизни можно отозваться этим «но-о!» — так оно широко, емко, выразительно и может произноситься с самыми разными оттенками речи — то в форме вопроса, то утверждения, то изумления.

А по Ангаре, ближе к Иркутску, больше в ходу «пу-у!». Когда я плыл на теплоходе «Сибирь», то невольно обращал внимание на говор тамошних сибирячек, сбегавшихся на

пристань,— для них приход пассажирского судна всегда большое событие.

— Куда, *шватья?*

— До Иркутка! В Иркуткой город плыву.

— Давай слазь на то, язви-те! (*На то — в смысле 'коли па то пошло'*). Погостишь у нас, погулеванишь. Своя родовá, не чужая.

— Ну-у!

— Да ты *не нукай*, а слазь давай! Холера, а не девка. Кому ору-то?!

А «девке» — с полсотни лет будет, да еще и с большим «таким». Но в Сибири любят обращаться к взрослым, степенным людям: «паря, девка».

Вот такую речь мы разучились слушать и понимать, больше того — подчас пренебрегаем ею! . . . А не след именно нам — детям народа не прислушиваться к ней, не приникать к этому вечному животворному источнику, к незамутненным родникам ее!

***** ИЗ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ

На морозе и старик вприпрыжку бежит. Мороз ленивого за нос хватает, а перед проворным шапку снимает. Афанасий-ломонос морозит нос, а ты подожди, Тимофей, полузимники (тимофеевских морозов с 4 февраля).

До Прохора старуха охала: ох, студено. Пришел Прохор да Влас: никак скоро весна у нас.

24 февраля — Власьевские морозы. Проливает Власий маслица на дороги — зиме пора убирать ноги.

Прислал читатель
И. И. Баранов

Клин

*****

СОЛНЦЕ ДВИЖЕТ И ПЕРОМ ПОЭТА

В книге Г. Т. Сиборга и Э. Г. Вэленса «Элементы вселенной» сказано: «...наблюдения за явлениями, происходящими в природе, каждый раз приводили к исправлениям и уточнениям...» (М., 1966, стр. 253). Это положение в равной степени может быть применено и к ботаническим наблюдениям, и к хронометрическим поправкам к «статике» периодической таблицы, и к наблюдениям ритмологическим, когда мы рассматриваем вопросы, связанные с развитием прозаической и стихотворной речи.

Суммирование самых разнообразных областей человеческих знаний — предпосылка прогресса не только точных наук, но, скажем, и искусствоведения. Незачем было спорить, прав или не прав автор строк:

То-то физики в почете,
То-то лирики в загоне.

Сама мысль противопоставления была неправильна.

«...Отсутствие каких-либо значительных успехов в теории фундаментальных частиц высокой энергии объясняется тем, что в этой области до сих пор еще не столкнулись ни с одним из процессов, который бы в достаточной степени противоречил нашим современным идеям и, следовательно, мог бы ясно и недвусмысленно показать, каким образом следует изменить эти идеи» (Нильс Бор. Жизнь и творчество. М., 1967, стр. 65).

Смело сказано — не правда ли? И тем хорошо, что смелость соединена с самокритичностью, ибо автор этих строк не кто иной, как один из крупнейших физиков нашей эпохи. Вот бы нашим «регламентированным» лирикам так взывать к нелюбезной критике.

Советский поэт Леонид Мартынов, вероятно, знаком с этим высказыванием Нильса Бора. И, возможно, размышляя над ним, думая о так называемых «кризисных явлениях» в естественных и гуманитарных науках, а также и в области поэтических видов и жанров, написал прекрасные строки:

Плывут старинные усадьбы
С их мрамором и кирпичом;
Вот, с Лениным потолковать бы
В такое время кой о чем;
О новостях в литературе,
Ну и об атомном котле,
И отчего такие бури
Бывают нынче на земле...

Является ли новое качество повой соизмеримостью?.. Этот вопрос всегда возникает, когда люди тех или иных профессий сталкиваются с фактами, реальными фактами, и не могут, не знают, как их объяснить. «Не может быть!» — восклицают при этом невежды и... спорят против очевидностей. «Мы должны объяснить, казалось бы, необъяснимое», — говорят умные ученые.

Перечитаем, однако, приведенные стихи Л. Мартынова и вспомним: «...диалектический материализм настаивает на приближительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д. Как ни диковинно с точки зрения „здорового смысла“ превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни „странно“ отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограпичение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики...». Это написано В. И. Лениным в 1908 году в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Тот, кто был заинтересован в приглушении наиболее прогрессивных человеческих знаний, не содействовал знакомству, к примеру, Нильса Бора с диалектической философией, и это тормозило прогресс. Ленинская мысль о том, что фантазия является одним из ценнейших человеческих качеств,

находит свое развитие в более позднем сопоставлении Альбертом Эйнштейном науки и музыки, сопоставлении, из которого делается вывод, что то и другое — две стороны одного и того же мыслительного процесса. А раньше та же мысль дала возможность Тимирязеву сказать, что луч солнца движет и пером поэта, и гигантским маховиком паровой турбины.

Фантазия, сравнение, ассоциативность... Но было бы слишком просто сказать, что ромашка с ее «лопастями лепестков» может быть уподоблена своеобразной, движимой солнцем турбине, ибо этот полевой русский цветок поворачивается, «следит» за движением солнца. Понятия «частность» и «часть» неравноценны.

Речь идет о соответствии законов формы, о соответствии части общему целому, ибо количественные изменения в одних случаях предполагают увеличение или уменьшение материи и энергии, а в других их перераспределение в рамках данной системы.... Статика отдельного кадра и динамика того же кадра в сумме движущихся с определенной скоростью кадров в кинематографе — это и есть переход количества в новое качество, связанное с понятиями пространственного и хронометрического ритмосоответствия. Упрек в формалистичности решения вопроса отпадает, так как называя ритм «видом формы», незачем суживать это понятие до его частного значения, например, в сфере искусств. Измерение бесконечно малых и бесконечно больших величин, «дольней лозы прозябае» и с точностью долей секунды повторяемое свечение и затухание звезд — все это явления одного рода, одного целого, объединенного диалектическим понятием ритмических соизмеримостей и повторяемостей, в одном случае доступных традиционным понятиям, в другом — требующих дополнений и новых качественных переходов.

Мы можем понять стихотворца, написавшего несовершенное, с самых разных точек зрения, произведение. Механически написанное, оно доступно механической оценке. Куда сложнее дело, когда перед нами такие, скажем, есенинские строки:

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край...

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

Объяснять, что это было написано «просто так», мол, взял, сел и написал, пользуясь вдохновением, незачем, так как имеются

разные пробы и варианты, предшествующие окончательному тексту.

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край...

Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

А перед этими вариантами Есенин в стихотворном опыте, по-случайно названном «Форма», делал «пробу пера»:

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?..

Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь...
Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.

Большое, искреннее чувство требовало большой, углубленной, не поддающейся обычной поэтической инерции работы.

Некоторые стихи можно переделывать сотни раз, количество вариантов увеличится, а качество останется все то же. Причина? Нет глубокой мысли, нет содержания, форме нечему соответствовать.

И пусть не покажется читателю странной далекая, казалось бы, от вопросов поэтики мысль: качество всегда в движении, движение всегда имеет свою форму, и эта форма — тот или иной ритм.

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Исправьте предложения

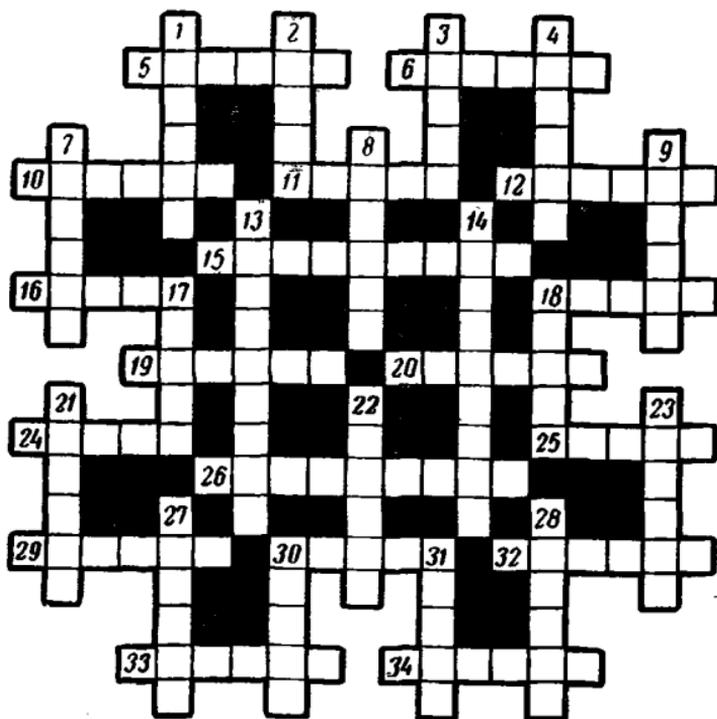
1. Студенты вели работу по выполнению заданий.
2. Умением применять эмоциональные окраски слов писатель достиг большой силы раскрытия чувств.
3. Вам необходимо переработать статью согласно указаний редактора.

II. Подберите синонимы к словам

Заросли, вымышленный, невеста, продовольствие, одежда.

(Ответы на стр. 100)

КРОССВОРД «СИНОНИМЫ»

Вставьте в клетки кроссворда слова, синонимичные названному здесь „Наиболее распространенным пониманием синонимов является следующее: синонимами признаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенками значения, или стилистической окраской (и сферой употребления), или одновременно обоими названными признаками“ (А. П. Евгеньева. Проект словаря синонимов. М., 1964; З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М., 1968).

По вертикали. 1. Критерий. 2. Топчан. 3. Сражение. 4. Юла. 7. Образец. 8. Пугало. 9. Шествие. 13. Оригинал. 14. Жизнеописание. 17. Отправление (в спорте). 18. Протяженность. 21. Успех. 22. Прилив. 23. Пчельник. 27. Грот. 28. Зарок. 30. Смотр. 31. Отступ (красная строка).

По горизонтали. 5. Припев. 6. Беседа. 10. Коса. 11. Обрыв. 12. Вселенная. 15. Арбитр. 16. Косьба. 18. Предприниматель. 19. Напор. 20. Перекладина. 24. Законовед. 25. Бриллиант. 26. Книголюб. 29. Талисман. 30. Испытание. 32. Надзор. 33. Благоухание. 34. Мираж.

(Ответы в следующем номере)

Составил читатель
С. И. Чинаев
Ташкент

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ, ЖАРГОНЫ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Профессиональными, или специальными (техническими) языками называют речь профессиональных групп или социальных прослоек, поставленных в особые условия жизни и общения. Мы говорим, например, о языке охотников и рыболовов, спортсменов, о языке актеров и ученых, о жаргоне студентов и школьников.

Рассуждая о неиссякаемых истоках живой речи, о богатстве специальных языков, писатель Б. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» (Л., 1963) замечал:

«Взять хотя бы специальный язык охотников. Мне с детства нравилось, например, что хвосты у разных животных носят у охотников особые названия: хвост волка — *полено*, хвост лисицы — *труба*, хвост зайца — *цветок*, хвост борзой — *правыло* и т. д. Даже такое обычное действие, как увидеть зайца на лежке, называется у охотников *подбзрить* зайца...».

Конечно, называя те или иные сферы специальной речи «языками», мы употребляем слово *язык* условно. Ведь это не самостоятельные языки со своей грамматикой и фонетикой, а устойчивые разновидности общей речи, своеобразные словарные (и фразеологические) единства, возникшие на базе общенационального языка в особых исторических и социальных условиях. Нередко такая специальная речь строится как «тайная», «засекреченная», понятная лишь кругу посвященных. В этом случае говорят об условных языках, или арго, которые возникали в разных языках из практической потребности сохранить профессиональную тайну или свою бытовую речь от окружающих (такова была речь русских ремесленников-отходников или бродячих торговцев-офеней). Другая причина появления условных языков —

Результатом социального дробления являются также — *специальные языки*. В принципе их существование так же естественно, как и существование диалектов...

М. Н. Петерсон.
Язык как социальное явление

скрыть или замаскировать преступный характер замыслов и действий, сделав речь «паролем» для своих (таковы арго деклассированных элементов и преступников).

Профессиональные, или технические языки возникают в результате необходимости назвать вещи и понятия, для которых нет наименования в обычной речи. Однако они могут служить и для более точного, устранивающего всякую двусмысленность обозначения предметов и явлений, для которых есть названия и в обиходном языке. Технические языки или создают новые слова (электроника, бionика, голография, луноведение) или употребляют старые слова, но придают им специальный, терминологический смысл (магнитное поле, сопротивление материалов, усталость металла и т. п.).

Помимо собственно технических терминов каждая профессия и каждый относительно замкнутый социальный коллектив имеет свой бытовой, фамильярный, сниженный язык, который называют жаргоном, или арго (сюда включают иногда и элементы «профессионального просторечия»). От обычной речи всех говорящих на том или ином языке арго отличаются словарным составом — лексическим и фразеологическим запасом, характеризующимся яркой выразительностью, экспрессией. Есть армейское арго, есть арго моряков, шахтеров, артистов, арго студентов и школьников.

Писатель Борис Горбатов в незавершенном романе «Алексей Гайдаш» рассказывает о красноармейском (курсаитском) лексиконе 30-х годов:

«О неудачливом стрелке говорили, что он выбил „кучный поль“ и ядовито поздравляли его. Пуля, не попавшая даже в щит, по общему мнению, „отправлялась за молоком“. О стрелке тогда говорили, что он „стрелял в белый свет, как в копеечку“. Искали, где на винтовке знаменитый „мулёк“, а на вопрос: „Сколько весит мулёк?“ — всегда отвечали: „Два паряда“. О бойце, который сдал на марше, сообщалось, что он нынче „сыграл в ящик“. Так и говорилось меж собой: „Сегодня сыграли в ящик трое“».

В этом отрывке читателям понятны, конечно, все слова и выражения, воспринимаемые как стереотипные, привычные остроты и шутки. Неясным может быть лишь один *мулёк* — слово, заимствованное из русских диалектов и означающее «мозоль». После такого разъяснения становится понятно, почему за «мулёк», то есть за натертую от неумелой обмотки ногу, полагается наказание в виде двух нарядов вне очереди.

Для всякого арго характерна постоянная текучесть, изменчивость — во времени и «пространстве» (на разных территориях, в разных коллективах). Вместе с тем существуют постоянные, типичные приемы воссоздания, формирования и обновления арготической лексики. Перечислим некоторые из них.

Первый и наиболее простой прием — семантическая специализация, сужение смыслового значения слов и выражений обычного языка. У строителей слово *коробка* обозначает остов строящегося здания, каркас; моряки называют *коробкой* свое судно, танкисты ласково зовут *коробочкой* свой танк и т. п.

Второй излюбленный прием формирования лексики в специальных языках и арго — переносное, метафорическое употребление общелитературных слов и выражений. Метафоры эти могут быть и случайными и намеренными; возможны при этом разного рода переносы названия типа метонимии (по сходству). В общелитературном языке мы можем ощущать образность таких, например, технических выражений, как «выносливость материала» или «моральное старение машин», но в терминологической речи специалистов это обычные, вполне нейтральные в стилистическом отношении конструкции.

Профессиональные арготизмы такого рода могут выступать в качестве ярких показателей речи специалистов — знатоков и мастеров своего дела. Характерна в этом отношении сцена из рассказа И. Зверева «Дима», где речь идет о подростке, работающем в ремонтной электромастерской:

«Посредине стола беспомощно лежала разъятая на половинки электробритва. И Дима, глянув орлиным взором и заметив в ее нутре подпалину, сказал: „Катушка испеклась“. Можно было бы сказать просто „сгорела“. Но „испеклась“ было шикарнее и профессиональнее» (разрядка моя.— Л. С.).

О случайном переносе пазвания по сходству, закрепившемся на время в речевом обиходе летчиков-испытателей, рассказывает в книге «Испытано в небе» Герой Советского Союза М. Галлай:

«Иногда поводом для той или иной клички самолетов служил внешний вид машины. Один самолет с очень длинным и тонким фюзеляжем фигурировал у нас под наименованием „Анаконда“ — его появление на аэродроме совпало с демонстрацией в московских кинотеатрах фильма об охоте за этой огромной змеей в джунглях Южной Америки».

Наконец, третий прием профессионального и арготического словотворчества связан с разного рода сокращениями слов, а то и с намеренным их звуковым искажением, обыгрыванием, принятым в той или иной среде говорящих. В качестве примеров можно сослаться на *термояд* у физиков (в значении ‘термоядерная реакция’) или *кибернёт* и *кйбер* у инженеров-электронщиков (в значениях ‘кибернетическое устройство’, ‘робот’). Характерны для профессионально-арготической речи летчиков переименованные названия самолетов по их официальным сокращениям (аббревиатурам): *уточка* (самолет У-2), *ишачок*, *ишак* (И-16), *пёшка* (ПЕ-2), *Мйтрич* (МИ-3) и многие другие.

Живучесть многих старых специальных языков объясняется устойчивостью практических нужд и традиций той или иной социальной группы. Так, возникшие еще в феодальной Руси условные языки торговцев-разносчиков (или офеней-коробейников), а также лошадиных барышников, портных, шаповалов, жестянщиков сохранились и в конце XIX и даже в начале XX века.

Офенский и близкие к нему языки (ответвления) носили специальные наименования: кантюжный, ламапский, аламанский, галивонский, матройский, масовский, байковый и др. Остатки этих языков встречаются осколочно в русских территориальных диалектах наших дней — в старинных центрах русского отходничества (особенно много в бывшей Владимирской губернии, в среднем Поволжье и других местах).

В специальных языках содержится очень много отживших, архаических элементов. В них немало иноязычных заимствований, обычно также очень старых. Все это делает специальную и арготическую речь интересным объектом собственно лингвистического исследования. Для примера можно привести несколько кратких очерков из истории жаргонной лексики или слов, лишь по своему происхождению восходящих к жаргонам.

Стрёма. Стоять на стрёме

Теперь это полузабытые выражения, восходящие к старому, арготическому словарю. В языке преступников и арестантов начала века *стрёма* обозначало стоящего на страже, караульщика (во время совершения кражи на воле, а также во время карточной игры в заключении). Позднее в жаргоне учащихся и в общем просторечии выражение *стоять на стрёме* употреблялось в переносном и расширительном значении 'стоять на страже; следить, наблюдать' и т. п.

В. И. Даль (Толковый словарь живого великорусского языка) связывал слово *стрёма* по происхождению с прилагательным *стрёмный*: «*Стрёмный, стрёмкий, стрёмый*, московское, владимирское пряткий, проворный, бойкий, расторопный; отсюда окрик мазуриков и жуликов друг на друга: *Стрёма!* — берегись, есть опасность».

Можно полагать, однако, что это слово имеет более древнее происхождение и связано не со *стремительный* (*стрёмный* 'быстрый'), а со *стремнина* (прилагательное также *стрёмный*), обозначавшим прежде крутизну, высоту. Ср. у того же В. И. Даля:

«*Стремнина*... — быстрица теченья, стрежь, стрежень; // круча, обрыв, крутизна, скала, утес, отвесная высота либо глубина...».

Таким образом, древнее *стрёма* предположительно может быть восстановлено как название места, где стоит сторож (затем это наименование было перенесено на самого сторожа). Буквально *стоять на стрёме* — значит находиться сторожем на высокой скале, на обрывистом берегу реки (чаще на излучине), где широкий обзор позволяет видеть издали приближающуюся опасность и вовремя предупредить — свистом, криком, условным знаком, дымом костра и т. п. — членов своей разбойничьей шайки, грабящих внизу под кручей проезжих купцов. Итак, современное *стрёма* — это, по-видимому, отголосок специального («условного») языка волжских и других речных разбойников — одной из старейших ветвей русских социальных диалектов, восходящей к XVI—XVII векам или даже несколько ранее.

Фарцовка, фарцовщик

В современной разговорной речи мы знаем их как слова-прозвища для спекулянтов заграничными вещами (скупаемыми обычно у иностранцев) и преступной деятельности этих «бизнесменов». Писатель Б. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» ошибочно связывал происхождение этих слов с английской фразой-обращением (Have you anything for sale?) (Есть ли у вас что-

нибудь для продажи?). Из конца фразы — «for sale» — было образовано, по мнению Б. Тимофеева, сначала *форсэльщик*, а затем *фарцовщик*. Эта этимология, конечно, произвольна. Не говоря уже о том, что *фарцовщик* образован от *фарцовка* (а не наоборот), оба слова находятся в сложной фонетико-смысловой связи со старыми жаргонными словами *фартить* и *фарт* 'удача', *форс*, *форсы* 'деньги', *фартовка* 'спекуляция вещами' и некоторыми др. В конечном итоге *фарцовка* восходит к старому арготическому заимствованию из польского, где и сейчас в разговорном сниженном стиле есть слова *szwarcować* 'заниматься контрабандой' и *szwarcówka* 'контрабанда' — с их производными. От *фарцовки* 'контрабанды' до современного жаргонного 'спекуляция импортными вещами' путь семантического изменения или применения совершенно ясен.

Халтура

Общеизвестное слово в значениях 'плохая, недоброкачественная работа' и 'побочный легкий заработок' прошло через ряд языков и жаргонов. Из латинского *chartularium* 'поминальная запись' через польское посредство (где появилось *chartury* 'поминки') слово, видоизменившись, появилось в народной украинской, а затем и русской речи, где пришло в смысловое и звуковое взаимодействие с глаголом *ханать* 'наживаться за чей-нибудь счет'. «С Юга и Юго-Запада, из среды духовенства, запесено в Москву и другие города слово *халтура*», — писал профессор А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» (М., 1928).

Однако путь этого слова в разговорную русскую речь не был таким прямым. Действительно, в обиходе старого русского духовенства *халтурами* назывались поминки (поминальные службы), а также сопровождавшие их даровые угощения. Очень часто такие службы происходили на дому у прихожан по большим праздникам. Чтобы успеть обойти большее число домов и, следовательно, собрать побольше денег и других даров, попы и их служки произносили молитвы ускоренно и в сокращенном виде: это-то и были первые «халтуры» в нынешнем их понимании.

Интересно, что в языке московских попов *халтура* обозначала службу в чужом приходе (своеобразные «гастроли»). В дореволюционном жаргоне преступников *халтурой* называли кражу в квартире, где находится покойник, а самого вора именовали *халтурщиком* (циничная метафора таких наименований совершенно ясна). В речи торговцев и мелких ремесленников *халтурой* стали называть (также в предреволюционную эпоху) некачественную выделку товара, а также недоброкачественную работу вообще.

Актерская речь довольно рано подхватила эти слова. Актриса Н. А. Смирнова в книге «Воспоминания» (М., 1947) рассказы-

васть о том, что в старом актерском лексиконе Страстную площадь в Москве называли «Халтурной». На этой своеобразной бирже устроители спектаклей ловили актеров, чтобы поторопить заменить случайно выбывшего (заболевшего) актера или подобрать недостающего в пьесе исполнителя. Случалось, что актеру тут же давали в руки роль, и он в первый раз читал ее по дороге в театр, часто не зная всей пьесы, в которой ему предстояло играть. Актерские выражения «халтурная роль», «халтурная пьеса», «халтурить на стороне» дали жизнь современным разговорно-просторечным словам *халтура*, *халтурить*, *халтурщик* и т. п. — в более общих и ярко оценочных (отрицательно-осуждающих) значениях.

Ерунда

Это такое привычное, и казалось бы, исконное слово в русском языке оказывается сравнительно поздним и также жаргонным и иноязычным по происхождению.

Этимологические словари русского языка единодушно отдают предпочтение семинаристскому происхождению слова, производя его от термина ненавистной для бурсаков латинской грамматики *gerundium* («герундия»). Однако лингвистически не вполне ясно, как *герундий* превратился в *ерунду*: семантика слова должна идти от «непущной премудрости» — к «ненужности» вообще и в дальнейшем к «пустякам, чепухе»; перенос ударения и фонетические преобразования слова без натяжек и допущений также трудно объяснимы. Если учесть, что слово при своем появлении стало чуть ли не одним из символов нигилизма, станет ясно, что в принятой и «узаконенной» этимологии много нарочитого, искусственного.

Более вероятным представляется иной путь движения слова *ерунда* — также из иноязычного источника, окрашенного социально, — в общелитературный язык из народной русской речи. Толковые словари 2-й половины XIX века указывают на широкое диалектное распространение слова *ерунда* (см. об этом в книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX в.». М.—Л., 1965). Весьма показательным свидетельством Н. А. Некрасова, который в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» сопроводил это слово характерным примечанием: «Л а к е й с к о е с л о в о [разрядка моя.—Л. С.], равнозначительное слову *дрянь*».

Слово *ерунда*, скорее всего, восходит к выражению *hier und da* — из жаргонной речи петербургских и московских немцев-кол-

баспников, которые при сортировке мяса выделяли лучшие куски для деликатесов, другие — для низших сортов изделий, а остатки, идущие в виде добавок «туда или сюда» безразлично, и назывались *хирундой* или (на письме) *ерундой* — в полном соответствии со смыслом и звучанием разговорного немецкого фразеологизма.

Очень подробно рассказывает об этом писатель Лесков в специальной заметке «Откуда пошла глаголемая *ерунда* или *хирунда*» (опубликована первоначально в газете «Новости» от 3 сентября 1884 года). Интересно, что, как признается писатель, он сам прежде верил в семинарско-нигилистическое происхождение слова и вложил его в уста одного из персонажей в хронике «Соборяне».

Ерунда как буквальное «ни то ни сё», «и туда и сюда» хорошо объясняет и современное значение «мелочь, чепуха, пустяки», и почти забытые ныне, но широко известные в прошлом производные от этого слова — *ерундить*, *ерундист* и т. п. в значении «двоедушничать», «говорить неопределенно, не склоняясь ни к одному из мнений», быть человеком несерьезным — «ни да, ни нет».

Взаимодействуя с литературным языком, арготизмы могут со временем закрепляться в его нижних стилистических ярусах, а затем стать вполне литературными. Наверное, не все знают, что такие слова и выражения, как *накладка*, *прокол*, *хохма* и *хохмач*, *портач* и *портачить*, *быть в форме*, *на полном серьезе*, *запороть*, *погореть* и многие другие, восходят исторически к арготической речи.

Из языка актеров или через актерский язык пришли в общую речь слова *настрой*, *переживать*, *волнительно*, *выигрышный*, из речи бурсаков — *дока*, *шпаргалка* и *собаку съел*, из морского, флотского арго — *вставить фитиль* «сделать выговор» (буквально: «зажечь сигнал недовольства действиями» на флагманском корабле). Выражение *быть в ударе* и слово *верняк* восходят к речи миллиардных игроков, а выражения *втирать очки*, *идти в гору*, *для мебели* — к терминологии картежников и карточных жуликов (шулеров).

Попадая в общее употребление, профессиональные слова и выражения теряют свою специальную «привязанность», приобретая более широкое (или переносное) значение.

В интересной книге о конниках и конном спорте «По словам лошади» (М., 1969) Д. Урнов пишет о некоторых таких словах и оборотах:

«Слово *завод*, теперь к лошадям применимое с оговоркой, с иронией, на самом деле от лошадей пошло. *Завод* когда-то и значило лишь — «конное хозяйство». Иных заводов не было.

Так получилось со многими сугубо конными понятиями. Каков смысл слова *ремонт*? Изначально один: от французского *ре-монт*, то есть пересаживаться на новых лошадях — обновлять конский состав кавалерии. Раньше ремонтировались только кавалерийские части, а теперь и часы, и ботинки, и вообще все на свете. Также говорится „закинулся“, „съехал с круга“, „остался за флагом“ без мысли о том, что это из конюшенного, ипподромного жаргона».

К этому можно добавить, что из конно-спортивной терминологии пришли в жаргон военных словечки *цукать* и *цук* — о нагоняе, выговоре старшими по званию младшим (немецкое *Zuck* — «резкий рывок поводьями, понукание скакуна к движению»), а в общую речь — такое широко известное экспрессивное выражение, как «темная лошадка» (о ком-нибудь).

Особое место среди специальных языков занимают арготические слова и выражения. В старину в каждой гимназии, в каждом лицее и в бурсе были свои особенности словоупотребления и даже речетворчества. В знаменитых «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского описан язык бурсаков «по шипам», когда слово делится на две части, эти части переставляются местами и к ним добавляются попеременно слоги *ши* и *цы*. Например, слово *розга* звучало в этом языке как «ши-зга-ро-цы», а фраза *ничего не бойся* — «ши-чего ни-цы ши-йся не бо-цы».

И у современных студентов и школьников тоже есть свои арготические слова и выражения: *пáра* и *гусь* (двойка), *пéшка* (пение), *фíзика* или *физра́* (физкультура как школьный предмет; из графического сокращения «физ-ра»), *пóдстрелить удочку* (получить оценку «удовлетворительно»), *схватить хóрлика* (получить оценку «хорошо») и мн. другие.

В широком, обобщенном смысле часто говорят о современном молодежном жаргоне (или слэнге) и отмечают его убожество, грубую фамильярность, излишнюю личость. В известной книге о русском языке «Живой как жизнь» К. И. Чуковский писал о том, что существование молодежного жаргона в целом довольно правомерно, плохо лишь то, что это дурной жаргон. Однако, полагал писатель, особенно горевать на этот счет не стоит: молодежный жаргон, во-первых, «болезнь роста», им надо переболеть, как корью; во-вторых, он недолговечен и бы-

стро выходит в тираж, постоянно обновляясь; в-третьих, он почти не влияет на общелитературный язык.

Все это, конечно, так. Действительно, молодежный жаргон, будучи явлением возрастным и корпоративно-психологическим, движется во времени и для каждого отдельного человека может проходить, как «детская болезнь». Плохо, однако, если болезнь затягивается, застаивается, переходит во «взрослую» жизнь. Язык в таком случае жестоко мстит за себя: жалок в своей беспомощности или смешон в нарочитой вульгарности тот, кто вне студенческой или школьной среды сыплет, как шелухой от семечек, пустыми внутри и дикими внешне словечками, вроде *клёвый*, *колоссально*, *пршвырнуться*, *хилать*, *базлать* или *чувиха*.

Защитники и сторонники жаргонной речи говорят иногда о ее выразительности, яркой эмоциональности. Так ли это на самом деле? Далеко не так. Жаргонные образы от постоянного употребления быстро тускнеют, стираются, превращаясь в свою противоположность — безликий и назойливый штамп, ходячую «хохму». Штампуются образ или острова — штампуются и связанная с ними выразительность. Эмоционально-экспрессивная сторона жаргонов и арга, несмотря на свою видимую развитость, качественно бедна, неглубока и чрезвычайно однообразна. Эмоции в арге связаны с оценками, которых там всего две — положительная и отрицательная. Других качеств и оценок, всех тонких переходов, которыми полна жизнь и общелитературный язык, арга не знает. *Блеск*, *железно*, *мирово*, *коронно* — все это говорится о положительном качестве, а *муть*, *чешуя*, *лабуда* и *мура* — об отрицательном. По-разному, как будто звучат слова, а значат они, в сущности, одно и то же: одни из них соответствуют сухому математическому знаку «плюс», а другие — знаку «минус».

Жаргон убивает мысль, отучает думать его „поклонников“. Больше того, известно, что для арготического словоупотребления характерна смысловая расплывчатость, аморфность, приблизительность значения. *Усечь*, например, и ‘понять’, и ‘усвоить’, и ‘сообразить’, и ‘заметить’, и ‘запомнить’; слово это может означать многое другое. О каком же разнообразии чувств здесь может идти речь, о какой точности в передаче смысла слов или оттенков значения? Именно поэтому молодежный жаргон в отличие от профессиональных арга никогда или почти

никогда не обогащает общелитературной речи. Против вульгарных, идеологически отрицательно окрашенных жаргонизмов успешную борьбу ведут у нас писатели, журналисты, учителя, общественные организации, и в первую очередь комсомол. Эта борьба — важный фактор повышения речевой и общей культуры нашей молодежи. Лучшие ее представители это очень хорошо понимают. И они ставят перед собой задачу овладения подлинными, а не мнимыми богатствами народной и литературной речи.

Специальные языки, так же как и территориальные диалекты, но по другой («вертикальной») линии, являются следствием социальной дифференциации общества. Как и территориальные диалекты (местные говоры), специальные языки взаимодействуют с общим, литературным языком. Но если территориальные диалекты обладают относительной самостоятельностью развития, то специальные языки (или социальные диалекты), возникая на базе общего языка, не могут существовать без постоянного взаимодействия с ним.

Русские писатели широко использовали знание социальных диалектов и говоров в работе над языком своих художественных произведений. «Мертвые души» Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Л. Толстого потому и называются художественными «энциклопедиями русской жизни», что наряду с деталями быта, нравов, метким описанием типов и персонажей реалистически и живо отражают язык различных социальных слоев русского общества прошлого века, их специфическое словопотребление, связанное с характернейшими явлениями русской жизни.

Только на нескольких страницах I тома «Мертвых душ» мы находим, например, описания жаргона картежников (гл. I), профессиональной речи кустарей (гл. VI), пародного просторечия (гл. VIII); не говоря уже о красочной сцене на царне Ноздрева (гл. IV), где использованы в большом художественном «нагнетении» словечки и выражения русских собачеев прошлого века:

«Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полвопегих, муруго-пегих, краснопегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосыр, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница».

Постоянное взаимодействие литературного языка и социальных диалектов — один из важных путей сближе-

ния языка литературно-письменного и устного, один из путей обогащения и обновления книжного языка живыми соками разговорной русской речи.

Из сказанного ясно, что проблема жаргонов и жаргонизмов в русском языке наших дней — сложная и многосторонняя. Это и собственно языковая проблема, связанная со структурой национального языка, развитием и изменчивостью литературных норм, с судьбой социальных диалектов и специальных языков в новых общественных условиях. Это и художественно-эстетическая, писательская и переводческая проблема, и воспитательная, педагогическая.

Различна, как мы видели, и судьба самих жаргонизмов. Действительно, если слова *стрёма*, *фарцовка*, *цукать* и им подобные остаются по преимуществу или исключительно принадлежностью жаргонной речи (или речи, подравнивающейся под нее), то такие лишь по происхождению жаргонные слова и обороты, как *халтура*, *ерунда*, *на полном серьезе*, *темнить* и многие другие, становятся или стали уже полноправными элементами непринужденной или нарочито сниженной, экспрессивной речи. Для успешной борьбы с жаргонизмами, в разъяснительной языковедческой и педагогической работе нельзя ни отвергать их огульно на основании их «подозрительного», не вполне благовидного происхождения (ведь есть слова-бумеранги, возвращающиеся в пересмысленном виде к тем, кто их создал или возродил), ни тем более поощрять их так же безоговорочно, ссылаясь на некие общие тенденции демократизации разговорной и литературной речи.

При этом мнимые опасности и «болезни роста» не должны заслонять подлинное зло, которое приносит жаргон, иссушая и загрязняя живую речь, на свой лад стандартизуя ее, заглушая живую мысль и подлинное языковое творчество. Борьба с жаргоном должна основываться на серьезном знании собственно лингвистической, а также психологической основы формирования и бытования специальных языков или стилей речи.

Заведующий сектором культуры речи
Института русского языка АН СССР
Л. И. СКВОРЦОВ

ПЛАНЕТА ПЛУТОН

Название последней планеты солнечной системы Плутон связывается с именем античного бога Плутона, владыки подземного царства. И сама форма названия, и вся совокупность наименований планетной семьи, берущая начало в мифологии (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун), подтверждают, что мифологический персонаж дал свое имя планете и в данном случае. Поэтому такое объяснение названия планеты Плутон обычно и приводится в литературе. Однако это не совсем точно. Астрономы знают, что открытие Плутона тесно связано с деятельностью известного американского астронома П. Лоуэлла (1855—1916), который предсказал существование и положение планеты еще в 1915 году. Сама планета была найдена лишь в 1930 году, уже после смерти ученого. Но найдена она была по расчетам Лоуэлла, на Лоуэлловской обсерватории. Обнаружив планету 19 февраля, сотрудники обсерватории не сразу сообщили о ней ученому миру, а подождали до 13 марта — 75-летия со дня рождения Персиваля Лоуэлла.

С именем П. Лоуэлла связано и само название планеты Плу-тон. Ядром названия новооткрытой планеты были приняты инициалы этого знаменитого астронома, как они были приняты и в качестве ее условного обозначения. Имея инициалы как заданное условие, ученые обследовали античную мифологию, традиционный источник астрономических названий, в поисках бога, имя которого начиналось на Пл-. Так Плутон и оказался извлеченным из подземного мрака на небо. Плутон (от греческого *plutos* 'богатство') — бог подземного мира, земных недр.

Имя бога, таким образом, тоже принимало участие в образовании имени планеты. Название оказалось очень удачным, потому что соседняя планета уже была названа именем бога подводного мира Нептуна (это латинское название, по-гречески — Посейдон, брат бога Плутона).

Итак, имеется два разных, независимых источника происхождения названия планеты Плутон. Название образовано путем своеобразного наложения этих источников, причем один из них (имя ученого) оказался спрятанным, зашифрованным, заслоненным вторичным источником.

Особенности такого словообразования заключаются в том, что два источника не связаны друг с другом; они четко различаются как первичный и вторичный. Исходный для образования слова и поэтому более важный первичный источник растворяется во вторичном, поскольку новое слово совпадает по звучанию со вторичным источником.

*Профессор
Ю. А. КАРПЕНКО
Одесса*

ВСТАВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ

В устной и письменной речи предложения часто осложняются вставными единицами. Школьная традиция до сих пор относит их к вводным словам и предложениям на основе общности некоторых признаков: те и другие не являются структурно необходимыми элементами предложения, интонационно и пунктуационно выделяются в нем. Однако вводные и вставные единицы значительно различаются между собой как по структуре, так и по роли в предложении («Русская речь», 1970, № 2).

Вставные единицы разнообразны по структуре: ими могут быть одиночные слова, сочетания слов, простые и сложные предложения разных типов, конструкции с прямой речью, несколько смежных предложений. Обычно они содержат дополнительные сведения, связанные с содержанием или стилем основного предложения или какой-либо его части, а также сведения, пришедшие на память в момент речи. Эти сведения обычно не являются чем-то второстепенным, малозначащим, инородным в смысловой или стилистической ткани всего предложения. Скорее наоборот: автор как бы выносит дополнительные замечания на второй план, как сопутствующие основной мысли, тем самым обращая на них внимание читателя (слушателя). Часто этим достигается, при лакопичности средств, бо́льшая смысловая емкость и выразительность предложения, что способствует эффективной передаче сообщаемого материала и облегчает его восприятие в единстве содержания основной и вставной частей предложения:

«Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)» (Л. Толстой. Война и мир). Ср.: Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений, то есть тех, разумность которых мы не понимаем. Вставная единица указывает здесь на своеобразное, толстовское употребление слова *неразумный*. Освобождение этой конструкции от скобок синтаксически и по смыслу «выравнивает» ее с основной частью предложения, ставит на одну логическую плоскость с ней, и замечание Толстого теряет ярко субъективный характер. Оно уже воспринимается как общепринятое толкование «неразумных явлений», в то время как в общенародном употреблении слово *неразумный* прежде всего обозначает 'глупый', 'бестолковый'.

В живой устной речи или речи персонажа художественного произведения встречаются вставки, которые вклиниваются в предложение, прерывая его и сообщая сведения, вызванные не смыслом или стилем высказывания, а обстановкой, состоянием говорящего, его эмоциями, раздумьями и т. д. Так, Арбенин во время игры в карты рассказывает анекдот, прерывая рассказ замечаниями, обращенными к партнерам:

Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был моложе:
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек.— *Твоя взяла, Казарин.*—
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком,—
*Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком.*
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем
И, к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель...

Л е р м о н т о в. Маскарад

Вставные единицы, как правило, интонационно выделяются более рельефно, чем вводные и обособленные конструкции. Интонационные средства (понижение тона, сила голоса, ускорение темпа, выделительные паузы) подчеркивают, а передко и создают оттепок добавочности и обособленности вставок: «Умслые руки Максима (которому пришлось изучить для этого специальные приему обучения слепых) очень нравились мальчику» (Короленко. Слепой музыкант). Ср.: Умслые руки Максима, которому пришлось ...

Пунктуационно вставные единицы оформляются неодинаково, чаще выделяются скобками, реже — тире, запятыми, запятыми и тире: «Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский

уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино» (Пушкин. Барышня-крестьянка); «А кавказцы, их здесь семеро, уже прекратили работы, сбились все в одну избу и жмутся от холода...» (Чехов. Остров Сахалин); «Не разукрашенная ничем — разве только красные флаги вспыхнули однажды и погасли надолго, да еще покойному дядьке оторвало руку в каландарах машины — протекала его юность» (Леонов. Соть).

Уточняя или развивая содержание основного предложения, вставки могут передавать широкий круг значений: определительные, обстоятельственные, объектные; сообщают добавочные сведения о предмете, лице (возраст, профессию, деталь портрета), логическую оценку сообщаемых фактов; указывают на индивидуальные особенности речи персонажа, на жесты, мимику человека и др.

Вставки могут быть в простых и сложных предложениях всех типов как в устной, так и в письменной речи разных стилей. Правда, употребительность вставок в разных стилях и жанрах, а также у разных авторов неодинакова. Так, в прозе Пушкина, Л. Толстого, Чехова их много, у Горького, Л. Леонова — значительно меньше.

По форме вставные единицы можно объединить в две основные группы. Одни имеют «зависимую» структуру, по форме совпадают с невставной частью предложения (с членом предложения, частью сложного предложения, членом предложения, к которому присоединена обособленная конструкция или предложение). У них ослаблена связь с основным предложением, они получили большую смысловую и синтаксическую самостоятельность при заметной интонационной обособленности:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму...

Пушкин. Евгений Онегин

«Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать: им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет „здравствуйте“ (потому что фельдфебель говорит „здравия желаю“») (Лермонтов, Герой нашего времени).

Другие вставки не имеют формальных показателей синтаксической зависимости от основного предложения. Они разнообразнее по структуре и более самостоятельны в смысловом и грамматиче-

ском отношении, чем «зависимые». К ним относятся одиночные слова, группы слов, предложения разных типов, несколько смежных предложений, целый абзац, прямая речь: «Выйдет [Зуля] в клеушок, превращенный им в подобие мастерской (*верстак, фуганок, рубанок, стамеска, долото, несколько буравчиков разной величины да остро отточенный топор*),— выйдет с рассветом и не возвращается оттуда до вечерних сумерек» (Алексеев. Хлеб — имя существительное).

Во вставном положении могут оказаться и вводные конструкции: «Наташа была оскорблена замешательством, происшедшим в передней, беспокойством своего отца и неестественным тоном княжны, которая — *ей казалось* — делала милость, принимая ее» (Л. Толстой. Война и мир).

Вставные единицы могут осложняться разными синтаксическими средствами, в том числе и вставками. Обычно вставные единицы находятся в смысловой связи с основным предложением или с какой-либо частью его —

со всем предложением: «„Как можно такую позднюю порою отправляться в такую дальнюю дорогу!“ — всегда говорила Пульхерия Ивановна (*гость обыкновенно жил в трех или в четырех от них верстах*)» (Гоголь. Старосветские помещики);

с частью сложного предложения:

Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе,—
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Е с е н и в. «Я обманывать себя не стану...»

с одним членом предложения, послужившим поводом к сообщению дополнительных сведений: «Вчера Егоров (*это мой друг по институту*) прилетел из Норильска...» (из разговора).

Иногда вставные единицы по смыслу соотносятся с несколькими смежными предложениями, как предыдущими, так и последующими: «7 августа князь Багратион в своей стоянке Михайловке на Смоленской дороге писал следующее:

„Милостивый государь граф Алексей Андреевич.
(Он писал Аракчееву, но знал, что письмо его будет прочтено государем, и потому, насколько он был к тому способен, обдумывал каждое свое слово).

Я думаю, что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска“» (Л. Толстой. Война и мир).

Положение вставок в предложении зависит от того, с какой единицей они связываются по смыслу. При связи со всем основным предложением они располагаются обычно в середине или конце его,

при соотношении с одним членом предложения — близости от него, как правило, за ним.

Для связи вставных единиц с основным предложением используются различные лексико-грамматические средства:

сочинительные союзы *и, а, но, да, или* (они получают при этом присоединительное значение): «Придет время, *и оно уже близко*, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа...» (Короленко. История моего современника);

присоединительные союзы *и, а, да и*: «Одним словом, если мы парня поддержим, — *а я это решил*, — то он еще будет работать» (Н. Островский. Как закалялась сталь);

подчинительные союзы и союзные слова (*если, когда, хотя, что, который, устаревший буде*): «Но дело в том, что (*хотя новая сушилка и создана*) до сих пор нет для нее типового проекта» («Правда», 5 июля 1970);

вводные слова и сочетания слов с союзным значением (*кстати, кстати сказать, например*): «На восстание бросили вначале отдельные отряды и отрядики (*так, например, школа ВЦИКа выделила отряд в двести человек*), недоукомплектованные части, малочисленные заградительные отряды» (Шолохов. Тихий Дон);

личные и указательные местоимения, местоименные наречия во вставной единице, соотносительные со словами основного предложения (*это, другой, последний, там, где*): «Немудрено увидеть убегающего зайца или летящую дрохву — *это видел всякий, проезжающий степью*, — но не всякому доступно видеть диких животных в их домашней жизни...» (Чехов. Степь);

подчинительная связь между словами основного предложения и вставной единицы: «Я и с мужем вашим все спорю: не понимаю, зачем он хочет идти на войну, — сказал Пьер, без всякого стеснения (*столь обыкновенного в отношениих молодого мужчины к молодой женщине*) обращаясь к княгине» (Л. Толстой. Война и мир);

соотносительные по смыслу слова в основном предложении и вставной единице: «Минутами Самгину казалось, что его в м е с т н л и щ е в п е ч а т л е н и й — *то, что называют душой*, — засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, — засорено на всю жизнь...» (Горький. Жизнь Клим Самгина);

повторение слов основного предложения во вставной единице: «Эх, деньги, деньги! — вздохнул отец (*он всегда вздыхал, когда видел деньги, даже получая их*)» (Чехов. Тяжелые люди);

однокоренные слова в основном предложении и вставке: «Он [Буденный] приказал вволю кормить коней и хорошо

осмотреть подковы (они были кованы только на передние ноги)» (А. Толстой. Хмурое утро).

Неполнота вставной конструкции — несомненный показатель структурной зависимости вставки от основного предложения: «Все учатся в школе (старший — в восьмом классе), а дочь Липа работает в Ставрове...» (Солоухин. Капля росы).

При значительном распространении вставки для сохранения целостности предложения используется прием «охвата», то есть повторения одного или нескольких слов основного предложения, на которых оно было прервано: «Однажды, — это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу...» (Пушкин. Пиковая дама).

Предложение может быть осложнено и несколькими вставками. В одних случаях они различаются по структуре и по роли в предложении: «Вся деятельность Кутузова, как это было под Тарутиным и под Вязьмой, была направлена только к тому, чтобы — насколько то было в его власти — не останавливать этого губительного для французов движения (как хотели в Петербурге и в армии русские генералы), а содействовать ему и облегчить движение своих войск» (Л. Толстой. Война и мир).

В других случаях автор намеренно делает вставки однотипными по структуре и роли, ставя их в пучные соотношения между собой и таким образом обращая внимание читателя на важные детали повествования.

Так, у Л. Толстого с помощью вставных определительных придаточных предложений, нарочито противопоставленных по смыслу, подчеркивается различие характеров Пьера и княгини Друбецкой, которой овладело желание во что бы то ни стало получить наследство от умирающего графа Безухова: «В то время, как такие разговоры происходили в приемной и в княжеской комнате, карета с Пьером (за которым было послано) и с Анной Михайловной (которая нашла нужным ехать с ним) въезжала во двор графа Безухова».

Умелое использование вставных единиц способствует точному и яркому выражению мысли, чувства, с их тонкими оттенками, переходами. Обилие вставок, неуместное включение их в текст или устную речь загромождает предложение, снижает его выразительность, делает трудновоспринимаемым. Употребление вставных единиц должно быть логически и стилистически оправданным, уместным.

А. И. АНИКИН

ТЫ
ДА Я,
ДА
МЫ
С
ТОБОЙ

«Ты да я, да мы с тобой, много ли нас? — Двое» — такая шуточная загадка-задача помещена в сборнике «Загадки» (Л., 1968). В ней запечатлена одна из ярких особенностей грамматического строя русского языка. Она состоит в том, что при обозначении двух лиц у нас употребляются обороты: мы с тобой, мы с ним (с ней), вы с ним (с ней), они с ним (с ней). Их можно обнаружить почти во всех славянских языках. Академик В. Ягич определил эту особенность; как предварительное указание на множественность в первом подлежащем (субъекте), выраженном местоимением, в тех случаях, когда подлежащее складывается из названий двух лиц.

Обороты *мы с тобой, мы с ним (с ней), вы с ним (с ней)* — специфически разговорные, но они широко используются и в

художественной литературе, в диалогах. Обороты с местоимением 3-го лица — *они с ним (с ней)* — представлены и в авторской речи, причем тем шире, чем разностороннее речевые контакты писателя с народным языком. Не случайно В. Ягич обратил внимание на их обилие в произведениях Л. Н. Толстого и привел из романа «Анна Каренина» два ярких примера: «Они были дружны с Левиным» (говорится о двух лицах — Свяжском и Левине) и «Они переезжают с ним во вновь напятый дом» (Анна Каренина и Вронский).

Область употребления названных оборотов очень широка. Ведь во второй части может быть не только личное местоимение второго или третьего лица в творительном падеже с предлогом *с*, но и неограниченный круг существительных в этой же падежной форме с предлогом: *мы с сыном, вы с Таней, они с Иваном Петровичем*.

Приведем примеры этих конструкций из произведений русских и советских писателей.

Нет, не грозн, отец святой;
Чего бояться нам с тобой?
Обоих нас могила ждет...

Л е р м о н т о в. Боярин Орша

«„Здравствуй, Адуев!“ — сказал он таким голосом, как будто мы вчера только с ним расстались» (Гопчаров. Обыкновенная история); «Всю дорогу мы с ней проговорили» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Куда же нам со старухой?» (Фадеев. Молодая гвардия).

При вежливом обращении «на вы» возникают такие обороты, как *мы с вами*:

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.

Г р и б о е д о в. Горь от ума

Возможны случаи неполных предложений с пропуском первого местоимения в описываемых конструкциях: «А уж как про вашу милость с женой стали бы бога молить!..» (Достоевский. Хозяйка).

Местоимения *мы, вы, они* в описываемых оборотах употребляются, конечно, не только в именительном, но и в косвенных падежах: *для нас с тобой, у нас с братом, у них с сестрой, нам с тобой, нас со старухой, у вас с ним, нам с ней, о нас с тобой, о вас с ним*. Все эти обороты с именительным и косвенными падежами первого местоимения выступают как один член предложения — подлежащее или дополнение. Однако порядок слов в них свободный: «Но теперь это нисколько не интересовало ее. У них шел свой разговор с Левиным» (Л. Толстой. Анна Каренина).

На цельность оборота влияет форма вставленных в него слов (чаще всего глаголов). Если эти слова имеют значения совместности (совместного действия), то лексические и грамматические связи в предложении с указанными оборотами усложняются. Они взаимно перекрещиваются. Творительный падеж местоимения с предлогом *с* выступает здесь не только как показатель «двойственного» значения лично-местоименной конструкции, но и удовлетворяет потребности глагола (или другой части речи) в определенном виде управления.

Это обогащает лексико-грамматические отношения в предложении и одновременно способствует экономии материальных языковых средств. Не случайно поэтому нормативный характер приобретают конструкции, в которых вставляемый глагол обозначает совместно-взаимное действие. Насколько естественны для русского языка конструкции «Мы познакомились с ним прошлым летом», настолько необычны построения «Мы одобряем с Борисом твоё решение». Понятно, что между этими примерами располагается масса переходных случаев, где вопрос о возможном словоупотреблении переходит в область стилистики.

Оборот, в который вставлен глагол со значением совместно-взаимного действия, не утрачивает своей цельности. Ведь творительный совместный с приобретением новых синтаксических связей продолжает служить показателем «двойственного» значения и потому остается частью лично-местоименной конструкции. При грамматическом разборе предложений подобные конструкции считаются синтаксически нечленимыми, выражающими один член предложения — подлежащее или дополнение. Эти конструкции формально отражают своеобразную частную грамматическую категорию со значением совокупности двух лиц, выступающих в роли производителей действия или носителей признака (состояния), то есть в роли субъекта, а также в роли объекта.

Значение совокупности двух лиц, составляющее специфику этих оборотов и делающее их синтаксически неразложимыми, отчетливо отграничивает их от таких омонимичных речевых отрезков, как *мы с тобой, вы с ним, они с Борисом*, когда местоимения *мы, вы, они* обозначают много лиц. В этих случаях сочетания *мы с тобой, вы с ним, они с Борисом* могут появиться лишь при менее обычном порядке слов в предложении и не образуют никакого смыслового и грамматического единства. *Мы, вы, они* — здесь подлежащие, а *с тобой, с ним, с Борисом* — дополнения при сказуемом-глаголе.

Чтобы отчетливо представить различия в грамматической структуре и смысловом наполнении омонимичных предложений: «Мы вчера случайно встретились с ним в книжном магазине»; «Мы

увидимся с тобой завтра вечером»; «Мы с ней часто спорим по этому вопросу», рассмотрим подробнее хотя бы одну их пару.

Предложение «Мы увидимся с тобой завтра вечером» в одном случае имеет нечленимый синтаксический оборот *мы с тобой*. По членам предложения оно разбирается так: *мы с тобой* — подлежащее, *увидимся* — сказуемое, *завтра вечером* — обстоятельства времени. Словосочетания в этом предложении такие: *мы с тобой увидимся* (сложное словосочетание), *увидимся завтра, завтра вечером*.

Во втором, омонимичном предложении: *мы* — подлежащее, *увидимся* — сказуемое, *с тобой* — дополнение, *завтра вечером* — обстоятельства времени. Словосочетания: *мы увидимся, увидимся с тобой, увидимся завтра, завтра вечером*.

От конструкций *мы с тобой, они с Борисом* следует отграничивать возможные речевые отрезки *я с тобой, он с Борисом* и т. д., которые не образуют даже свободных синтаксических соединенных слов, то есть не связаны непосредственно друг с другом: местоимение в именительном падеже *я, ты, он, она* представляет собой в предложении подлежащее, а местоимение (или имя) в творительном с предлогом *с* — обычно дополнение к глаголу-сказуемому. Их употребление обусловлено свойственным русскому языку свободным порядком слов в предложении. И при обычном порядке слов: «Я увижусь с тобой завтра вечером»; «Я вчера случайно встретился с ним в книжном магазине»; «Она ежедневно гуляет с ребенком в парке», и при изменении: «Я с тобой увижусь завтра вечером»; «Я с ним вчера случайно встретился в книжном магазине»; «Она с ребенком ежедневно гуляет в парке» — грамматическая отнесенность слов *с тобой, с ним, с ребенком* к сказуемому-глаголу остается неизменной.

Значение совокушности двух лиц, заключенное в оборотах *мы с тобой, вы с ним, они с Борисом*, свободно реализуется и без всякой связи с глаголом совместного действия и вообще при отсутствии глагола в предложении, при именном сказуемом.

«Мы с тобой бестолковые люди» (И. А. Некрасов);

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятья —
Смерть и гибель для владык.

Тихомирров. Братья

Но именной строй предложения, как правило, исключает возможность появления речевых отрезков *я с тобой, ты с ним, он с Борисом* или *мы с тобой, вы с ним, они с Борисом* (при обозначении формами *мы, вы, они* многих лиц). Можно сказать: «Мы с тобой старики», «Вы с ним поридочные фантазеры», «Они с Борисом заядлые рыболовы», но нельзя: «Я с тобой старик», «Ты с ним поря-

дочный фантазер», «Он с Борисом заядлый рыболов» или даже «Мы с тобой старики», когда *мы* обозначает много лиц.

Значение тесной сплоченности двух лиц в оборотах типа *мы с тобой* подчеркивается и усиливается нередко в этих условиях употреблением количественного наречия *вдвоем*:

И безжизненный месяц — утрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

Б р ю с о в. Мы бродили вдвоем

Наречие *вдвоем* вносит в оборот *мы с тобой* оттенок выделительно-ограничительного значения. Значение совокупности лиц здесь ограничивается числом *два*. Одновременно достигается и большее выделение этой частной категории из общего понятия совокупности лиц.

Несколько другие оттенки значения вносит использование в этих оборотах числительных *оба, обе*:

Теркин, Теркин, в самом деле
Час настал. Войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

Т в а р д о в с к и й. Василий Теркин

Оба, обе выступают здесь в разделительно-собирательном значении; *мы с тобой оба* 'и я, и ты вместе'; *вы с ним оба* — 'и ты, и он вместе'.

Как средство усиления возможно еще паречие *вместе*. Оно свободно используется в предложениях с устойчивыми оборотами типа *мы с тобой*: «Он сразу заторопился уходить. Они вышли вместе с Сережкой» (Фадеев. Молодая гвардия). Наречие *вместе* содержит уже избыточную информацию, но служит целям подчеркивания и усиления значения совокупности, совместности двух лиц, выражаемого названными оборотами.

Смысловое и грамматическое ядро таких устойчивых оборотов, как *мы с тобой*, состоящее в выражении единства, слитности, совокупности двух лиц, может своеобразно изменяться, что вызывает ряд новых явлений в грамматическом и фразеологическом строе русского языка.

Интересен распространенный, особенно в ораторской речи, прием выражения и подчеркивания тесной близости и единства двух сторон — говорящего лица (может быть и шире — социальной среды, представляемой говорящим) и его слушателей, аудитории, к которой говорящий обращается. Двойственность говорящей и слушающей сторон преодолевается определенным единством настроений и взглядов, духовной общностью. Специальным речевым приемом создания и выражения такой внутренней близости этих двух сторон служит употребление в ораторском выступлении обо-

ротов мы с вами, у нас с вами, для нас с вами, где мы символизирует сторону говорящего, но уже в заранее данном единстве с аудиторией, а с вами — сторону слушателей.

В этом случае в самом устойчивом обороте происходят смысловые сдвиги от выражения тесной связи двух лиц к выражению единства и сплоченности двух строк, участвующих в речевом общении. Вот пример. На трибуне — замечательный советский писатель, лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов: «Нам с вами выпала завидная доля, завоеванная отцами, — строить коммунистическое общество в области общественной, моральной, этической. Перед нами стоит задача, которую партия решает с первых дней революции, — воспитание человека» («Комсомольская правда», 10 июня 1963).

Профессор
А. М. ИОРДАНСКИЙ
Владимир

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Накануне и в канун

Читатель М. Кожичов из Клева просит объяснить разницу между словами *в канун* и *накануне*. «Эти слова, — пишет он, — употребляются в газетах и почему-то пишутся по-разному».

Существительное с предлогом *в канун* и наречие (предлог) *накануне* образовались от одного слова *канун* (капон). Греческим *канон* (русский *канун*) называли церковные пения, молебны, читаемые вечером накануне какого-либо церковного праздника. Затем так стали называть то время суток, в которое исполнялись кануны, вечер накануне праздника, и наконец, день перед праздником. Слово *канун*, получив новое значение — ‘день накануне праздника’, стало употребляться в живой речи с синонимическими предлогами *в* и *на*. Эти предлоги как в древние времена, так и в современном языке иногда замещают друг друга в одних и тех же конструкциях, например при передаче направления движения или местонахождения предмета: поехать в Крым — поехать на Кавказ; дорога в Москву — дорога на Москву. В XIX веке можно было сказать: *жить в Гороховой улице* (очень часто у Достоевского) наряду с *жить на Гороховой улице*. При передаче направления движения предмета или его местонахождения закрепился один из предлогов (жить на какой-либо улице; уехать в Крым), хотя и не всегда уйти на кухню, уйти в кухню, в огороде — на огороде). В сочетании со многими существительными, особенно с обо-

значающими вид транспорта, мы не заметим никаких стилистических различий: ехать в поезде — ехать на поезде; лететь в самолете — лететь на самолете. Такое же синонимическое значение имели и порой имеют предлоги *в* и *на* и в сочетании с существительными, обозначающими временной отрезок: «Два выходных дня в неделю — Два выходных дня на неделе»; «Он приходил раз семь в день — Он приходил раз семь на день». Слово *канун* в значении 'день накануне праздника' стало употребляться с двумя предлогами *в* и *на*: в канун и на кануне.

В 1792 году «Словарь Академии Российской» отмечал, что слово *на кануне* «употребляется в просторечии в предложном надеже с предлогом *на* для показання дня, предшествующего какому-либо празднику или другому известному дню». Отметим, что к 1792 году значение слова *канун* расширилось, появилось новое — день перед каким-либо известным днем или событием: в канун дня рождения; накануне отъезда.

Известно, что существительные легко переходят в разряд наречий, особенно если они не имеют при себе согласованного определения. В современном русском языке считается продуктивным способ образования наречий от существительных в форме винительного надежа с предлогами *в* и *на*: вбок, в шутку, врасуку, наголову, назавтра, назло и т. д.

Сочетания *в канун* и *накануне* быстро получили признаки обстоятельственного слова, обозначающего время, в которое совершается действие, перешли в разряд наречий. Но в этом разряде слов они сохраняются только тогда, когда имеют лексическое значение. Употребляясь в сочетании с существительными, они перестают играть самостоятельную роль, теряют лексическое значение и указывают только на синтаксическую связь между словами, становятся предлогами. Отличить наречие от предлога легко, предлог, как известно, не является членом предложения: «Канун 1943 года совпал с событиями, которые доставили полковнику Рубашюку, как и всем советским людям, много радости» (Поповкин. Семья Рубашюк; *канун* — существительное); «В канун выступления роты Извеков решил навестить мать, чтобы проститься» (Федин. Необыкновенное лето; *в канун* — предлог). Таким образом, слово *канун* — существительное или в сочетании с предлогом *в* — предлог, *накануне* может быть либо наречием, либо предлогом.

Раздельное или слитное написание наречий и предлогов устанавливается орфографическими правилами, которые предписывают слитное написание во всех случаях слова *накануне* и раздельное *в канун*.

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КНИГА

О главной своей задаче — создать учебник родного языка авторы заявляют определенно на первой странице книги, приводя высказывания советских писателей о русском языке. И далее освещены не только традиционные проблемы морфологии и правописания, но и новые — лексика, словообразования, произношения, звукописи, истории языка, этимологии, культуры речи, стилистики. Авторы знакомят школьников с историей языкознания, доступно и умело рассказывая о работе М. В. Ломоносова, В. И. Даля и других языковедов.

Для сообщения новых сведений используются различные пути: непосредственное слово авторов учебника, организация наблюдений над специально подобранным материалом, тексты упражнений, содержание которых посвящено языковой теме. По сравнению с учебником IV класса уменьшено число заданий по наблюдению над языковым материалом, и авторы чаще выступают в роли рассказчика. Это частичное изменение методической позиции оправдано тем, что ученики стали на год взрослее и уже многому научились.

Учащиеся не только ведут наблюдения над языком, но также выбирают из материала нужные факты, сравнивают их и классифицируют, сопоставляют с изученным ранее, устанавливая логические пробелы (в специальных текстах), формулируют выводы, подводят итоги. Авторы доверяют учащимся, надеются на них и дают для их ума достаточно пищи. Упражнения и задания позволяют ус-

Продолжаем публикацию материалов о новом учебнике русского языка для V класса — М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова. Русский язык. Учебное пособие для V класса. Под редакцией члена-корреспондента АПН СССР, доктора филологических наук Н. М. Шапского. М., «Просвещение», 1971 (см. «Русскую речь», 1971, № 6).

пешно развивать мыслительную активность учащихся, их самостоятельность, гибкость в логических суждениях. Об этом убедительно свидетельствуют уроки учителей Тосненского района Ленинградской области, где учебник проходил экспериментальную проверку. Учебник постоянно как бы советует учащимся: «Думайте, соображайте, не стремитесь зазубривать, постарайтесь понять».

Книга вызывает неподдельный интерес к русскому языку и хорошо доказывает простую истину о том, что «оживлять» грамматику разного рода занимательными приемами нет никакой нужды. Сам по себе предмет «русский язык» становится по-настоящему увлекательным, если о нем умею рассказывать. Авторы учебника не против «занимательности», но они используют ее как средство, которое служит не развлекательным целям, а познанию языка. Вот почему в книге много шуточных рисунков, вопросов, текстов, вызывающих интерес не только у детей, но и у взрослых читателей.

Известно, что работа по образцовому тексту — обязательное условие для изучения языка, для развития речи. Авторам удалось подобрать интересные, содержательные тексты. В некоторых случаях отрывок настолько удачен, что можно подумать, будто он написан специально на этот случай.

Связные тексты позволяют рассматривать языковые факты и решать проблемы развития речи на конкретном материале. Часть текстов учащимся предлагается озаглавить. Система таких заданий активно развивает мышление учащихся.

Авторы очень внимательны к слову. Объяснение значений многих слов дается на основе анализа их морфологического состава. Слова, трудные в употреблении, не только поясняются, но и выносятся для наглядности на поля и графически выделяются.

Система повторения отражает все направления в работе учителя: детям регулярно предлагаются задания по пройденным темам орфографии, лексики, словообразования, морфологии. Система повторения, заложенная в учебнике, снимает с учителя главную заботу в этой области, оставляя ему возможность совершенствования данной структуры применительно к конкретному классу. Существенное значение имеют в этой системе итоговые вопросы в конце каждого раздела.

Учебник V класса, как и его предшественник, написан хорошо и принципиально по-новому. Такого рода учебников наша школа никогда раньше не знала. Естественны и те недочеты, без которых едва ли возможно любое новое большое дело. Но эти недочеты не носят принципиального характера, так как связаны с частностями и, несомненно, будут устранены при доработке. Так, хотелось бы расширить на 1—2 страницы толковый словарик, тогда на его основе можно предлагать больше заданий. Желательны краткие сведения о наиболее популярных авторах текстов.

Н. ПЛЕНКИН,

*методист Ленинградского областного
института усовершенствования учи-
телей*

ПИСЬМА ИЗ ШКОЛ

Урок в школе предназначен для воспитания в человеке любви и уважения к нашей культуре, к русскому языку... Большую роль в этом играет учебник — настольная книга учащегося. Хорошо, когда любовь к языку воспитывается на лучших образцах нашей литературы, когда изучение правил идет от необходимости понять весь сложнейший строй нашего языка, изучение орфографии состоит в выяснении происхождения слов, в умении пользоваться толковыми словарями. На это как раз и нацеливает ученика и учителя новый учебник по русскому языку для V класса.

Несколько пожеланий. В учебнике можно расширить исторические сведения, поместив рассказы о русской азбуке, о словах. В книге не хватает занимательного элемента. Можно предложить учащимся словесные шарады, загадки, кроссворды. Во многих упражнениях можно изменить характер задания: вместо работы над предложенными примерами рекомендовать учащимся самостоятельно подобрать их из произведений художественной литературы.

Небезынтересно было бы ребятам найти в учебнике автографы знаменитых произведений, принадлежащих Пушкину, Гоголю, Толстому, Некрасову, Горькому и другим замечательным русским писателям...

*Мария РУСПНОВА,
выпускница X класса
Москва*

Учителя города Севастополя, работая в течение 1969/70 учебного года по учебнику «Русский язык» для V класса, сумели оценить его несомненные преимущества по сравнению с другими экспериментальными учебниками («Русский язык» С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, «Русский язык» Л. П. Федоренко).

Прежде всего он действительно отвечает тем задачам, которые поставлены новой программой: пробудить интерес к предмету, научить логически мыслить, познать законы языка и — уже как следствие этого — научить писать грамотно. Учебник стал соответствовать своему назначению: все изложенные темы, а особенно «Лексика» и «Словообразование», помогают ученикам познать многообразие языковых явлений, воспитывают желание искать выразительное слово. Все разнообразные виды работы направлены на развитие речи и мышления пятиклассников, на воспитание языкового чутья, на получение глубоких знаний о языке. Учителю учебник облегчает подготовку и проведение урока.

В начале каждой темы дан материал для наблюдения, перед ним — система вопросов, после него — выводы, вытекающие из этого материала. Авторы используют и дидактический путь изложения новых тем, давая при этом в конце текста задания, помогающие самостоятельно сделать вывод или проверить правильность усвоения новых сведений. Темы, предложенные новой программой, тракту-

ются научно и вместе с тем доступны для понимания пятиклассников.

Уроки по теме «Лексика» позволяют осуществить межпредметные связи, то есть использовать программный материал уроков русского языка на уроках литературы. Так, изучая повесть А. С. Пушкина «Дубровский», «Песнь о вещем Олеге», учащиеся понимают стилистическое значение архаизмов и устаревших слов, а наблюдая за языком сказки-были М. Пришвина «Кладовая солнца», видят диалектные слова.

Четкий язык формулировок, немногословные выводы, понятные учащимся примеры способствуют серьезной работе над важнейшими вопросами языкознания, правильному их методическому решению в школьной практике (определение разрядов прилагательных, образование существительных с помощью приставки *не*, образование существительных с помощью суффиксов и правописание их и т. д.). При изучении сложной темы «Приставки *-пре* и *-при*» предлагается разнообразная система упражнений, схем с опорой на все виды памяти учащихся. Благодаря этому навыки сознательного правописания приобретаются быстро.

Учебник способствует введению дифференцированного обучения, предлагая упражнения повышенной трудности, которые вызывают неподдельный интерес у ребят, рождают жаркие споры; они требуют и серьезной мыслительной работы. Живые, яркие стихи Сергея Есенина, Дмитрия Кедрина, Роберта Рождественского и другие, помещенные в учебнике, создают определенный эмоциональный настрой на уроке. Большое достоинство учебника — предложенная авторами четкая система упражнений для обучения умению и навыку писать сочинения и изложения.

Отрадно, что авторы учебника отказались от традиционного мнения некоторых учителей-практиков, которые видели залог высокой грамотности в большом количестве механически написанных слов. В новом учебнике упражнения невелики по объему, зато насыщены орфограммами, и, что особенно важно, разнообразные задания к текстам составлены с учетом повторения пройденного.

Конечно, на практике учителя увидят отдельные недостатки учебника, но в целом те, кто уже работал с ним, полны глубочайшей благодарности авторам за новые пути в обучении языку.

Е. И. ИЛЬИНА
Севастополь

ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

Воспитание речевой культуры школьников — задача не только учителей-словесников. Не менее важно учить правильному употреблению и произношению слов на уроках истории и обществоведения, географии и биологии, математики и физики...

В статье доцента Ростовского-на-Дону государственного университета, кандидата филологических наук Надежды Павловны Бадаевой говорится о роли уроков пения в формировании навыков литературного произношения.

Слово в песне так же важно, как и музыка: это две равноправные стороны вокального произведения. На уроках пения в школе следует учить при этом произношению литературному, то есть образцовому, отличному от разговорно-бытового.

В современном общелитературном произношении различаются две разновидности: строгий стиль и свободный. В первом произношении отчетливое, тщательное, со строгим соблюдением норм, во втором — беглое, менее нормированное. Нормы строгого стиля произношения необходимы во всех случаях, «когда требуется безукоризненное звуковое оформление» (Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1958).

В тексте, положенном на музыку, ярко выявляются и поэтому легче усваиваются особенности русского литературного произношения. В пении в отличие от обычного разговора темп замедлен, и это создает протяжное произношение: каждый звук речи выделяется отчетливо, звучит полно и ясно.

Русское литературное произношение имеет следующие основные особенности: аканье, то есть мы произносим *вада*, *м'лако*, а не *вода*, *молоко*; произнесение *з* взрывного, а не щелевого, который звучит на юге, мы произносим *годы*, *где*, *дарога* (а на конце слова — *дарок*, оглушая *з* в *к*, а не *дарок*, как говорят в южных

говорах); проявление закона конца слова — оглушение звонких согласных не только по ассимиляции, но и в абсолютном конце слова: *горат* вместо *город*, *дуп* вместо *дуб*, *Растоф* вместо *Ростов*, но не *Растоу* (как говорят в некоторых русских говорах).

В работе А. С. Соболева «Речевые упражнения на уроках пения» (М.—Л., 1965) подчеркивается, что певческая орфоэпия отличается от речевой: в разговоре гласные короткие, а в пении — певуче-протяжные; в разговоре согласные создают перерывы в звучании гласных, а в пении согласные сливаются с гласными, не прерывая их певучести; в пении нет редукции безударных гласных, которая есть в разговоре.

Уроки пения — не только средство эстетического воспитания учащихся, но и одна из важнейших форм обучения русскому языку.

Для певческой орфоэпии характерно протяжное произношение звуков. Здесь важны два момента:

1. Сохранение во всех слогах основного качества гласных, за исключением гласного *о*, произносимого в безударных слогах как *а*. При замедленном, протяжном произношении изменение качества гласных в безударных слогах искажает смысл слова.

2. Произношение согласных слитно с последующим гласным. При этом согласные звучат отчетливо, даже несколько утрированно, что способствует и полному звучанию гласных.

Удлиненная певческая речь, насыщенная эмоцией, как замечает А. С. Соболев, дает учащимся возможность лучше услышать особенности звучания каждого гласного и согласного звука, способствует более сознательному произнесению слов в разговоре. Занятия пением помогают отработке правильной артикуляции звуков речи (хорошей дикции). Они, наконец, способствуют преодолению вульгарно-просторечного и диалектного произношения. Произношение должно быть живым, а не буквенным, основанным на нормах орфоэпии, а не отражающим орфографию.

Отработка как норм произношения, так и артикуляции звуков речи одинаково важна и для русского, изучающего родной язык, и для нерусского, изучающего русский язык как иностранный. Трудность усвоения строгого (полного) стиля литературного произношения в пении и в разговоре для русского ученика определяется тем, что ему часто мешают навыки усвоенного с детства разговорного стиля произношения, которые надо преодолеть.

Для нерусского ученика этой трудности нет. Ему труднее усвоить общие нормы русского произношения. Если он их усвоит,

то в выработке строгого стиля произношения ему не мешает разговорная русская речь, которой он зачастую просто не знает. Поэтому нерусские певцы, хорошо изучившие русский язык, часто особенно полно выдерживают в своем певческом произношении нормы строгого стиля. Это известный эстонский певец Георг Отс, молодой белорусский певец Виктор Вуячич, победитель на I Всесоюзном конкурсе советской песни в октябре 1966 года.

Полный стиль певческого произношения особенно строго соблюдается в оперном пении. Хорошие исполнители русских народных и советских песен также выдерживают нормы полного стиля, хотя допускают отступления в сторону свободного стиля произношения, свойственного разговорной речи.

В песне Г. Пономаренко «Растет в Волгограде березка» в исполнении Л. Зыкиной (запись 6 ноября 1966 года, трансляция праздничного концерта из Кремлевского Дворца съездов) выдержаны нормы певческого полного стиля — певческое аканье, еканье, *-са* в глаголе, четкое окончание *-ые*:

Ты тоже радилса в Расспи,
Ф краю палевом и лесном...
У нас ф каждой песне берёза...
Её малчаливые ветки...
Растет в Вålгаграде берёска,
Папробуй ее пазабуть...

В песне «Память сердца» композитора И. Лученка в исполнении В. Вуячича (запись по трансляции, заключительный концерт I Всесоюзного конкурса советской песни 25 октября 1966 года) также выдержаны нормы полного стиля — певческое аканье, еканье:

Кагда ночь горат абнимает
И тиха звёзды зажигаает,
Наш Минск устафшый мирна спит,
Не спицца толька ветерану,
Вайны минуфшей партизану...
И память сердца гаварит...

В пении легче, чем в разговоре, научить отчетливому, ясному произношению звуков, так как в певческом стиле произношения, при его замедленном темпе, усвоение звуковой стороны языка, артикуляции звуков легче, чем в разговорной речи. А усвоенное в пении нетрудно перенести на обычную разговорную речь.

Выбор песенного текста опирается как на смысловую, так и на звуковую сторону слова. Хороший текст наряду с музыкой помогает учащимся усвоить правильное певческое произношение, содействует обучению русскому литературному произношению на уроках пения. Вот почему песня должна удовлетворять требова-

ниям не только литературным и музыкальным, но и орфоэпическим. Помимо глубины содержания и эмоциональной наполненности, она должна отличаться такими языковыми качествами, которые способствовали бы наилучшему ее звучанию и восприятию. Текст должен быть также удобным для пения. Для обучения певческому и литературному произношению хороши такие тексты, которые позволяют усвоить основные орфоэпические правила.

Первое важное качество песенных текстов — это полное соответствие, гармония текста и музыки. В лучших советских песнях находим такое согласование музыки и речи, когда слова и мелодия тесно слиты, слово оправдано музыкой, и это действительно две равноправные стороны вокального произведения, в котором нельзя ничего изменить, не разрушив его целостности. Яркий пример тому — песня В. Мурадели на слова А. Соболева «Бухенвальдский набат». Высокому, гражданственному и глубоко эмоциональному тексту полностью соответствует торжественно-героическая, набатная музыка:

Это раздастся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!

В лирической песне М. Фрадкина на слова Л. Ошанина «Течет Волга» глубоко содержательному тексту отвечает задушевная, спешно распеваемая, протяжная мелодия:

Когда придешь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти...
Здесь мой причал и здесь мои друзья, —
Все, без чего на свете жить нельзя...

В известной песне В. Баснера на слова М. Матусовского «На безымянной высоте» хорошо сочетается сурово-героическая, маршевая и в то же время проникновенная музыка с такими же суровыми, и вместе с тем задушевными словами. Однако третий куплет:

Над нами «мессеры» кружили...
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем...

явно неудачен из-за обилия военных терминов, что нарушает языковое единство песни (показательно, что певцы при исполнении опускают этот куплет).

Примеры этих популярных песен показывают, как внимательно должен относиться поэт-песенник к тексту песни, к слову, которое должно звучать в полной гармонии с музыкой, не нарушая общего эмоционального впечатления.

Поэт-песенник, работая над текстом, над словом, по-видимому, представляет себе, как слова будут звучать в пении, вместе с музыкой. Важно, чтобы выбор слова, рифмы, ударения был орфоэпически грамотным, чтобы текст ориентировал исполнителя на орфоэпию, а не на орфографию. Удачен такой текст, где ярко звучит в пении орфоэпически правильное произношение слов. В песне важна насыщенность текста такими словами, в которых ярко выявляются нормы произношения, как общелитературные, так и специфически певческие.

Значение уроков пения для изучения орфоэпии русского языка определяется тем, что, во-первых, пение помогает отработке правильной артикуляции звуков речи и четкой дикции; во-вторых, обучение певческой орфоэпии с ее более строгим стилем произношения помогает бороться с вульгарно-просторечным и диалектным произношением в разговорной речи.

Стремление точно выдержать общелитературные и некоторые певческие произносительные нормы присуще например, песне А. Петрова на слова Ю. Друниной «На кургане»:

Над курганом ураганом,
Все сметая, война пронеслась.
Здесь солдаты умирали,
Заслоня сердцем нас.
У подножья обелиска
В карауле молодые деревца...
Сядем рядом, сядем близко
Так, чтоб слышать друг друга сердца.

Здесь отражены произносительные нормы в рифмах: *аканье* (*обелиска — близко*), оглушение звонкого согласного по ассимиляции (в той же рифме), произносимый согласный *д* (*деревца — сердца*), твердое произношение возвратной частицы *сь* в глаголе, свойственное певческой орфоэпии (*пронеслась — нас*).

Важное качество песенного текста — точные, полные рифмы, создающие созвучие произношения и ярко подчеркивающие орфоэпические особенности стиха. При замедленном певческом произношении звуков каждое слово звучит отчетливо. Созвучие в произношении слов, способствующее эмоциональному восприятию песни, возникает лишь при полном звуковом совпадении конечных слогов рифмующихся слов, то есть при точной рифме. Интересно заметить, что в определении песни, данном в «Поэтическом словаре» А. Квятковского (М., 1966), точная рифма отмечается как один из признаков песенного текста: «Песня — это небольшое ли-

рическое стихотворение, предназначенное для пения; отсюда — его обязательная строфичность, простота текста, отсутствие сложных приемов, точная рифма».

В текстах популярных советских песен, написанных такими известными поэтами, как М. Светлов, А. Сурков, М. Исаковский, Л. Ошанин, Е. Долматовский, выдерживается точная рифма, хотя иногда есть и отступления от нее. Последовательно выдержана точная рифма в песне К. Листова на слова А. Суркова «В землянке»:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И пост мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Гласные и согласные во всех рифмах не просто созвучны, а абсолютно совпадают, при этом рифма одновременно и орфографическая и звуковая.

Точная рифма не только создает полное созвучие слов, важное для вокального текста, но и подчеркивает произношение их, выявляет орфоэпические нормы, обращая на них внимание поющего.

В песне «Течет Волга» не просто выдерживается точная рифма, но и отражаются нормы орфоэпии: аканье (долго — Волга), оглушение звонкого согласного на конце слова (сыпок — дорог). Рифма здесь не орфографическая, а только орфоэпическая. Текст предназначен для произнесения в пении, а не для чтения. Воспринимается эта рифма на слух, а не зрительно.

Такая орфоэпическая рифма характерна и для песни А. Пахмутовой на слова М. Матусовского «Отчего так хорошо?»:

Посмотри, посмотри, посмотри на небосвод,
Как сияет он безоблачно и чисто.
Отчего, отчего, отчего гармонь поет?
Оттого, что кто-то любит гармониста.

Здесь в звучащих рифмах отражены аканье и закон конца слова. В двух последних примерах рифма не буквенная (написание рифмующихся слов везде различно), а звуковая, проявляющаяся при произнесении слова.

Текст с неполными, неточными рифмами менее удобен для пения: при отчетливом, замедленном певческом произношении слова звучат ясно — недостаточность рифмы заметно ощущается, созвучие рифмующихся слов разрушается.

Неточные рифмы преобладают в песне А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова и Н. Добронравова «Геологи»:

Лучше друга нигде не найду я,
Мы геологи оба с тобой.
Мы умеем и в жизни руду дорогую
Отличать от породы пустой.

По содержанию текст неплох, но впечатление от звучания его из-за неточных рифм снижается; *не найду я — дорогую* — здесь различны и согласный, и конечный гласный, сходен только гласный *у*.

В популярной песне Э. Колмановского на слова К. Ваншенкина «Я люблю тебя, жизнь» наряду с точными, удачными рифмами (не ново — снова, дня — у меня, гимна — взаимно) много пеполных, неточных (зажглись — жизнь, вершишь — жизнь, покой — такое, на рассвете — дети). Это создает при отчетливом произношении разнорядность в звучании рифмующихся слов, то есть практически приводит к разрушению рифмы в произношении, что является одним из недостатков певческой орфоэпии.

 Хорошие песенные тексты должны удовлетворять, по меньшей мере, четырем основным языковым требованиям: соответствие музыки и слова; насыщенность текста орфоэпически весомыми словами; точные рифмы; певчески правильная расстановка ударений. Только при условии соблюдения этих требований тексты можно считать удачными и только такие тексты могут сыграть большую роль в обучении правильному произношению.

Песенные тексты с неточными рифмами, даже при наличии в них литературных достоинств, нежелательно все же рекомендовать для разучивания при обучении пению. Такие тексты не способствуют усвоению четкого и орфоэпически правильного произношения, не приучают ясно слышать в песне созвучия слов, мешают точному восприятию рифмы на слух.

Еще одно существенное качество песенного текста — правильная расстановка ударений. Длительные, протяженные гласные должны быть ударными. Безударные протяженные гласные в пении звучат как ударные, возникает перенос ударения, а это может повлечь за собой искажение слов.

Неуместный перенос ударения в русском тексте Г. Регистана на музыку известной венгерской народной песни «Улетают журавли» приводит к искажению слов:

Серым утром крик печальный
Слова слышу я вдали.
Мне привет свой плюют прощальный
В хмуром небе журавли.

В словах *вдали* и *журавли* гласный *а*, хотя и безударный, в пении произносится как длительный, протяженный. Происходит перенос ударения на этот звук, возникает искаженное произношение слов *вдали*, *журавли* вместо *вдали*, *журавли*, что недопустимо в хорошем песенном тексте.

Такой неуместный перенос ударения возникает и в припеве песни «На безымянной высоте»:

У незнакомого поселка
На безымянной высоте...

В пении получается: на *бэзымяннóй* (а в «икающем» произношении некоторых исполнителей даже: на *бизымяннóй!*), то есть возникает второе ударение в слове.

О правильном ударении в пении должны заботиться и поэт-песенник, и, особенно, композитор. Композиторы, внимательно относящиеся к звучанию слов в пении, стараются писать вокальную музыку так, чтобы ударения в словах совпадали с протяженными гласными. В советских песнях немало примеров соответствия в звучании речевого и певческого ударения, при котором ударение совпадает в пении с длительной нотой и подчеркивается ею. Такова песня Г. Носова на слова А. Чуркина «Далеко — далеко»:

Далеко — далеко,
Где кочуют туманы,
Где от легкого ветра
Колыхнется рожь...

Здесь почти в каждой строке песенного текста на выделенный ударный гласный падает долгая нота, поэтому в пении подчеркиваются ударения, создается четкое, орфоэпически правильное произношение слов.

В песне А. Долуханяна на слова М. Лисянского «Моя родина» выделенные ударные гласные также подчеркнуты падающими на них длительными нотами:

Великую землю,
Любимую землю,
Где мы родились и живем,
Мы Родиной милой,
Мы Родиной светлой,
Мы Родиной нашей зовем!

Для хорошей песни совпадение ударяемости и длительности звучания гласных должно быть правилом (но исключаяющим, однако, того, что ударение может падать и на краткий гласный). Важно, чтобы безударный гласный не был слишком длительным, не перетягивал бы на себя ударение, искажающее в пении пра-

вильное звучание слова. Песня удобна для пения тогда, когда звучат без искажения ударные ноты и особенно ферматы, а для этого они должны падать преимущественно на широкие гласные (о, а, у), а не на «трудные» узкие гласные (е, и). Знание законов певческого образования и произношения гласных помогает композитору и поэту-песеннику создать наиболее удачное для пения сочетание текста и музыки.

В песне Н. Богословского на слова Е. Долматовского «Любимый город» более длительные ударные ноты падают на гласный а (9 раз), на гласный о (7 раз):

В далекий край товарищ улета-ает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке та-ает.
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

В песне А. Долухаяна на слова М. Лисянского «Моя родина» ферматы падают: на о, дважды на у и только один раз на и (Мы Родиной нашей зовё-о-ом!.. Я в сердце своем берегу-у-у... В Ростове солдатом служи-и-ил).

При выборе песен для разучивания наиболее удачными следует считать такие тексты, в которых не только певчески правильно расставлены ударения, но где ударные длительные гласные наиболее удобны для пения.

Кандидат филологических наук
Н. П. БАДАЕВА
Ростов-на-Дону

«РУССКАЯ РЕЧЬ» ОТЧИТЫВАЕТСЯ

На августовских педагогических совещаниях 1971 года члены редколлегии и сотрудники редакции журнала встретились с учителями Калининского, Киевского, Люблинского, Ждановского и Черемушкинского районов Москвы. Встречи с читателями прошли также в Подольске, Ногинске, Загорске, Воскресенске, Люберцах, Фрязино.

По инициативе дирекции Ждановского парка культуры и отдыха столицы в августе 1971 года был организован

устный выпуск журнала «Русская речь» на открытой эстраде. В выпуске приняли участие член редколлегии журнала кандидат филологических наук И. Г. Добродомов, старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР доктор филологических наук В. А. Редькин. В сентябре минувшего года «Русскую речь» приняли у себя в гостях студенты Всесоюзного заочного лесотехнического техникума.

ОПЫТ НАРОДНЫЙ

В 1900 году русский ученый Павел Константинович Симони издал «Повѣсти: или пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту» из рукописного сборника XVII столетия, который хранился в Московском главном архиве Министерства иностранных дел

Пословицы XVII века, которые входят в данный сборник, были и ранее известны отдельным филологам и получили отражение в научных трудах середины XIX века и позже.

Изданная Ф. И. Буслаевым «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1861) познакомила и учащуюся молодежь с некоторыми пословицами (занимают 5 страниц)

П. К. Симони в своем труде «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий» («Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» Т. 66. СПб., 1900) напечатал все пословицы и поговорки (занимают 90 страниц) в той последовательности, в которой они помещены в рукописи (в алфавитном порядке, по лишь по первой букве первого слова каждой пословицы или поговорки, следующие буквы не принимаются в расчет) с точным соблюдением орфографии подлинника.

МУДРОСТЬ НАРОДНАЯ

Большинство пословиц и поговорок относится к XVI веку и к более раннему времени. Составитель сборника указывает, что они писаны лет за сто и больше. Таким образом, можно сделать вывод, что в распоряжении составителя были сборники более раннего времени. Не исключено, что и сам он записывал бытовавшие в речи людей его времени (XVII век) пословицы и поговорки.

Имени составителя мы не знаем (высказывались различные предположения), но это был, несомненно, образованный человек, прекрасно понимавший важность выполненной им задачи. Об этом в первую очередь говорит его предисловие.

Составитель отмечает, что невозможно собрать все созданные народом пословицы, утвердившиеся с давних времен, что писаны пословицы «без украшенія, какъ мирстїи жители простою рѣчію говорятъ». Близость пословиц к живой народной речи делает их драгоценным памятником русского языка XVI—XVII веков.

Обращаясь к читателю и слушателю, составитель не без основания утверждает, что его книга помогает узнать, каких благих нравов держаться, а каких злых удаляться.

Мы не можем не согласиться с составителем сборника пословиц, что они всем нужны и полезны.

Приведем поэтому ниже ряд полезных пословиц и поговорок, из которых многие дожили и до наших дней. Группируем пословицы и поговорки по определенным темам

ТРУД

Бѣлки ловить ношки отбить.
Бѣлые ручки чужие труды любятъ.
Встанешъ рабою сядешъ госпожою.
Всякое дѣло мастера боится.
Взявся за гуж не говори что не дюжъ.
Всякой члвкъ у дѣла познавается.
Грибовъ ищуть по лѣсу рыщуть.
Для того кузнецъ клещи куетъ чтобы рук
не жгло.
Жни баба пшаницу жди пироги.
Капусту садить спине досадить.
Какова пряха. такова на ней и рубаха.
Раняю птица нос очищаетъ, а позная глаза
продирает[ъ]
Худое ремесло. лутче добрава воровства.
Худо то мужик что от обуха дрожить.

БЕДНОСТЬ, БОГАТСТВО

Богатъ ждетъ пакости а убогъ радости.
Богатъ ищетъ мѣста а убогъ смотрит тѣста.
Богатъ шоль в пир а убогъ брель в миръ.
Быть богату быть и рогату.
Бѣдному вездѣ бѣдно.
Буду богатъ буду рогатъ ког(о) захою того
избоду.
Богатство добысть и братство забыть.
Богатство дметѣ, а нищета в^с двое гнетъ.
Живеть богатои что быкъ рогатои.
Убогому робята. а богатому телята.
У рака мочъ в клешнѣ. а у богатова в мошиѣ.
Убогъ камени не гложетъ а богатъ злата не
глатаетъ.
Убогои рад киселю а богатому и золото в
горло не идетъ.

УЧЕНЬЕ, НАУКА, МУДРОСТЬ, УМ, ГЛУПОСТЬ

Азбуку учать во всю избу кричать.
Без ума торговать лише днги терять.
Вѣкъ жить а вѣкъ учитца.
Встречаютъ гостя по платю а провожают по
уму.
Горду быть глупымъ слыть.
Глупои говоритъ а на глум а умно^с берет
на умъ.

Дураковъ ни сѣютъ ни жнутъ сами родятся.
Дурака слушать пирога не кушать.
Инои кажется. и глупъ а молвить слово в
пут.
Кто самъ себя хвалить в том пути никогда не
бывает.
Мудрость старости честиѣ.
Многое учение. трудовъ требуетъ.
По платю встрѣчаютъ а по уму провожа-
ютъ.
Умнои на суд не ходитъ. а глупои с суда не
сходитъ.
Чюжимъ умомъ не долго жить.

МУЖЕСТВО, ДРУЖБА

Бои красенъ мужеством а приятель друже-
ствомъ.
Вешне^с лед обманчивъ а новои другъ не на-
деженъ.
Вѣрну другу нѣсть измѣны.
Досади другу со стыдомъ поклонится.
Другъ вѣренъ в напастехъ познавается.
Старои другъ лутче семерых молодых.
У друга пить воду лутче неприятелска меду.
Храбръ побиваетъ н своих избавляет.

СЕРДЕЧНОСТЬ, ДОБРОТА, ЗЛОБА, ЛЕСТЬ

Веды тернетъ каменно сердце имѣтъ.
В очи лживъ а за очи лживъ.
Гнило. слово. ѿ т гнила сердца.
Доброму вездѣ добро.
Добро тогда будетъ добро когда люди похва-
лят.
Злобныи мужъ веѣмъ не дюжъ.
Здѣлавъ. добро не хвалися.
К чистому. поганое. не прилнетъ.
Не канся добро здѣлавъ.

СЕМЬЯ, РОДНЯ

Болшой в^с дому. что хапъ в Крыму.
Женится беда а не женится другая а третья
бѣда не дадутъ за меня.
Золь женихъ а злу невѣсту обѣгаетъ.
Зять любитъ взять а тестъ любитъ честь.

Красна пава перьемъ чесна жена мужемъ.
Не послан холостова, съ сватаньемъ.
Строино молодець ходитъ женитца хочеть.
У семи, мамакъ, дитя без глаза.
Учи жену, да дѣтеи без людеи.
Хотя дитя криво, а отцу, матере мило.
Чюжь муж миль да не вѣкъ с ним жить.

ПЬЯНСТВО

Адоняся для ненася а Савеля с похмѣлья ло-
мает.
Бочка стонеть бояря пьютъ.
Вешне^с путь не дорога а пьянова рѣчь не
бѣседа.
Варя вино наклонитя а пит ево павалитя.
В гости на ногах, а из гостѣи на дровняхъ.
Добръ дѣтичка да лиха хмелинка.
Испила, кума брашки да хватилас рубашки.
Не пей много вина не истеряешъ ума.
Не самъ пьяной ходитъ, чортъ его носитъ.
Не винно, вино, виновато, пьянство.
Пьяному и море по калѣна.
Пьянъ поетъ себя тѣшитъ.
Пьяному безчестя до чарки вина.
Пьяному мнитя, самъ десять по пути.
Пьяная баба свиньямъ приваба.
Пить пиво сидѣтъ криво.
Пьяно^с усебя сказываеть решото денегъ а
проспитъца ано и решета купитъ нѣ на что.
Родился малъ а умеръ пьянъ.
У пьянова басней, не переслушать.
У Фили нили да Филю же били.
У питья, бѣдами, а опохмелитя, слезами.
Умъ говоритъ пора итти з двора а хмель
говоритъ, дождемъся побои да вмѣстѣ
домои.
Хотѣлося винца да страхъ дубца.
Хто пьет до дна тот живеть без ума.

ВНЕШНОСТЬ

Борода что ворота а ума с малои прико
литок.
Брови пригожи, а дровни угожи.
Волосы долги да умъ коротокъ.
Лыс кон не увѣче а плѣшив молодець не
безчестье.
Щоголь ходитъ, животъ поджавъ.

Даже небольшое число приведенных нами примеров позволяет сделать вывод о выразительности, яркости языка пословиц и поговорок, об умении их творцов передать несколькими словами глубокую мысль. Структура предложения, как правило, предельно проста. Весьма показательны, что ни одна из пословиц и поговорок не потребовала перевода. Если то или иное слово отсутствует в современном русском литературном языке, мы его найдем в диалектной речи.

Отметим одну загадку, представляющую особый интерес: «Пришел посол пѣмъ принес грамоту написаную».

Читатель, возможно, вспомнил статью «Грамоты на бересте» в нашем журнале (1968, № 3), в которой, в частности, приводилась загадка на полосе бересты, окаймлявшей берестяную чашечку: «есть градъ между пѣбомъ и землею а к нему еде посолъ безъ пути. самъ нимъ везе грамоту написану».

Надпись эта относится к XIV — началу XV века и в переводе звучит так: «Есть город между небом и землею, а к нему едет посол без пути (дороги), сам немой, везет грамоту написаную».

В. П. Адрианова-Перетц дает следующее объяснение этой загадки, известной по рукописям и устной традиции: град — Ноев ковчег, посол — голубь, грамота написаная — масляная ветвь, оповещающая о прекращении потопа.

Включение этой загадки составителем сборника XVII века в число пословиц, поговорок, загадок, известных его времени, говорит не только о том, что она была широко известна.

Сравнение загадки в сборнике с текстом на берестяной чашечке позволяет сделать вывод, что при употреблении загадки в живой речи она претерпела значительные изменения (нет начала, указывающего на *Ноев ковчег*).

О ПРЕОБРАЗИТЕЛЯХ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА

В

1778 году в Москве была напечатана тоненькая — всего восемь страниц — книжечка: «Письмо к Николаю Петровичу Николеву о преобразителях русского языка на случай преставления Александра Петровича Сумарокова».

Н. П. Николев (1758—1815) — поэт и драматург, последователь А. П. Сумарокова. А написал Письмо о преобразителях русского языка Федор Григорьевич Карин — писатель, ныне почти забытый. Даже годы его жизни известны лишь приблизительно: родился он около 1740 года, а умер в 1799 или в 1800 году. Изданное в 1778 году Письмо давно стало библиографической редкостью.

Между тем Письмо Ф. Г. Карина заслуживает внимания. Во-первых, оно интересно для оценки русского литературного языка второй половины XVIII века как живое свидетельство современника. Во-вторых, суждения Карина примечательны большой проницательностью. В них не только дается верное историческое истолкование состояния русского литературного языка во второй половине XVIII века, но и правильно угадываются пути его дальнейшего развития. В-третьих, Кариным был поднят важнейший вопрос о роли отдельных писателей и ученых,

мастеров и теоретиков слова, в формировании и развитии национального русского литературного языка.

Во второй половине XVIII века резко проявились противоречия между старинным книжным («славянским» или «славенским», как тогда говорили) и разговорным («простым российским») языком. Хотя уже с конца XVII века разговорная стихия мощно и широко вливалась в систему книжно-славянского языка, все же представление о специфически литературной манере выражения вплоть до середины XVIII века для большинства писателей и основной массы читателей связывалось со «славянским» языком. Однако новые тенденции в развитии литературы, ее демократизация и расширение общественных функций настоятельно требовали нового литературного языка, основанного на «живом употреблении». Теоретические установки господствовавшего в середине XVIII века литературного направления — классицизма — предусматривали деление всех литературных жанров на высокие, средние и низкие и соответственное деление литературного языка на высокий, средний и низкий стили («теория трех стилей»).

Такое деление в известной мере упорядочивало систему литературного языка, ограничивало сферу употребления «славянского» языка высокими жанрами и открывало доступ «языку обыкновенных разговоров» в «высокие» жанры. В этом было положительное значение «теории трех стилей». Но в то же время теория классицизма противоречила главной тенденции развития литературного языка в эпоху становления его общенациональных норм — тенденции к единству, так как предусматривала разделение, расслоение литературного языка на три потока, три стили. К тому же приращение «простого российского языка» к средним и низким жанрам, а «славянского» — к высоким подчеркивало особую значительность, важность последнего и приносило роль первого. Здесь «теория трех стилей» вступала в противоречие с объективными закономерностями развития литературного языка.

Поэтому теоретические установки классицизма начали опровергаться литературной практикой еще в период господства этого направления, а позже появились и научные обобщения отражающие и утверждающие новые тенденции в развитии русского литературного языка. Новое, как всегда, рождалось в борьбе со старым, и борь-

ба была нелегкой и долгой. Вот почему особого внимания заслуживают те, кто начинал эту борьбу.

Ф. Г. Карин был одним из первых, кто выступил с критикой литературно-языковой теории классицизма. В частности он отвергал принцип выбора стиля «по пристойности материй»:

Для высокой мысли не всегда потребен высокий слог. Мысль может из пышных слов состоять малая, и под самыми простыми выражениями заключаться великая; а иногда и тем и другим образом начертаться.

Но особенно решительно высказывался Карин против «славянского» языка как языка литературы и ратовал за «нынешний наш язык», за «ясную речь». Этот свой главный тезис он обосновывал эстетическими и историческими соображениями:

Хотя всякого сочинения первое достоинство ясность, однако многие пленяются пухлым, перепутанным и совсем отменным от вольной речи слогом, для того только, что он непонятен; а за то и называют его высоким или громким, а ясную речь, потому что она им внятна, почитают низкою.

Полагая ясность главною слова изящностию, должно в нем избегать не только темноты, происходящей от несвойственного сложения речи, но и всего того, что от времени, или от измены в разговоре, или от чего другого делается непонятным. Какая вышла из того прибыль в витийстве, когда слог пишущих невразумителен стал говорящим? Для чего? Для того, что перестали так говорить, как писали. Если языки, находящиеся в одних книгах, почитаются мертвыми, то и славянский наш язык, вышедший из общего употребления, стал уже мертв. А посему не чудно ли в наше время стараться им писать; и не чуднее ли еще того почитать окончания и склонения нашей речи по свойству его отменно умалительными? Ужасная разность между нашим языком и славянским ... часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет краспоречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором.

Карин пишет о соотношении книжного и разговорного языка, указывая на относительную устойчивость, традиционность первого и значительную подвижность, пере-

менчивость второго. В этом он справедливо усматривает причину значительных расхождений между книжным языком и «живым употреблением» и делает заключение, что «нынешний наш язык» не должен «подделываться к славянскому». В то же время автор Письма понимает, что новый литературный язык не может быть простой копией разговорного, но, опираясь на него, должен черпать «пристойные нам красоты» и в старом книжном, «славянском» языке:

Правила каждого языка производятся из его свойства, а перемены его из употребления разговорного; и потому книжные речения пребывают в неприменном [т. е. неизменном.— А. Г.] своем положении, а разговорные выходят за границы его свойств и делают такие в нем перемены, что наконец становится он не сходен сам с собою. Если же быть столько легкомысленну, чтобы полагать в том красоту нынешнего нашего языка, дабы только подделываться к славянскому, то будем мы изъясняться не своею, а чужою речью... и едва ль не навлечем на себя такого же нарекания, какому подвержены латинисты нашего времени.

Сие-то, как кажется, подало причину великим нашим творцам обратить взоры свои на тот и другой язык. Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так... великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен. Они, не переменяя его естества, но почерпая в одном пристойные нам, а во другом собственные красоты, и очистив его от гречества, латинства и всего ему не свойственного, произвели способное и богатое слово.

Великими писателями, которые имеют наибольшие заслуги «в преображении нашего языка», Карин считал Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова.

Главную заслугу Феофана Прокоповича автор Письма о преобразителях русского языка видит в том, что он «был первый, который отошел от первообразности славянского языка». Феофан Прокопович (1681—1736) —

известный политический и церковный деятель Петровской эпохи, публицист и проповедник. Язык его сочинений в наши дни выглядит, конечно, очень архаичным, старинных книжных черт в нем гораздо больше, чем в языке Ломоносова и Сумарокова, но Карин совершенно правильно заметил, что Феофан Прокопович смело обратился к «простому российскому языку» как одному из источников языка литературного.

По оценке Карина, литературно-языковая деятельность Ломоносова значительна прежде всего тем, что он сумел «нашему языку» придать силу и выразительность «славянского» языка.

[Ломоносов] открыл не только свойственности, сочиняющие высокое сложение речи, но, возносясь в высочайшие пределы воображения, при силе, крепости и согласии славянского языка такое дал богатство и великолепие нашему языку, какого тот не имеет.

Из трех названных «преобразителей русского языка» Ф. Г. Карин отдает явное преимущество Сумарокову, который смелее и энергичнее других сближает литературный язык с «простой речью».

[Сумароков], чувствуя, коль старый наш язык противен трагедии, страшен комедии, суров для елгии, высок для еклоги, нескладен для оперы, тяжел для притчей, и коль сатиры кантемировы оказывают его для себя неприемность, преодолел все силы препятствия, проник до самого источника красоты стихотворства и простой речи и тем преобразил его и дал ему новую силу.

Сей великий превосходен еще тем, что в нем ничего не видно такого, что бы не свойственно было московскому наречию. И так, имея пред глазами во всех родах письма толь прекрасные примеры в живом нашем языке, какая нам нужда запутываться пыне в умершем славянском.

Дать же им [мыслям.— А. Г.] свою красу, успеть совершенно в их начертании, не иметь в изображениях ни излишности, ни недостатку, всегда быть одинаковым, согласным всегда, чтобы легкость была их основанием, вкус достоинством, естественные выражения их силою и открыть способности ко всем родам сочинений доказывает довольно живость, дарованную нашему языку сим искусным мужем.

Из приведенных отрывков видно, что Карин в своем сочинении сформулировал очень важные для второй половины XVIII века принципы:

отказ от «славянского» языка как языка литературы; решительная ориентация литературного языка на «простой российский язык», на «жевое употребление»;

отказ от теоретических установок классицизма, от деления литературного языка на три стиля, от выбора жанра «по пристойности материй», а стиля — в зависимости от жанра;

требование единообразия литературного языка («всегда быть одинаковым, согласным всегда»);

ориентация на «вкус» писателя в противоположность строго регламентированной теорией классицизма зависимости стиля от жанра;

требование естественности литературного выражения.

Эти принципы заслуживают пристального внимания не только в силу актуальности и важности для своего времени, но еще и потому, что их провозглашение относится историками русского литературного языка обычно к 90-м годам XVIII века и связывается с деятельностью Карамзина и его «школы».

Оценка Кариним роли Прокоповича, Ломоносова и Сумарокова в истории русского литературного языка не утратила значения до сих пор, хотя она носит неполный и в некоторых отношениях односторонний характер. Это и естественно: сочинение Ф. Г. Карина было одной из первых попыток определить роль «преобразителей» в общем процессе развития русского литературного языка. К тому же Карин не мог, разумеется, соотнести язык Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова с языком последующего времени.

Оценивая перемены в литературном языке своего времени, Карин писал:

...великие наши писатели... столько умножили способностей во своем языке, что можно сказать о прежнем с горестью, что он был! И о новом с восхищением, что он стал!

В этом высказывании нашел отражение тот факт, что русский литературный язык 60—70-х годов XVIII века получил новое качество сравнительно с языком Петровской эпохи и более раннего времени. Но Ф. Г. Карин не мог знать, что в его время не завершился, а только на-

чался заключительный этап формирования общенациональных норм русского литературного языка.

Образование нового, современного русского литературного языка связано, как известно, с деятельностью великого русского писателя, национального гения А. С. Пушкина. Его роль как «преобразителя русского языка» несравнима с ролью никакого другого писателя. Однако языковая реформа Пушкина была подготовлена не только всем ходом исторического развития русского литературного языка, но и деятельностью наиболее выдающихся литераторов второй половины XVIII и начала XIX века. Поэтому в ряду «преобразителей русского языка», кроме тех, о ком уже говорилось выше, можно и должно назвать А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова.

*Доктор филологических наук,
профессор А. И. ГОРШКОВ*

Коломна

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 46)

I

1. Студенты выполняли задания.
2. Умело используя эмоциональную окраску слов, писатель с большой выразительной силой раскрывает чувства героев.
3. Вам необходимо переработать статью согласно указаниям редактора.

II

Зáросли — глушь, дебри, чаща, гуща, чащоба [разговорное];
гущина [просторечное];

вымышленный — выдуманный, придуманный, надуманный;
невеста — суженая [устарелое], нареченная [устарелое], новобрачная [официальное];

продовольствие — (пищевые) продукты, продукты питания, провизия, провиант [устарелое];

одежда — костюм, платье, наряд, убранство, туалет, хламида [разговорное], одёжа [просторечное], убор [устарелое], одеяние, облачение [устарелое], покров, риза, тряпки [разговорное], гардероб.

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
ЯЗЫКОВЕДЫ**

**Александр
Христофорович
ВОСТОКОВ**

(1781—1864)

О детских годах Александра Христофоровича Востокова имеется очень мало сведений. Среди его бумаг сохранились лишь некоторые записи, найденные и опубликованные позднее В. И. Срезневским («Русская старина», 1899, № 3).

Женщина, у которой я жил в Ревеле, сказывала мне, что я родился в Аренсбурге на острове Эзеле [ныне г. Кингисепп Эстонской ССР] и что оттуда привезен к пей для воспитания. Я начал себя помнить, кажется, с 4 лет или еще с трех. Помню, как я ходил еще очень слабо, как я был несколько времени слеп от какой-то глазной болезни, как у меня была корь... Опишу теперь дом, в котором я жил. Он стоял в Ревельском предместье, неподалеку от церкви и от выгона, имел перед собою небольшой двор с сараем для гусей и пр. Домик об одном этаже, перегорожен был на две половины (как водится в Лифляндии и Эстляндии). На левой стороне находились хлевы для трех коров, на правой две жилые комнаты, в середине сени и кухня, а за нею кладовая. Жители дома были: 1) вдова майорша Трейблут, лет в 40, которую я называл маменькою, 2) старуха, родственница ее, которую я называл бабушкою, 3) сержант гарнизонный Савелий, лет в 50, 4) девица, родственница ее, 5) служанка Анна, лет 12-ти.

Первое мое воспитание в Ревеле было весьма скудно: я имел для чтения библию и иногда слушал сказки и басни, которые мне

сержант в зимние вечера рассказывал; но если пособий было мало, то собственному уму моему было свободнее развиваться. На пятом году стали меня учить грамоте немецкой; на шестом читал я уже бегло библию. Я пропускал притчи и пророчества и все, что было выше моего разумения, но весьма занимался повестями, как-то: Товпем, Руфью, Иудифью, Маккавеями и проч., мечтал о Голнафе, о Давиде, и мне отменно понравились приятные греческие имена, которые в Маккавеях встречаются; от еврейских же всегда отвращалось ухо мое...

До семи лет жил я в Ревеле; последний год моего пребывания там был для меня особенно памятен. Сержант водил меня гулять в город на ярманку, в корабельную гавань, на солдатское учение. Все для меня, все было ново, пестро, непонятно, и из всего этого ничего не запечатлелось в моей памяти. Наконец пришло письмо, решившее мою участь: *er soll Ostennek heissen* стояло в нем [«Он должен называться Остенек»] (нем.) — фамилия, которую впоследствии сам ученый заменил на русскую Востоков.— *Ред.*; до того времени я не знал себе иного имени, кроме Александра; новое прозвище показалось мне странно. Мне начали твердить о будущем моем состоянии, о Петербурге, об отце моем, аренбургском уездном предводителе дворянства из фамилии Остеп-Сакен. Однако ж все это не много возбуждало во мне любопытства, потому что я не мог вообразить себе иных благ, кроме тех, которыми наслаждался в хижине г-жи Трейблут. Пришло время отъезда. Меня снабдили овчинным тулупом, диваными портками, и крестный мой отец кирпичник (живший в соседстве) дал мне на дорогу рубль медными деньгами. Меня отправили с каким-то капитаном Линдепом. Вдова Трейблут плакала, сержант Савелий также, а я спокойно расставался с ними, не простираясь мыслями ни назад, ни вперед, занятый минутным удовольствием сидеть в кибитке, запряженной парой лошадей и готовой ехать в путь».

Весной 1787 года Востоков прибыл в столицу и примерно через год был отдан в Сухопутный кадетский корпус. Но из-за занекания его перевели в Академию художеств, которую он окончил в 1802 году. С 1801 года Востоков принимает деятельное участие в только что созданном Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. В журналах этого общества появляются его первые стихи, в 1805—1806 годах они были изданы отдельно под названием «Опыты лирические».

В 1802 году Востоков приступил к собиранию материала для этимологического словаря. Он выписывает русские и старославянские слова и рядом с ними приводит родственные слова из других языков — латинского, греческого, немецкого, английского. Это

была подготовительная работа большого «Этимологического словарасписания», оставшегося незаконченным.

Пока не был еще выработан сравнительно-исторический метод, слова сопоставлялись лишь на основе случайного звукового сходства. Например, у Третьяковского: Игорь и игривый, этруски и хитрушки; у Шишкова: высоко — высь и око, Адам — ад и ам. Позднее А. А. Кочубинский назвал конец XVIII — начало XIX века «эпохой забавного этимологического сравнения языков целого мира» (Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888). Встречаются ошибки и у Востокова. Но у него есть немало верных сопоставлений: *брада*, латинское *barba*, немецкое *Bart*; *гусь*, латинское *anser*, немецкое *Hans*; *сердце*, немецкое *Herz*, и другие.

Мысль о языковом родстве и историческом развитии языков возникла у Востокова довольно рано. Уже в работе «Задача любителям этимологии» («С.-Петербургский вестник», 1812, № 2) Востоков писал: «Язык, несмотря на все перемены, необходимо в нем производимые веками и местными сношениями, ежели только не будет истреблен каким-нибудь насильственным средством, не теряет еще и по прошествии тысячелетий, в самых отдаленнейших и противоположнейших климатах, общего своего сходства или тождества корней, в рассуждении их звука и значения. Сие доказывается сличением древних языков с новейшими, ежели от первых сохранились письменные памятники. По сим памятникам с достоверностью утверждать можно о сродстве арабского языка с еврейским, греческого же, латинского, немецкого и славянского с персидским и санскритским».

В 1815 году Востоков был назначен помощником хранителя рукописей императорской публичной библиотеки, что дало ему возможность глубже и серьезнее заняться изучением рукописных памятников. В результате этого появилось «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820).

Эта работа Востокова сыграла огромную роль в истории не только русского, но и славянского языкознания вообще. Выводы, к которым пришел автор, получили общее признание и сохраняют значение до нашего времени. Современник Востокова известный филолог-славист В. Копитар назвал эту статью «утренней, еще едва ожидаемой, зарей действительной старославянской филологии, на восточном небе славянской территории». П. И. Прейс писал из Загреба: «Открытия, сделанные в 1820 году, составляют, без сомнения, эпоху в общеславянской филологии. Эти открытия были неожиданны и для самого Добровского. Он узнал об

них уже по отпечатанию своих „*Institutiones linguae slavicae*“ и сожалел, что Грамматика его вышла в свет слишком рано» («Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXIII, 1842, март). Поэтому 1820 год нередко называют годом, с которого пошла славянская наука.

Действительно, отец славянской филологии Иозеф Добровский в своих «Основах древнего наречия славянского языка» собрал большой фактический материал, извлеченный преимущественно из рукописей. Но он не распределил его по периодам. Поэтому факты, взятые из памятников разных эпох и сведенные вместе, составили картину некоего идеального славянского языка, который нельзя приурочить к тому или иному времени. Таким образом, построенная на исторической основе, грамматика Добровского оказалась чужда исторического подхода.

Основательное знакомство с рукописными памятниками старославянского языка разных эпох привело Востокова к мысли о необходимости рассматривать славянский язык как явление историческое, с учетом тех изменений, которые произошли в его формах на протяжении столетий на Руси и в других славянских землях. Он выделяет в истории славянского языка три периода: древний (IX—XIII вв.), средний (XIV—XV вв.) и новый (с XVI в., то есть язык печатных книг). Такой подход уже создает условия для конкретно-исторического изучения памятников, предупреждает смешение языковых черт разных эпох и дает возможность представить систему старославянского языка в тот или иной период.

Востоков первым определил основные особенности старославянского языка. Важнейшая из них — наличие редуцированных и носовых гласных звуков (обозначавшихся буквами ѣ, ѥ, ж, ѡ). Добровский отождествлял юсы с чистыми гласными, а Востоков, проведя сравнение с данными польского языка, открыл их носовой характер. Если раньше считалось, что ѣ и ѥ не обозначали никаких звуков, то автор «Рассуждения» показал звучание и происхождение этих кратких гласных.

Востоков указал также на несочетаемость в старославянском языке звуков г, ж, х с гласными переднего ряда и, е, а шипящих и аффрикат — с гласными заднего ряда о, у. Он отметил, что краткие прилагательные раньше склонялись так же, как и существительные. Полные прилагательные возникли позднее в результате присоединения указательных местоимений к кратким.

Уже М. Смотрицкий по аналогии с классическими языками выделял в старославянском деепричастие. Этому взгляду придерживался и Добровский, опиравшийся на данные более поздних письменных памятников. Востокову удалось доказать, что в ста-

рославянском деспричастия не было, оно возникло значительно позднее.

Вслед за Добровским Востоков показал, что в старославянском языке существовали две различные формы неопределенного склонения — инфинитив и супин.

Выяснив наиболее древние особенности старославянского языка, Востоков тем самым определил его место и значение среди других славянских языков. Благодаря этому в науке был поднят ряд важных вопросов, без решения которых нельзя было идти дальше. Это вопросы о славянском наречии, на которое был сделан первоначальный перевод с греческого священных книг, о древнейших рукописях славянской письменности и их изводах, о влиянии, которому подвергся церковнославянский язык в разных славянских землях. Все эти проблемы в течение ряда десятилетий живо обсуждались учеными многих стран.

В 1827 году главное правление училищ поручает Востокову составить руководство по русскому языку. В 1831 году выходят сразу два пособия: «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная». Обе книги были приняты Министерством народного просвещения и выдержали большое число изданий.

«Русская грамматика» была составлена Востоковым как школьный учебник. В ней нет теоретических рассуждений, результаты наблюдений над языком представлены в виде кратких и точных определений. Востоков сумел не только обобщить все, что было сделано до него, но и на основе огромного фактического материала прийти к новым, оригинальным выводам. Это была, по замечанию В. Г. Белинского, «лучшая из всех русских грамматик». Более того, грамматическая система Востокова стала одним из этапов в истории русской грамматической мысли и оказала определенное влияние на последующее ее развитие.

Если определять место Востокова в истории отечественной грамматики, то его прежде всего следует рассматривать как самого видного продолжателя идей М. В. Ломоносова. Во-первых, в тот период ведущее место занимали философские грамматики, для которых было характерно стремление подводить языковые факты под определенную логическую схему. Востоков же, как и его великий предшественник, выводит правила на основе анализа самого языка. Во-вторых, влияние Ломоносова сказывается в том, что главное место в «Русской грамматике» занимает анализ морфологических форм, а синтаксис рассматривается в основном как учение о сочетании слов по способам согласования и управления. В-третьих, Востоков унаследовал от Ломоносова стилисти-

ческую направленность грамматики. Он различает «важную или благородную речь» (книжный язык), «простонародную» (просторечие) и «обыкновенную речь или язык разговорный». Здесь уже устанавливаются стили литературного языка пушкинской эпохи. Характеристика форм дается также в зависимости от этих стилей.

В целом «Русская грамматика» носит описательный характер. Элементы историзма в ней представлены слабо: они проявляются лишь в немногих исторических справках. В книге Востокова четыре раздела: словопроизведение (этимология), словосочетание (синтаксис), правописание и слогаударение. Необходимые сведения из фонетики разбросаны по разным главам.

Однако и в области фонетики Востокову удалось внести ряд существенных дополнений и поправок, раскрывающих по-новому многие явления. Он значительно дополнил сведения об условиях перехода *e* в *o* в истории русского языка, впервые отметив, что такого перехода не было в словах старославянского происхождения и на месте *ѣ*, за исключением нескольких слов. Востоков обратил также внимание на случаи перехода *e* в *o* перед мягкими согласными (несёте, везёте) под влиянием форм типа *несём*, *везём*, то есть указал на роль аналогии в процессе этого звукового изменения. Он ввел новые термины — «подвижное» и «неподвижное» ударение — и установил некоторые закономерности в русском ударении. Востокову удалось определить и в ряде случаев исторически объяснить основные типы чередований звуков и отметить их морфологическую сторону.

Сохранив традиционные восемь частей речи, Востоков внес в их состав некоторые изменения. Имя, вслед за Орнатовским и Гречем, он разделил на имя существительное и имя прилагательное. Причастие он считал не самостоятельной частью речи, а особой группой в составе имен прилагательных.

Вслед за Ломоносовым Востоков определял синтаксис как «словосочинение». Задача этого раздела грамматики — установить правила, по которым нужно соединять слова в речи. «Когда речь ограничивается выражением одной мысли, тогда она называется предложением». Обязательный признак предложения — наличие глагола. Где его нет, там подразумевается глагол вспомогательный. При этом Востоков особое внимание обращает на различия между простым и составным сказуемым. Если в философских грамматиках всегда говорилось о трех членах, то у Востокова предложение состоит из двух частей: подлежащего и сказуемого, куда может входить и связка *быть*. Кроме этого он выделяет в предложении определительные и дополнительные слова. Первые из них выражаются прилагательным, приложением и наречием,

вторые — косвенными падежами существительных, местоимений и инфинитивом. В роли определительных и дополнительных слов могут выступать также придаточные предложения, которые бывают полными и сокращенными. Сокращенные придаточные представляют собой деепричастную или причастную конструкцию, а также именной оборот. Востоков впервые ввел в русскую грамматику термин «словосочетание» и дал довольно полное и глубокое описание основных форм словосочетаний, особенно предложного и беспредложного управления.

Оценивая этот труд Востокова, академик В. В. Виноградов писал в книге «Из истории изучения русского синтаксиса» (М., 1958): «Таким образом, не только востокский очерк русской морфологии... но и та часть „Русской грамматики“ А. Х. Востокова, которая посвящена изложению системы русского синтаксиса, особенно в области учения о словосочетании и словорасположении, содержат множество ценнейших замечаний и наблюдений. Несмотря на удивительный лаконизм изложения, строгую простоту и сжатость, А. Х. Востоков в своем синтаксисе сумел дать тонкое, глубоко продуманное, систематизирующее все предшествующие наблюдения и вместе с тем вполне оригинальное описание основных форм словосочетаний в русском языке».

Дальнейшие исследования Востокова в области сравнительно-исторического языкознания были развитием идей «Рассуждения о славянском языке». Продолжая знакомиться с памятниками, он все больше убеждался в том, что старославянский язык со временем претерпевал большие изменения. Поэтому при чтении рукописей Востоков стремился прежде всего определить время их написания. Это обусловило большой интерес ученого к палеографическим исследованиям. В 1842 году он опубликовал «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума». В книге описано 470 памятников с палеографической, археологической и литературной точек зрения. Многие переводы с греческого были сличены с подлинниками и соответствующие выводы внесены в описание.

В 1843 году Востоков издает Остромирово евангелие — драгоценнейший памятник XI века, древнейшую восточнославянскую рукописную книгу. По достоверности, степени точности и научным принципам это издание до сих пор остается образцовым.

Описывая памятники старославянского и древнерусского языка, Востоков всегда имел в виду составление словаря. Особо деятельное участие он принял в создании «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), включавшего свыше 114 тысяч слов. Это одна из крупнейших лексикографических работ XIX века. Словарь 1847 года представлял собой своего рода

сокровищницу русского языка от первых письменных памятников до позднейших произведений русских писателей. Востоков не только собирал словарный материал, давал лексические и грамматические толкования, но и был редактором второго тома. Он редактировал «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858). В 1856 году Востоков закончил «Словарь церковнославянского языка», который вышел в двух томах (1858—1861). Это итог его работы за 40 лет и одно из лучших пособий по лексике старославянского языка.

Наряду с лексикографией Востоков продолжал заниматься изучением грамматического строя старославянского языка. Здесь прежде всего необходимо отметить его «Грамматические правила словенского языка, извлеченные из Остромирова евангелия» (1843). Он мечтал составить подробную грамматику, которая бы основывалась на большом количестве памятников. Но возраст и слабость зрения не позволяли ему много работать и использовать дополнительные материалы. Пришлось ограничиться лишь небольшим по объему исследованием под названием «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (1860). Это было осуществление его давней мечты.

В 1818 году в письме к А. А. Прокоповичу-Аптонскому он писал: «Когда случай привел меня увидеть старинные рукописи словесные, а также и некоторые старопечатные книги, и в них правописание, словоупотребления и обороты во многом отличные от употребительных в позднейшем языке; тогда я убедился в необходимости заняться сперва Грамматикою, то есть исследованием и показанием свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подверглись формы сии в продолжение столетий, в России и в других землях словенских» («Сборник Отделения русского языка и словесности». Т. V, вып. 2. СПб., 1873).

Академик А. А. Шахматов писал в 1898 году: «Востоков со своими строго научными приемами, со своею обширною ученостью и глубокою начитанностью был более чем кто-либо иной способен стать у преддверия молодой, неопытной, едва зарождающейся науки. Отличным изданием Остромирова евангелия, образцовым описанием грамматических особенностей старославянского языка, точным исследованием бесчисленного количества рукописей и составлением церковнославянского словаря Востоков готовил путь, по которому пойдут исследователи родной старины и родного языка».

С. В. СМЕРНОВ
Тарту

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ НЕДЕЛИ И ЕЕ ДНЕЙ

Употребляющиеся в современном русском языке названия дней недели преимущественно общеславянские по происхождению. Они известны всем современным славянским языкам и большей частью образованы от порядковых числительных. Различия в них по славянским языкам касаются только словообразовательного строения (суффиксов) и, естественно, произношения. Например, русское название пятого дня недели — пятница (суффикс *-ниц-а*), а чешское — *pátek* (суффикс *-ек*). Большинство названий прозрачны по смыслу: вторник — ‘второй день недели’, четверг — ‘четвертый’, пятница — ‘пятый’.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Для названия первого дня недели в древнерусском языке существовало слово *понедѣлькъ*. Так назывался день, который следовал за воскресным, праздничным днем, — недѣлей. Слово образовано при помощи приставки *по-* и суффикса *-ъкъ*. *По-* придает слову значение ‘следующий за чем-либо’; *ъкъ* в древнерусском языке выделяется в нескольких названиях дней недели: *въторъкъ*, *пятъкъ*. В современном русском языке этот

суффикс мы находим в словах *пяток*, *десяток*. Словообразовательную структуру, сходную с древнерусской, название первого дня недели имеет в западно- и восточнославянских языках: украинское *понеділок*, белорусское *понедзелак*, польское *poniedziałek*, чешское *pondělek* (наряду с *ponděli*). В современном русском и болгарском языках известны формы с суффиксом *-ник*: русское *поне-*

дельник, болгарское *понеделник*. *Понеделок* отмечен В. И. Далем в «Толковом словаре» как особенность юго-западных говоров.

В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский приводит пример, где первый день недели обозначается словосочетанием *понеделный день*. В греческом тексте ему соответствует сочетание со значением 'второй день'. М. Фасмер в «Этимологическом словаре» русского языка связывает русское *понеделник* с латинским *feria secunda* 'второй праздничный, свободный от работы день'.

ВТОРНИК

Название второго дня недели восходит к числительному *въторый*. В древнерусских текстах, переведенных с греческого, словом *въторникъ* переводятся два греческих слова, соотносимые с числительным, и *второй* и *третий*.

В современных славянских языках русскому *вторник* соответствуют образования с суффиксом *-ник* или *ок/-ек*: болгарское *вторник*, украинское *вівторок*, белорусское *аўторак*,

польское *wtorek*. В чешском для названия этого дня недели используется субстантивированное порядковое числительное *úterý* 'второй', а суффиксальное *úterek* словари дают с пометой «разговорное».

По свидетельству Даля, в смоленских говорах встречается слово того же значения с суффиксом *-ок*: *второк*.

СРЕДА

Некоторое недоумение вызывает название третьего дня недели. Слово это (в неполногласной, старославянской огласовке, как и соответствующее русское *среда*) обозначало в древности середину чего-либо, в данном случае середину недели. Но ведь почти все дни недели получили название по своему порядковому номеру. Как же получилось, что третий день семидневной недели, начинающейся с понеделника, был назван серединой

недели? Ведь в действительности средним днем, средой, должен был бы называться четверг, четвертый день недели.

Понять такое несоответствие помогают нам данные письменных памятников. Известно, что после принятия христианства из Греции на Русь проникло много богослужебных и других книг. Они переводились на русский язык и использовались в повседневной жизни. Когда мы читаем такие переводы и сравниваем их с оригинальными древнегреческими текстами, то видим несоответствие в названиях русских и греческих дней недели (хотя в греческом языке названия дням недели также были даны по их порядковым номерам). Выше уже отмечалось, что русскому *понедельникъ* соответствовало греческое слово со значением 'второй день', а *вторникъ* передает слово, обозначающее 'третий'; 'третий день'.

Причина этого противоречия в том, что в Древней Руси существовали две системы счета времени, два календаря: гражданский и церковный. Церковный календарь, так называемый месяцеслов, или святцы, служил для указания дней святых праздников по порядку чисел месяца. Гражданским календарем пользовались в повседневной жизни для счета времени. Между двумя календарями было небольшое расхождение. При отсчете дней недели гражданский календарь первым днем считал *понедельник*, откуда *вторник* — второй, *четверг* — четвертый день и т. д. А по церковному календарю первым, основным днем недели, было воскресенье — день воскресения Христа; от этого дня церковь и вела счет дням недели. По этому исчислению середина недели приходилась как раз на среду.

Для названия третьего дня недели в древнерусском языке существовало и другое слово, которое точно соответствовало порядковому номеру этого дня по гражданскому календарю, — *третишникъ*. Образовано оно при помощи суффикса *-никъ* от порядкового числительного *третий*. В «Материалах» Срезневского мы находим один пример, где русским *среда* передается греческое *tetrada*, слово того же корня, что и *четыре*.

Специальное слово существовало для названия среды на четвертой неделе великого поста. Этот день назывался *средохръстие* или *средокръстие* — слово, русское по происхождению, но образованное из старославянского материала (с неполногласием в первой части).

В современных славянских языках третий день недели называется словом, того же корня, что и русское *среда*:

украинское *середа*, белорусское *серада*, болгарское *среда*, польское *środa*, чешское *středa*.

ЧЕТВЕРГ

они известны южно- и западнославянским языкам: болгарское *четвъртък*, польское *czwartek*, чешское *čtvrtek*. Даль приводит слово *четверток*, отмеченное в русских говорах. Кроме обычного значения 'четвертый день недели', слово это может иметь еще значение 'четвертый день после чего-либо'.

ПЯТНИЦА

В древнерусском языке этот день недели назывался двумя словами, образованными от одного корня со значением 'пятый': *пятокъ* и *пятница*. Правда, в произведении XII века «Житие Феодосия Печерского» говорится: «пятница шестый день». Слово *пятюк* в значении 'день недели' известно в говорах; Даль приводит такой пример: «В понедельник, среду и пятюк дела не делай».

Возможна была и описательная передача названия пятого дня недели. В одном из письменных памятников есть указание на то, что следует соблюдать посты «в пятыхъ... днехъ всякия седмицы» (в пятницу на каждой неделе).

Для пятого (по церковному календарю шестого) дня недели существовало и еще одно название — греческое заимствование *параскеугия* 'канун субботы, пятница'. *Пятница* было почетным прозвищем святой Параскевы, во имя которой сооружались храмы, ставились часовни. В Москве

только на Красной площади было семь церквей, посвященных этой святой. Иногда, празднуя день святой Параскевы, по пятницам не работали, а только присутствовали на богослужениях. Отсюда поговорка «Семь пятниц на неделе». Даль отмечает, что в ряде русских говоров пятницами назывались часовни, сооруженные в честь святой Параскевы; то же слово могло обозначать развилку дороги, распустье, где такая часовня строилась.

Слово этого корня с суффиксом *-ница* закрепились в восточнославянских языках: украинское *пятниця*, белорусское *пятніца*, а в южно- и западнославянских языках употребительной стала форма с суффиксом, восходящим к *-тъкъ*: болгарское *петък*, польское *piątek*, чешское *pátek*.

СУББОТА

Слово неславянского происхождения, хотя и употребляется во всех славянских языках (ср., например: болгарское *събота*, польское *sobota*, чешское *sobota*). Исследователи считают его заимствованием из древнееврейского (точнее — из древнееврейско-арамейского) языка через греческое посредство и связывают со словом *шабаш* 'суббота, праздник, день молитвы'. Древнегреческое *sabbaton* — источник русского слова *суббота*, могло

употребляться в трех значениях: 'нерабочий день, день отдыха', 'отрезок времени в семь дней, неделя' и 'шестой (или седьмой) день недели'. Первоначально этим словом назывался седьмой, праздничный день недели, а затем всякий ветхозаветный праздник. Со времени празднования воскресения Христова суббота стала кануном недельного (воскресного) праздника. По церковному исчислению она осталась седьмым днем недели, а первым стало воскресенье; по гражданскому исчислению суббота — шестой день, воскресенье — седьмой.

В древнерусском языке словом *суббота* мог называться и отрезок времени в семь дней, неделя. Срезневский приводит пример из памятника, где предлагается поститься *два краги въ субботы* (два раза в неделю).

В письменных памятниках и в говорах отмечены производные образования от *суббота*: *субботьство*, *субботьствовати*, передающие значения 'праздновать', 'отмечать субботний праздник'.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Слово книжное по происхождению. Его первоначальным значением было 'воскресенье, восстание из мертвых'. День воскресения Христа считался необычным днем, а само воскресение Христа — выдающимся событием, и, конечно, день недели, в который произошло это событие, был назван словом *воскресенье* и стал считаться самым главным, первым днем недели.

Даль отмечает во владимирских говорах слова *воскрес*, *воскрёс*, имеющие значение 'праздник, отдых'. В псковских говорах для обозначения праздничного дня недели употребляется словосочетание *воскресенный день*.

НЕДЕЛЯ

Однако в древнерусском языке для обозначения праздничного дня недели чаще употреблялось слово *недѣля*. Происхождение этого слова ясно: 'день, в который не делают, то есть не работают'. *Недѣля* считалась праздничным и потому первым днем недели, отсюда *понедѣльникъ*.

У слова *недѣля* было и другое значение, ставшее в русском языке единственным его современным значением: 'отрезок времени в семь дней'. Оба значения отмечаются уже в старославянском языке и в древнейшей восточнославянской рукописной книге — «Остромировом Евангелии» (XI в.). Кроме того, по свидетельству Даля, в уфимских говорах слово *недѣля* имело еще одно значение — 'понедельник'.

Двузначность слова *недѣля*, естественно, создавала некоторые неудобства. Поэтому уже в ранних древнерусских текстах наблюдается стремление как-то разграничить эти значения. В «Житии Феодосия Печерского» (XII в.) читаем: «Недѣля не наричется недѣля яко же вы глаголете, въ първыи день всея недѣль наричется, понеже Христоръ Богъ нашъ в тотъ день въскресе из мертвых, и наричется въскресный день». Автор, как видим, предлагает употреблять слово *недѣля* лишь в значении 'воскресенье'. Однако дальнейшее развитие этого слова пошло по другому пути: за ним закрепилось значение 'неделя', но так было только в русском языке; во всех остальных славянских языках праздничный день недели называется по-старому:

украинское *неділя*, белорусское *нядзеля*, польское *niedziela*, чешское *neděle*, болгарское *неделя* и т. д.

Для обозначения отрезка времени в семь дней в древнерусском языке было несколько слов: кроме уже упомянутого *недѣля*, в этом значении могли употребляться *седьмица* и *тыждѣнь*. Все эти слова отмечены в письменных памятниках.

Седьмица. Наряду со значением 'неделя' это слово отмечено в древних памятниках в значении 'число, состоящее из семи'. В большинстве примеров рядом со словом *седмица* 'неделя' дается пояснение его значения. Например в «Богословии Иоанна Дамаскина» предлагается поститься «всю седмицу, рекъше [то есть] недѣлю». «Въ седмицѣ или недѣлѣ есть седмиь дней или сутокъ, образуемых планетными знаками» — читаем в «Письмовнике» Курганова (1790). От *седмица* было образовано прилагательное *седмичный* 'недельный'. В том же «Письмовнике» Курганова читаем: «Толкъ седмичнымъ днямъ» (Объяснение недельных дней).

Нельзя не отметить своеобразного употребления слова *седмица* в сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок». Наряду со значением 'неделя, отрезок времени в семь дней':

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой —

здесь встречается и другое значение этого слова — 'воскресный день':

...в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
.....
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу.

(Речь идет о базарном дне, который, по всей вероятности, приходился на воскресенье.)

Значение 'воскресный день' у слова *седмица* не отмечено ни историческими, ни областными словарями. Возможно, оно является особенностью говоров Сибири, где родился и прожил почти всю жизнь автор сказки.

Слово *седмица* сохранилось только в болгарском языке: здесь оно обозначает неделю. В «Толковом словаре» Даля приводится однокоренное слово *семйна*, тоже в значении 'неделя', отмеченное в тульских говорах.

Древнерусское *тыжъдѣнь* (тыжъдень), восходящее к сочетанию *тыи же дѣнь* 'тот же самый день через неделю', отмечено только в грамотах, написанных на территории Украины: «А писан лист у тыжъдѣнь по стомь Михаиле» (Письмо написано через неделю после праздника святого Михаила).

Из всех слов-синонимов, обозначающих отрезок времени в семь дней, в русском языке сохранилось лишь слово *неделя*. В современных славянских языках наблюдаем такую картину: в болгарском сохранилось старое слово *седмица*, а во всех остальных в значении 'неделя' употребляются слова того же корня, что и древнерусское *тыжъдѣнь*: украинское *тиждень*, белорусское *тыдзень*, польское *tydzień*, чешское *týden* и т. д. Словари современного польского, чешского и украинского языков отмечают также в этом значении (соответственно) *niedziela*, *neděle* и *неділя* с пометой «редкое». Древнерусское *тыжъдѣнь*, современные украинское *тиждень* и белорусское *тыдзень* скорее всего заимствованы восточнославянскими языками из польского.

В церковном месяцеслове каждому дню недели от начала до конца года была приписана одна из семи славянских букв: З, S, Е, Д, Г, В, А (назывались они *въруцѣлѣтъними*). Год по церковному календарю начинался 1 марта. Этому дню на основе библейского сказания о дне сотворения Луны, была приписана буква Г. Второе марта обозначалось буквой В, третье — А, четвертое — З, пятое — S, шестое — Е и так далее в том же порядке. Так составлялись таблицы соответствия «вруцелетних» букв определенным дням недели на целый год. Поскольку число букв совпадало с количеством дней недели, получалось, что в течение года одна буква соответствовала одному и тому же дню недели. Например, если в каком-то году первое марта приходилось на понедельник, то буква Г весь год соответствовала понедельнику, В — вторнику, А — среде, З — четвергу, S — пятнице, Е — субботе, Д — воскресенью. Та из семи букв, которая соответствовала в течение года воскресенью, называлась *въруцѣлѣто*, или воскресная буква года. Слово это получилось из словосочетания *въ руцѣ лѣто* (в руке год), так как, имея таблицу всех дней какого-нибудь года по «вруцелетним» буквам, легко можно было узнать день недели для какого угодно числа.

Кандидат филологических наук

Л. В. ВЯЛКИНА

ЛИХОРАДКА, ГОРЯЧКА

Тургенев в романе «Накануне» пишет о Елене: «Восемнадцати лет она чуть не умерла от злокачественной лихорадки; потрясенный до основания, весь ее организм, от природы здоровый и крепкий, долго не мог справиться: последние следы болезни исчезли, наконец, но отец Елены Николаевны все еще не мог без озлобления толковать об ее нервах». У Пушкина в «Повестях Белкина» мы встречаем: «Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер».

Но почему же в наше время никто не болеет лихорадкой, почему никогда мы не встречаем такого диагноза? Какую из известных нам болезней подразумевали под словами *лихорадка, горячка* Радищев, Пушкин, Герцц, Гоголь и другие писатели XVIII—XIX веков?

Если попытаться ответить на этот вопрос при помощи современных толковых словарей — «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, 4-томного «Словаря русского языка» и 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», то нас ждет неудача. В первых двух нет болезни под таким названием: *лихорадка* определяется не как болезнь, а как «болезненное состояние, сопровождаемое жаром и ознобом».

17-томный Словарь (помимо переносных значений) предлагает такую разработку этого слова: 1. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом. — Простудная, крапивная, нервная и т. п. лихорадка. || Разговорное. Инфекционное заболевание, характеризующееся периодически повторяющимся повышением температуры и ознобом; малярия. — Болотная лихорадка. — Лихорадка бьет, трясет и т. п. — Дрожать, трястись как в лихорадке. || Разговорное. Болячка.

Ни к одному из этих значений употребление слова *лихорадка* в цитатах из произведений Пушкина, Тургенева

и других авторов XVIII и XIX веков не подходит. Очевидно, что в те времена слово *лихорадка* обозначало не болезненное состояние (как, например, головокружение, тошнота, сонливость и т. п.), сопровождающее какое-либо заболевание, а само заболевание, болезнь. Слово это обычно употреблялось в словосочетаниях, типичных для слова *болезнь*: заболеть лихорадкой, чуть не умереть от лихорадки, подценить лихорадку и т. п. «Насилу воскресая. Я был очень болен горячкою или лихорадкою, или бог знает чем, да и теперь еще не совсем выздоровел» (Батюшков. Письмо П. И. Гнедичу, 26 января 1811); «Кайсаров почти месяц болел лихорадкою» (Архив братьев Тургеневых. Т. II).

Может быть, эти употребления относятся к выделенному в 17-томном словаре разговорному оттенку, синонимичному слову *малярия*? Ведь и в наши дни в разговорно-обиходной речи *малярию* иногда называют *лихорадкой*.

Существование синонимических отношений между словами *лихорадка* и *малярия* (к сожалению, не отмеченное в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией Э. Е. Александровой) можно подтвердить многочисленными цитатами, в которых *лихорадка*, *малярия* выражают одно понятие: «Заражение болотной малярией вызывает смертельное заболевание для европейцев в тропиках (так называемая желтая лихорадка)» (Советов. Общая гидрология); «Когда я узнал, что комар может заразить меня лихорадкой, мыши разносят чуму, это поразило меня» (М. Горький. Рассказ о герое): «И ты здесь, Семен? — Здесь, — проговорил он сквозь дробный звук зубов. — Лихорадка у меня, Прокофьевна. Малярия эта самая» (Бирюков. Чайка).

Но совершенно очевидно, что в цитатах из произведений Пушкина, Батюшкова, Тургенева слово *лихорадка* не обозначало малярию. В этих цитатах мы встречаем упоминание о причине, вызвавшей болезнь, и эта причина (у Пушкина — простуда, у Тургенева — «нервы») ясно показывает, что *лихорадка* в их языке обозначала какое-то заболевание, не имеющее ничего общего с малярией.

Слово *малярия*, заимствованное по свидетельству Ю. С. Сорокина (см. книгу «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века». Л., 1965), из итальянского языка не ранее 1830 года, вначале имело очень зыбкое значение и примерно три-четыре десятилетия обозначало скорее не болезнь, а причину,

ее вызывающую, — *malaria* 'злокачественный воздух', от *malu* (женский род — *mala*) — 'плохой' и *aria* 'воздух' — 'плохой воздух'. Так, например, «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Г. Толля, впервые отметивший в 1864 году слово *малярия*, дает ему такое определение: «Так называется неисследованное в точности вещество, имеющее влияние на здоровье живого организма». «Русский энциклопедический словарь» И. И. Березина в 1874 году также дословно повторяет это определение. Но если Пушкин, Батюшков, Тургенев имели в виду не болезненное состояние и не малярию, то какое же значение, с нашей точки зрения, имело в их языке слово *лихорадка*?

Обращение к старинным книгам по медицине, различным «лечебникам» не дает ответа на этот вопрос. В специальном исследовании Матвея Пекена «О лихорадках», изданном в 1791 году, нет точного, научного определения слова. Толкование его заменено рассуждением о распространенности заболевания: «Лихорадки суть наисвойственнейшие человеческому роду болезни, и без изъятия все человеки им подвержены бывают».

Другие специальные медицинские источники XVIII — начала XIX века также не дают определения слову *лихорадка*, по-видимому, считая, что читающему и так ясно, о чем идет речь.

Ответить на этот вопрос помогают толковые и энциклопедические словари прошлого века, тексты художественных произведений, где часто можно встретить подробное описание течения болезни и указание на ее причины, а также изучение синонимических связей, в которые в прошлом веке вступало слово *лихорадка*.

Из старых академических словарей мы узнаем, что *лихорадкой* в те годы называли болезнь, «коея приступы начинаются ознобом, приемлемые жаром и кончающиеся потом, или другим каким извержением». Синонимами к слову были *горячка*, *лихоманка*, *трясучка*, *трясуха*. Все эти слова в академических словарях прошлого века имеют взаимные ссылки. В Толковом словаре В. И. Даля также указывается: «У нас неясно различают слова *горячка* и *лихорадка*: обычно *лихорадкой* зовут небольшую и недлительную горячку, а более перемежную, а *горячкой* — длительную и опасную, например, нервную, желчную, гнилую и пр.».

Установление синонимических отношений между *лихорадка* — *горячка* позволяет нам для выяснения их общего значения с одинаковым вниманием относиться к любому употреблению этих слов в художественной и мемуарной литературе прошлого века. Интересно отметить, что в языке художественной литературы XIX века слово *горячка* употреблялось чаще, чем *лихорадка*. Стараясь вызвать сочувствие читателя или поразить его воображение, авторы заставляли своих героев страдать от более тяжелой и опасной формы заболевания. Поэтому заболевание персонажа горячкой, так же как и обмороки, в которые по всякому поводу и без повода падали литературные героини прошлого века, можно рассматривать как распространенный прием, характерный для литературы сентиментализма, романтизма и раннего реализма. По-видимому, этим можно объяснить более широкое употребление в языке художественной литературы слова *горячка* по сравнению с *лихорадка*.

Из биографии Дельвига, о котором Пушкин писал 20 января 1831 года Вяземскому, что он «умер гнилою горячкою», мы узнаем, что Дельвиг умер от сильной простуды, перешедшей, видимо, в пневмонию. У толстовского Пьера Безухова, с которым после плена в Орле «сделалась, как говорили доктора, желчная горячка», было что-то, похожее, по описанию, на гепатит; в романе В. М. Бахметьева «Преступление Мартына» у Мартына, «заболевшего лихорадкою», по описанию симптомов (высокая температура, девять суток полубессознательного состояния), было, по нашим понятиям, воспаление легких. У героини романа А. Г. Лебедеенко «Тяжелый дивизион», перенесшей горячку, было тяжелое нервное потрясение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII — начале XIX века под словами *лихорадка* ≠ *горячка*, с нашей точки зрения, понималось не одно, а ряд заболеваний, объединенных общностью внешних симптомов: резкими колебаниями температуры тела, ознобом, а в конце болезни — «пóтом или другим каким извержением».

Не имея возможности поставить точный диагноз, не зная причин возникновения той или иной болезни, не имея понятия о вирусологии, медики XVIII — начала XIX века называли лихорадкой, горячкой все заболевания, которые обладали перечисленными выше признаками. Слово *лихорадка* могло обозначать такие болезни, как

тиф, пневмония, грипп, ранние стадии туберкулеза, сепсис, ряд первых заболеваний, многие аллергические заболевания, различные воспалительные процессы в печени, почках, желудке и многое другое. В этот же ряд могла попасть и *малярия*, так как и она до середины прошлого века не существовала как самостоятельное понятие.

О широте понятия, лежащего в основе значения слов *лихорадка*, *горячка* в XVIII—XIX веках, свидетельствуют также данные народных говоров. Существует до 40 диалектных слов — синонимов к *лихорадка*. Приведем лишь некоторые из них: *трясучка*, *трясуха*, *гнетуха*, *гнетучка*, *кумоха*, *китюха*, *желтуха*, *бледнуха*, *ломовая*, *маяльница*, *знобуха*, *тренуха*, *лихачка*, *лиходейка*, *знобилка*, *ворогуша*, *кума*, *мачеха*, *тетка* и т. д. Анализ этих слов показывает, что в них можно выделить три группы. I — чистые эвфемизмы, не называющие лихорадку прямо, а дающие ей условные имена: *мачеха*, *китюха*, *кума*, *тетка* и т. п.; II — названия лихорадки по какому-либо симптому: *желтуха*, *бледнуха*, *ломовая*, *трясуха*, *трясье*, *знобилка* и т. п.; III — названия лихорадки, по причине, ее вызывающей: *летучка*, *гноевая* (*навозная*), *подтынница* (*прикинулась на спящего под тыном*), *веретенница* (*на пряжу*). Если I группа отразила суеверный ужас народа перед страшным недугом, обрушивающимся на человека, стремление задобрить, не разгневать темные силы, наславшие болезнь, то III группа, особенно важная для нас, показывает, что и в народе под лихорадкой интуитивно понимали не одно, а несколько заболеваний, которые народные медики как-то отличали одно от другого, хотя бы по причине, вызвавшей заболевание. Так, *летучка* указывает скорее всего на инфекционный массовый характер какого-либо заболевания, может быть, грипп, а под *гноевой* (*навозной*), возможно, скрывались фурункулёз, какие-либо виды сепсиса, сопровождаемые нагноениями.

О том, что под лихорадкой в народе понимались разные заболевания, свидетельствуют также и народные поверья, в которых лихорадка отождествлялась с двенадцатью (или девятью) сестрами, дочерьми царя Ирода, мучающими людей. На старых иконах, лубочных картинках обычно изображали их в виде обнаженных женщин с распущенными волосами и крыльями. Упоминания об этих преданиях мы находим в русской литературе

XVIII века и в более поздних источниках: «Не упоминаю о простом народе, который смерть почитает отдельным существом и изображает оную с косою и с другими принадлежностями. Сюда ж принадлежат и те, которые, под именем болезни лихорадка, разумеют в отдельном смысле 12 сестер, то есть будто бы в свете находится 12 лихорадок» (Аничков. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. 1770); «Слово *лихорадка* размножило наш разговор. Он [отставной офицер, лекарь-любитель] под именем *лихорадка* разумел не знаю каких-то девять крылатых сестер, неприязненных человеческому роду, которые в земных челюстях содержатся на цепях и когда их спускают, тогда без милости нападают на людей» (Лепехин. Путешествия, 4. 1, 1771) «Тот из наших крестьян делается настоящим пахарем, кто в детстве перенес всякие тифы, лихоманки (последних народ насчитывает двенадцать)» (Н. Успенский. Издалека и вблизи): «Ты намедни говорила Лихорадка...— Я шучу!..— Что за шутки. Спозаранок, Уж поверь моим словам, Сестры, девять лихоманок Часто ходят по ночам» (Фет).

Уже то, что этих сестер-лихорадок народ насчитывал девять или двенадцать, косвенно свидетельствует о различии заболеваний и о том, что в народной медицине при общем понятии *лихорадка* 'болезнь' существовало неосознанное, интуитивное (и часто мистифицированное) расчленение ее на ряд различных заболеваний.

Бурное развитие с середины прошлого века естественных наук, в частности медицины, приводит к накоплению обширных сведений о лихорадке. На основе накопленных знаний начинают складываться новые самостоятельные понятия, обозначающие различные болезни, кроме внешних, несущественных признаков, не имеющих между собой ничего общего. В речи специалистов появляется огромное число словосочетаний со словами *лихорадка* — *горячка*, причем за каждым из них скрывается совершенно самостоятельное заболевание: гастрическая лихорадка, болотная лихорадка, желтая, анемическая, гнилая, сенная лихорадка и т. п. Некоторые из этих словосочетаний так и остались в языке специалистов как термины; некоторые были промежуточным звеном: горячка — тифозная горячка — тиф; лихорадка — болотная или перемежающаяся лихорадка — малярия; лихорадка — гастрическая лихорадка — гастрит.

Появление новых понятий делает старое значение слов *лихорадка* — *горячка* слишком широким и поэтому нежизнеспособным. На рубеже XIX и XX веков *лихорадка* — *горячка* постепенно выходят из речи специалистов, сохраняясь только в разговорно-обиходной речи, где они вступают в родо-видовые синонимические отношения с вновь появившимися словами: лихорадка — тиф, лихорадка — чахотка, лихорадка — пневмония и т. п.

«Озноб Лизы не прекращался, несмотря на высокую температуру усердно натопленной комнаты. ...Послали за Розановым. ...— Лихорадка,— сказал Розанов,— простудились? — Верно,— отвечала Лиза. ...— Я желаю знать, в каком я положении, и смерти не боюсь.— У вас воспаление легких,— отвечал Лобачевский» (Лесков, Некуда); «Азия посылает нам новый бич на Европу. ...Это горячка,— тифус» (Никитенко. Дневник); «Вскоре Анеля простудилась ...Она умерла от горячки три месяца спустя. Горячкой в те времена называли скоротечную чахотку» (Никулин. России верные сыны); «Ну, что, господин доктор? — спросила Ольга.— Тиф! Тиф! — закричал доктор — Брюшной тиф, горячка» (Гроссман. Степан Кольчугин).

В словарях переход к новому значению намечается в последней четверти прошлого века. В Словаре М. Березина осторожно говорится: «Лихорадка не всегда составляет самостоятельную болезнь, напротив того, она часто является симптомом различных других страданий». Это определение очень ясно показывает переходность момента в жизни слова: с одной стороны, лихорадка признается еще в некоторых случаях самостоятельным заболеванием, а с другой, в этом определении уже намечен путь, по которому будет формироваться новое узкое значение — «болезненное состояние, сопровождаемое жаром и ознобом».

В отличие от научной речи литературный язык очень медленно отражает изменения, произошедшие со словом *лихорадка*, и все толковые словари, вплоть до «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, продолжают давать этому слову старое традиционное определение: «болезнь, сопровождающаяся жаром и ознобом». Только «Словарь русского языка» С. И. Ожегова в 1949 году впервые дает научно обоснованное современное значение слова, без изменений переходящее в последующие словари.

На основании приведенного материала можно попытаться сформулировать значение слова *лихорадка* в цитатах XVIII — первой половины XX веков: «общее нерасчлененное название ряда инфекционных и воспалительных заболеваний, объединенных общностью симптомов: резкими колебаниями температуры тела, ознобом». Такое значение слова *лихорадка*, не соответствующее понятиям современной медицины, по-видимому, должно быть включено с пометой «устаревшее» в последующие издания толковых словарей. Кроме того, выделенный в 17-томном Словаре разговорный оттенок *лихорадка*, синонимичный *малярия*, в нормативных и в исторических словарях должен быть выведен как самостоятельное значение.

Т. А. ФОМЕНКО
Ленинград

СУДЬЯ, ЧИНОВНИК

Даже при беглом знакомстве с сочинениями XVIII века легко заметить, что для выражения одного понятия в них часто используется пять, десять, а то и более слов. Например, В. К. Тредиаковский в переводах для передачи французского *la compagnie* 'общество, компания' привлекает слова: беседа, дружина, клеветство, собрание, сообщество, сообщение, сословие, стая, товарищество.

На примере слов, вступавших в XVIII веке в синонимические отношения со словом *судья*, попробуем разобраться в причинах этой, порою избыточной синонимии и обратим внимание на способы ее устранения в языке.

Прежде всего нужно отметить, что содержание слова *судья* было в то время иным, чем теперь. В раннюю эпоху русской государственности судебная, исполнительная и законодательная функции власти принадлежали князю. С ростом централизованного государства появился чиновничий аппарат, который действовал как поверенный государя, а последнему принадлежала вся полнота власти. Это выражено в Уложении 1649 года: «Суд государя царя

и великаго князя... судити бояром и окольнічим и думным дьяком и людем, и всяким приказным людем, и судьям».

Один и тот же чиновник мог исполнять дела управления и судебного разбора, и со словом *судья* связывалось представление о толкователе и исполнителе законов. Русский историк XVIII века М. М. Щербатов писал, что вельможи Московской Руси, «отправляя таким образом военную службу, не лишены были... права судить подданных своего Государя; ибо обще всякия дела, гражданския и относящиеся до внутренняго устройства, или отечества исполняли» (О старинных степенях чинов в России. 1776. Здесь и ниже в цитатах написание слов, в том числе прописных букв, приближено к оригиналу). Правители приказов, представлявших собою прообраз будущих министерств, назывались судьями: «А в посольском приказе сидел судьбою боярин князь Василий Голицын» (Записки Желябужского. 1682).

Это словоупотребление перешло и в XVIII век. В Букваре Федора Поликарпова (1701) *судилище* и *приказ* определяются одинаково: греческое *τὸ δικαστήριον*, латинское *praetorium*. Иван Посошков следующим образом оценивал государственно-административную деятельность: «Я по своему мнению судное дело и управление судейское весьма поставляю высоко... И того ради никакому человеку... не подобает судейства или начальства искати, но всячески от него отрицатися, понеже весьма тяжелоносно опо» (Книга о скудости и богатстве).

Появившееся в это время выражение «судебное (или судное) место», — видимо, калька (перевод по частям) с

пемецкого *Gerichtsort*, бытовавшего в Остзейских провинциях, — обозначало любое административное учреждение: «Во всех коллегиях и во всех судебных местах...» (Указ от 11 апреля 1722); «Оной печатной указ наклеить, и всегда во всех местах начав от Сенату даже до последних судных мест, пмечь на столе» (Указ от 12 ноября 1722); «Надлежит обретающимся в Сенате, в Сиподе, Коллегиях, и Канцеляриях, и во всех судных местах всего Государства судням, и пришедшим пред суд, чинно поступать» (Указ от 21 января 1724). Указ от 22 декабря 1718 года определяет административный и судебный статус сената: «Вышний Сенат от Его Царскаго Величества высоко поверенным есть, и в особах честных и знатных состоит, которым не токмо челобитчиков дела, но и правление Государства поверено есть».

В те же годы в переводах Гавриила Бужинского среди латинских параллелей к слову *судья* как равные встречаются *judex* 'судья', *arbiter* 'посредник, третейский судья', *magistratus* 'должностное лицо'. Вейсманнов лексикон поясняет латинское *jurisdictio* словами *судейство, власть, начальство*. В речи М. В. Ломоносова 1749 года: «Не все среди сего царствующаго града жилище наукам воздвигнуто, но чтобы управляющие гражданския дела из мест судебных, упражняющиеся в военном деле со стен Петровых, предстоящие Монаршему лицу из пресветлаго Ея дому... на сие здание взирали». Здесь перечислены все поприща, на которых подвизалось дворянство: гражданское, военное и придворное, причем гражданское вершится, как видно, в судебных местах. Таким образом, становится очевидным, что в первой половине XVIII века слово *судья* обозначало любое должностное лицо, состоящее на гражданской службе.

Подобное значение в этот период имеет *командир*: «И повелено, дабы каждый в своей обиде, буде в городех, тоб подавали челобитные Виц-Комендантам, и Комендантам, и Обер-Комендантам, Лантрихтеру, Виц-Губернатору, и Губернатору, також и другаго состояния чину в своих обидах подавать челобитные своим вышним командирам» (Указ 1714 г.). Как видно, к командирам причислены лица, выполнявшие административные обязанности. *Командир* было заимствовано в самом начале XVIII века из немецкого со значением 'воинский начальник'. Феофан Прокопович в «Истории Петра» называет командиром князя В. В. Голицына, возглавлявшего поход на Крым:

«Вторицею поход на Крым учинен с тем же командпрем Князем Голицыным, да и с тем же щастием». Обозначение воинского начальника было столь существенной и прочной функцией слова *командир*, что приспособить его для передачи другого содержания не удалось.

Другим словом, с помощью которого пробовали выразить понятие о гражданском должностном лице, было *градоначальник*. Одним из первых употребил его дьяк Иван Тимофеев во «Временнике», повествующем о событиях Смутного времени, где оно имеет значение «начальник города». Между тем в начале XVIII века у авторов, пользовавшихся церковнославянским языком, слово *град* — под влиянием латинского *civitas* «гражданское общество, государство», «город» — получило значение «государство», как это видно из следующего примера: «Идеже бо и воли и сил соединение будет учинено, тамо тогда множество чело­веков, бывает силнейшее тело, то есть град [*civitas*] составляют» (Пуфендорф. О должности человека и гражданина. 1726). Тогда же *градоначальник* стало употребляться для обозначения высшего должностного лица в государстве: «Каковы градо-начальницы, подобно им все гражданское сожителство» (Иван Максимович Феатрон, или позор нравоучительный. 1708).

В таком же значении употреблял слово *градоначальник* Ломоносов. Тредиаковский в переводе «Римской истории» Ш. Роллена для передачи французского *le magistrat* «должностное лицо, чиновник» употреблял *судья* и *градоначальник*: «Налоги и наглости, чрез долгое время неведомые, начали вводиться между Римскими Судиями»; «Хотят ли они [римляне] лучше быть правимы одним токмо или не многими Градоначальники». В «Наказе» Екатерины II градоначальником называется или государственный, или судебный чиновник: «Градоначальник [*un gouverneur*] писал к Римскому Императору, что делают приуготовления судить... судью [*un juge*], учинившаго приговор противный сего Кесаря узаконениям»; «Однако Преторы, или градоначальники [*Stadtrichter*] выдумали другие образцы истцева права» (преторы в Риме были носителями судебной власти).

Впрочем, значение «чиновник» за словом *градоначальник* не удержалось. Словарь Академии Российской дает толкование — «верховный правитель города», а указ 1798 года прочно закрепил значение: «В обоих вышеупомянутых городах (Москве и Петербурге) учреждены будут от

нас Коменданты или Градоначальники». Этот итог был вполне закономерен: с ослаблением церковнославянской стихии в литературном языке никто уже не связывал со словом *град* понятия о государстве, а с *градоначальник* — понятия о государственном чиновнике.

Такой же была судьба слова *градодержатель*. Со значением 'чиновник' в конце XVIII века употреблял его А. Н. Радищев: «Градодержатели и всякие начальники нередко или всегда законы толкуют по своему». Но в это время в письме А. М. Кутузова *градодержатель* употребляется применительно к московскому главнокомандующему, то есть в значении 'верховный правитель города': «Москва из стари была болтлива... Чему же дивиться пустотам, там выдумываемым, тем паче, ежели сам градодержатель старается подстрекать оныя». Это второе значение у *градодержатель* стало основным и единственным, так что Пушкин, приведя в наброске «Путешествия из Москвы в Петербург» слова Радищева «градодержатель для охранения законов определенный», сопроводил их вопросительной пометой «городничий?».

Наконец, и словом *градоправитель* пробовали в XVIII веке передать понятие о гражданском чиновнике: «Необходимо нужно всякому градоправителю законы и состояние своего государства обстоятельно знать» (Татищев. Духовная. 1733).

Во второй половине столетия в синонимические отношения со словом *судья* вступили еще два слова. Первое из них — *чиноначальник*, употреблявшееся, например, в переводе сочинения Монтескье «О разуме законов» для передачи французского *le magistrat*: «Может так же случиться, что некоторый гражданин учинит такая преступления, за которых поставленные чиновачальники не могут или не пожелают наказать»; в «Записках» А. Т. Болотова: «губернатор и прочие чиновачальники». Это слово не смогло, однако, разорвать своих прочных связей с богословской терминологией: ведь уже со времени древнейших переводов сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии» оно получило значение 'начальник чинов ангельских'.

Последним в этом синонимическом ряду стоит слово *чиновник*, впоследствии «победившее» все остальные. Своим происхождением оно обязано церковнославянскому языку. Мы находим его в книге пророка Даниила: «И постави [Дарий] во царстве князей сто и двадцать, еже

быти им во царстве его, над ними же три чиновники». Словарь Академии Российской дает такое толкование к этому библейскому употреблению: 'человек честию, чином, достоинством почтенный'. С указанным в Словаре значением *чиновник* было известно употреблению в XVII веке: «А по обе стороны пути Царскаго шли многие Окольные и прочие чиновники» (1682).

Случаи употребления слова в XVIII веке исключительно редки, но зато в последние десятилетия этого века оно становится широко употребительным в масонских документах. Оно встречается, например, в конституции ложи Муз, подписанной И. П. Елагиним: «Сим учреждаю и утверждаю оную ложу ложею справедливою и священною с тем, чтобы она сама по ея благоразсуждению избрала себе мастера, надзирателя и прочих чиновников». Очевидно, что *чиновник* было специальным масонским термином: «Высокопочтеннейшему великому мастеру, высокопочтеннейшим братьям надзирателям, чиновникам и всем высокопочтенным и любезным братьям ложи Урании здравия желаем» (Письмо из ложи Северной Звезды, 22 января 1787). Для масонов, несомненно, это слово было удобным в первую очередь потому, что оно в то время еще не принадлежало к административной терминологии. Масонское употребление *чиновник* заметно отличается от церковнославянского отсутствием оттенка возвышенности: здесь оно стало обозначать лицо, занятое организационной деятельностью.

Очистившись от старых предметных и фразеологических связей, слово *чиновник* вошло во всеобщее употребление, применяясь к обозначению должностных лиц администрации, и в 1798 году появилось в тексте указа: «Но дабы сей Магистрат... имел при себе главнаго Надзирателя и Попечителя для сношения, защиты и действия по делам с городским и губернским Начальствами: то к сему определить туда одного благонадежнаго Чиновника». В мемуарах Г. С. Винского «Мое время»: «Судебныя места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновниками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей». Описывая события 70-х годов XVIII века, автор как синонимы употребляет старое слово *судья* и новое *чиновник*, получившее к началу XIX века (времени написания мемуаров) терминологическую определенность.

После того как за словом *чиновник* прочно закрепи-лась функция обозначения гражданского должностного лица, закончился процесс развития и функционирования всего синонимического ряда. Это обилие слов — синонимов, обозначающих гражданское должностное лицо, объясняется прежде всего структурой тогдашней государственной власти. Как уже говорилось, привычного для нас сейчас разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную в России XVII века не было: вся власть в полном объеме принадлежала государю, а отдельные чиновники и учреждения осуществляли управление и судебное разбирательство в качестве поверенных государя. С начала XVIII века заметно стремление правительства ввести в связи с возросшим объемом дел своеобразное «разделение труда»: в 1713 году были учреждены должности ландрихтеров, а в 1719-м — девять надворных судов. В обязанности этих лиц и учреждений вмещался разбор дел по челобитным, то есть только судебная деятельность. Правда, по ряду причин начинание это тогда не было успешным.

В 1748 году в Париже было издано знаменитое сочинение Монтескье «О духе законов», в котором необходимость разделения власти получила теоретическое обоснование. Пропагандистом взглядов Монтескье в России был выдающийся правовед С. Е. Десницкий, сильнейшее влияние идеи Монтескье оказали на «Наказ» Екатерины II. В 1775 году в Учреждении о губерниях было решительно заявлено: «Сие наше постановление... судебныя места отделяет от губернских правлений, предписывает каждому месту должности и правила». О статусе губернатора говорилось, что «он есть яко хозяин своей губернии, а не судья». Таким образом, суд получил если не независимость, то отдельность, а обязанности судьи и администратора разделились.

Вот эта тенденция в государственной жизни к отделению судебной власти от исполнительной, зародившаяся в начале столетия и завершившаяся к 1775 году, и приводила на протяжении XVIII века к тому, что в речевой практике общества настойчиво подыскивалось слово, способное принять на себя обозначение административного понятия «чиновник», оставив за словом *судья* юридическое. В результате и было найдено слово *чиновник*.

Нужно, однако, заметить, что в семантике слова *судья* даже в последние десятилетия XVIII века сохранялась

инерция старых представлений. В переводе трактата Руссо «О начале неравенства» (1770) судьей назван верховный правитель государства: «Ежели человек был превосходителен в могуществе, в добродетели, в богатстве, или в поверенности, то он был избираем судиею [le magistrat], и общество зделалось монаршеское».

Эту особенность в значениях слов *судебный*, *судья*, *суд* нужно учитывать и при чтении художественной литературы XVIII века. Приведем несколько примеров.

Несомненно, что в заглавии известного державинского переложения 81-го псалма «Властителям и судиям» современники Державина видели два близких по значению слова, да и ни один из наказов «земным богам» не может быть обращен к судье в нашем понимании слова.

Не вполне ясна современному читателю антитеза в следующей строке Сумарокова, обращенной к богу: «Невинным ты покров, злодеям судия»; теперь в нашем представлении защита («покров») и суд никоим образом не противопоставлены. Исходя из тогдашнего значения слова *судья*, выражение *злодеям судия* нужно понимать как 'мститель за злодейство'.

Наконец оказывается возможным понять, почему выражение *суд и милость* было общим местом в поэзии XVIII века: «Любовь к подданным, суд и милость Из всех сердец гонят унылость» (Тредиаковский); «Ты суд и милость сопрягаешь» (Ломоносов); «закон, десница Дают и милости и суд» (Державин). Это выражение означало совсем не 'милостивый суд', как можно понять теперь, но 'милостивое правление', и потому всегда обращено к царям. Правда, в конечном счете словосочетание восходит к библии: «Милость и суд воспою тебе, господи»; важно, однако, учитывать, какое общественно-гражданское звучание и осмысление подобные выражения могли иметь в русском языке XVIII века.

В заключение можно сформулировать вывод, к которому приводит нас рассмотрение слова *судья* и его синонимов в XVIII веке. Широкая синонимия, лексическая избыточность отражали в ту эпоху поиски наилучших форм выражения новых понятий. Как только эти поиски приходили к удачной находке, лексическая избыточность переставала существовать: одни слова выходили из активного употребления, другие закреплялись в нужном значении.

А. А. АЛЕКСЕЕВ
Ленинград

ЕСЛИ ВАС НАЗВАЛИ ЗУБРОМ...

ЛИСИЦА, КОЗА И ГУСЬ

Переносные значения у названий одних и тех же представителей фауны нередко полностью совпадают в разных языках. Хитреца прозвали *лисой* не только русские, но и немцы — Fuchs, англичане — fox, французы — renard. Одинаковы имена — характеристики заносчивого забияки — в русском *петух*, в английском cock, в немецком Hahn или надутого, важного человека — в русском *индюк*, английском turkey-cock. Сходство в употреблении подобных слов нельзя объяснить родством языков. Причина его в том, что у разных народов совпадают наблюдения над поведенками зверей и птиц. Наши северные соседи финны, говорящие на языке, очень далеком по строю от русского и других индоевропейских языков, называют хитрого человека kettu 'лиса', а трусливого — jänis 'заяц'.

В других случаях буквальный перевод таких метафор невозмо-

Слова *медведь, змея, свинья, лиса, орел, ворона, гусь, сойка* и многие другие названия животных и птиц часто употребляются в переносном смысле для характеристики различных человеческих качеств. Н. А. Некрасов, прекрасный знаток народной речи, заметил однажды, что подобные оценочные определения, «замечательные какой-то деликатной уклончивостью... беспрестанно слышатся на языке народа, и по ним он расценивает окружающие его характеры, может быть, еще вернее и точнее, чем общество, щедрое на резкие эпитеты» (Наблюдения над народной речью).

жен. *Козой* (или *козочкой*) по-русски принято в шутку называть резвую и бойкую девочку или девушку. В немецком слово-характеристика *Ziege* 'коза' имеет явно отрицательную окраску: обозначает худую, некрасивую женщину. В основе метафорического переноса у русских и немцев оказались различные наблюдения над поведением и внешностью этого животного. В отличие от русского и английского названия индюка в разговорной французской речи *dindon* 'индюк' в фигуральном смысле значит 'глупец'.

О ненадежном и плутоватом человеке у нас принято говорить: «Хорош гусь!» или «Ну и гусь!», а выражение «гусь лапчатый» обозначает хитрого ловкача, пройдоху. Английское слово *goose* 'гусь' по отношению к людям употребляется в другом, притом прямо противоположном смысле — 'простофиля'. Такое расхождение в переносных значениях у слов *гусь* и *goose* (кстати, родственных по произношению) закрепилось в русском и английском языках в силу традиции и, разумеется, никоим образом не может быть объяснено свойствами самих гусей в России и на Британских островах.

КРАСАВИЦА С ПОХОДКОЙ СЛОНА

В индийской поэзии, начиная с древних эпических поэм, широко используются образы животных и птиц. Читатель-европеец невольно воспринимает и оценивает их на фоне привычных переносных значений в родном языке. Об-

разная физиономия одних близка и понятна нам: заяц — трус, сокол — смельчак, лев — царь зверей; другие образы поражают крайней необычностью, экзотичностью.

Слон представляется поэтам Индии величественным, стройным, царственно благородным животным. Слово *gaja-gamini* (*gaja* 'слон', *gamini* 'идуший'), то есть 'обладающая походкой слона', считается в индийской поэзии лучшим эпитетом прекрасной женщины с величавой походкой. Образ красавицы с походкой слона явно противоречит укоренившимся у нас представлениям о слоне как животном громоздком и неуклюжем. Корова почитается в Индии очень добрым, нежным и любвеобильным животным, и поэтому образ коровы часто встречается там в произведениях самой высокой поэзии. Но совсем иные ассоциации вызывает переносное употребление русского слова *корова* (о неповоротливой, грубой, бесчувственной женщине).

«А ВЫ, ИВАН ИВАНОВИЧ, НАСТОЯЩИЙ ГУСАК»

Многие названия обитателей царства животных и птиц в одних языках имеют метафорические значения, в других нет. Немецкое *Gimpel*, кроме прямого значения 'снегирь', употребляется еще и метафорически в смысле 'простофиля, ротозей'. В представлении французов птица дрозд — *merle* — имеет явное сходство с хитрецом, жуликоватым человеком, пройдохой. А вот в русском *снегирь* и *дрозд* — это только названия птиц, и фраза «А вы, Иван Иванович, настоящий снегирь (или дрозд)» ничего, собственно, не обозначает. Ее нельзя воспринять ни как лестную, ни как обидную характеристику в отличие, например, от слова *гусак*, оскорбительного прозвища глупого человека, который к тому же постоянно шинит и злится, как гусь-самец. Как известно, это слово навсегда поссорило героев повести Гоголя.

Хищная птица сокол, способная долго и высоко парить в воздухе, хорошо известна всем европейским народам. Старинное русское слово *сокол* издавна употребляется в народной поэзии как символическое обозначение смелого и красивого юноши или мужчины. Второе значение-характеристика появилось у слова в советское время, когда *соколами* стали называть наших отважных летчиков. Между тем названия сокола в английском — *falcon* или во французском — *faucou* совсем не знают подобных метафорических значений.

НОСОРОГ С ФРАНЦУЗСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В распределении метафорических значений между названиями животных и птиц в различных языках подчас трудно уловить какую-либо закономерность. Фигуральный смысл приобретают не только обозначения своих, местных, но и экзотических животных. Обитатели Африки бегемот и носорог знакомы жителям России и Франции в основном по зоопаркам и описаниям в книгах. В русском языке из названий этих двух животных для характеристики человека принято использовать слово *бегемот* (неуклюжий человек, увалень), а *носорог* лишено переносного значения. Наоборот, во французской литературной традиции закрепилось переносное название носорога *rhinocéros* 'глухой человек', а *hippopotame* 'бегемот, гиппопотам' употребительного переносного значения не имеет. Кстати, второе русское название бегемота — употребительное в научной речи слово *гиппопотам* — для характеристики человека не употребляется.

Подобным образом могут различаться такие литературные и диалектные (областные) названия одного и того же животного или птицы. У лесного родственника курицы — тетерева есть еще одно, диалектное название: *тетеря*. В фамильярной речи это слово часто встречается в качестве

обобщенно-неодобрительной характеристики человека: глухая тетеря (о глухом), сонная тетеря (о вялом, сонном человеке), ленивая тетеря (о лентяе). В то же время литературному слову *тетерев* такое переносное значение не свойственно.

ПОЧЕМУ МОРЖ, А НЕ ТЮЛЕНЬ?

Выразительная характеристика внешности человека (боров, выдра, каракатица, нава, поросенок, слон) и его внутренних качеств (байбак, бирюк, еж, зубр, овечка, орел, осел, попугай, сыч, теленок, чечетка, ягненок) непременно содержит оценку, притом чаще неодобригельную. Это относится и к переносным значениям родовых названий: животное (о грубом и неумном человеке), зверь, скот (или скотина). О человеке можно иронически заметить, имея в виду его общественное значение или положение: «невелика птица» или «важная птица». Интересно, что в самые последние годы реакционных политиков Запада, призывающих к войне, журналисты нередко называют *ястребами*. Это оценочное определение — перевод английского слова *hawk*, имеющего, кроме значения 'ястреб', переносное — 'хищник (о человеке)'. Подобным же образом употребляется и слово *голуби* (перевод английского *dove* 'голубь') — о сторонниках мирного разрешения спорных вопросов между государствами.

Особое место среди названий животных и птиц в переносных значениях занимает уподобление человека жителю северных морей и океанов — *моржу*. Совсем недавно, в 60-е годы, *моржами* (и моржихами) стали называть любителей зимнего купания. Это новое, складывающееся значение слова *морж* не содержит никакой эмоциональной оценки и воспринимается как неофициальный спортивный термин, употребительный в непринужденной разговорной речи. Любопытно, что язык не мог присвоить закаленным купальщикам звания *тюленей*, несмотря на сходство образа жизни у этих морских ластоногих и моржей. Слово *тюлень* оказалось уже «занятым»: оно давно употребляется в фигуральном смысле с оттенком неодобрения как название неуклюжего, нерасторопного человека.

В. Г. ВЕТВИЦКИЙ
Ленинград

К ЭКЗАМЕНУ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Статьей об ответе на устном экзамене мы открываем серию бесед о вступительных испытаниях по русскому языку и литературе. Устный экзамен по русскому языку сдают все, кто поступает на факультеты гуманитарного профиля (в университеты и пединституты, в театральные, юридические вузы, в институты иностранных языков и т. п.).

(Беседа первая)

Как показывает многолетний опыт, недочеты в ответах абитуриентов по русскому языку объясняются прежде всего незнанием общих требований к экзамену, неумением построить ответ в соответствии с характером вопроса, обосновать отдельные теоретические выводы.

Экзаменационные билеты по русскому языку составляются на основе школьного курса (фонетика, морфология и синтаксис). Абитуриенты должны быть знакомы с грамматическим строем языка, морфологией и синтаксисом как равноправными частями грамматики, с важнейшими грамматическими определениями и правилами. Особенность грамматических понятий — их отвлеченность, абстрактность. В школьном учебнике они раскрываются при помощи определений. Без твердого усвоения определений и правил не может быть прочных знаний.

Чтобы определение было по-настоящему понято, нужно хорошо знать, на каких признаках оно основывается, какие из них существенны и какие второстепенны. Для выяснения этого вначале необходимо охарактеризовать более широкое (родовое) понятие, в которое входит определяемое, затем сопоставить его с другими видовыми понятиями этого рода. Потом назвать термин, которым обозначается в грамматике определяемое понятие. Например при

определении имени существительного мы подводим его вначале под общее понятие («это часть речи»), потом называем первый существенный признак («которая обозначает предмет»), затем второй («и отвечает на вопросы кто? или что?»).

Непременное условие правильности грамматического определения — его полнота. В школьном учебнике многие морфологические понятия (части речи, значащие части слова — морфемы) определяются со стороны их значения. На экзамене ограничиваться признаками только смыслового значения нельзя, потому что существенную часть определения должно составить указание на то, какая грамматическая форма соответствует названному смысловому значению. При определении существительного необходимо указать, что оно изменяется по числам и падежам, при определении имени прилагательного — согласуется с существительным в роде, числе и падеже. Так мы выделяем морфологические признаки. Однако этого недостаточно, так как форма слова зависит от употребления в предложении — мы должны назвать еще и синтаксические признаки. При определении прилагательного указываем, что оно обозначает признак предмета (смысловый признак), согласуется с существительным и служит в предложении чаще всего определением, иногда сказуемым (грамматические признаки).

При определении синтаксических понятий тоже рекомендуется называть ряд признаков, чаще всего два: логико-смысловой и формальный. Некоторые синтаксические понятия характеризуются также интонационно. Предложение мы характеризуем как сочетание слов или одно слово, выражающее законченную мысль (логико-смысловый признак). В качестве формального признака называем обычно, что слова в предложении связаны между собой и объединяются вокруг главных членов. Интонационный признак простого предложения — интонационная законченность.

Абитуриенты часто спрашивают, как воспроизводить формулировки, данные в учебнике? Определение должно быть дано полно и точно по смыслу, любая перестановка слов в нем, не искажающая смысла, допустима. Главное, чтобы эти изменения не приводили к неполноте или неточности определения. Полезно запомнить и другое: точное воспроизведение определения еще не свидетельствует о том, что оно по-настоящему понято вами. Его

необходимо дополнить анализом соответствующих примеров, подобранных как самим отвечающим, так и предложенных ему экзаменатором. Только правильный анализ примеров убедит в том, что вы разбираетесь в характере определения, умеете практически пользоваться им. Вот почему так важно научиться «работать» с примерами. Что же для этого необходимо? Прежде всего быстро отыскать в тексте нужную грамматическую категорию, четко назвать все ее признаки, которые обусловлены характером предложенного вопроса. Достичь этого можно лишь путем определенной тренировки.

Умелый подбор примеров поможет вам в ответе. Приведенный пример должен быть показательным, то есть в достаточной степени насыщен четкими и убедительными образцами тех грамматических фактов, которые подтверждаются этим примером. Нужно помнить и о выразительности выбранного примера, особенно в тех случаях, когда это связано с самим грамматическим материалом (типы предложений по цели высказывания, обращение, повелительное наклонение глагола и т. д.).

Затронем еще один вопрос, который часто возникает у абитуриентов: следует давать пример в форме предложения или в форме отдельных слов, словосочетаний? Вряд ли возможен однозначный ответ на этот вопрос. Надо исходить из особенностей грамматического материала: синтаксис потребует связных примеров, в морфологии достаточно примеров, состоящих из одного слова, из словосочетания. Однако и здесь нужно быть «гибким»: синтаксическую роль той или иной части речи можно показать только в предложении, то же самое придется делать, когда речь пойдет о стилистической роли слова, для определения которой необходимым условием является контекст.

На вступительном экзамене в качестве одного из основных вопросов абитуриенту предлагается обычно предложение для общего грамматического разбора. Это выяснение знаний по всему пройденному материалу.

Экзаменуемый должен уметь:

1) выделять, определять и анализировать грамматические явления, подводить отдельные частные факты языка под известные общие понятия;

2) владеть навыком разграничения основных и второстепенных признаков в данной грамматической категории;

3) разбирать грамматическую форму с учетом ее значения.

Перечислим виды языкового разбора, которые включаются в программу экзамена по русскому языку:

- 1) фонетический;
- 2) морфологический (разбор слов по составу и по частям речи);
- 3) синтаксический разбор простого и сложного предложения.

Обязателен также орфографический и пунктуационный анализ. При разборе слова по составу включаются элементы словообразовательного анализа. При характеристике простого предложения нужно указать тип грамматической связи между его членами: согласование, управление, примыкание.

Общий разбор предложенного на экзамене текста целесообразно проводить в такой последовательности:

1) определить тип предложения, охарактеризовать его структуру, объяснить расстановку знаков препинания в нем;

2) провести синтаксический разбор одного из простых предложений, характеризуя при этом слова морфологически как части речи;

3) объяснить написание пропущенных орфограмм (орфографический разбор) и провести разбор двух-трех указанных слов по составу;

4) завершить анализ текста фонетической характеристикой одного-двух слов.

Несколько слов о том, как привести в систему уже повторенный материал. Важно выделить в каждом разделе грамматики его центр, затем сгруппировать остальной материал вокруг него. Несомненно, планирование устного ответа носит несколько условный характер, так как по ходу рассказа отвечающему приходится неоднократно перестраиваться, порой сокращать ответ; тем не менее эта работа не будет бесполезной. Можно посоветовать при подготовке к экзамену потренироваться: перестраивать ответ на ходу с учетом предполагаемых вопросов, требований экзаменатора. Неумение учитывать реакцию слушателя, сокращать материал по ходу рассказа часто приводит экзаменуемых к серьезным просчетам в ответах по русскому языку.

И еще одно замечание: при ответе на экзамене нельзя забывать и об интонации. Богатая оттенками речь отвечающего помогает судить как о содержании ответа, так и о личности абитуриента, что не менее важно. Крайне необходимо, чтобы материал был дополнен собственными мыслями и наблюдениями. Это всегда дает возможность заинтересовать слушающего, установить с ним контакт, убедить в своей правоте. В этом отношении полезно помнить слова М. В. Ломоносова об умении не только «красно говорить», но и «преклонять других к своему об оной (материи) мнению».

Такой должна быть внешняя сторона ответа на вступительном экзамене по русскому языку.

Доцент МГПИ имени В. И. Ленина
П. С. ПУСТОВАЛОВ

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1971 ГОДУ

Московский ордена Трудового Красного Знамени
геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе
(МГРИ)

1. Образ В. И. Ленина — человека и вождя в творчестве М. Горького и В. В. Маяковского.

2. Советский человек — строитель коммунизма (по произведениям современной советской литературы).

3. Тема Родины в русской поэзии XIX века.

4. Героические образы в ранних произведениях М. Горького («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Старуха Изергиль»).

5. Роль геологии в развитии современной науки и техники.

6. Изображение войны в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

7. Что интересует меня в мире современного искусства?

8. Тема социалистической Родины в поэме В. В. Маяковского «Хорошо!».

9. Прошлое, настоящее и будущее России в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад».

10. Тема народа в поэзии Н. А. Некрасова.

11. Гражданский подвиг советских писателей в Великой Отечественной войне.

12. Тема гражданской войны в творчестве А. А. Фадеева.

Николай Сергеевич Костарев — член Союза писателей СССР, автор четырнадцати стихотворных книг для детей, ряда сатирических стихов и басен. Ему принадлежат либретто опер: «Ее друзья» и «Кондрат Булавин», музыкальных комедий для детей — «Великий волшебник» и «Приключения Буратино».

Кроме того, Н. С. Костарев известен как автор ряда песен, созданных им в содружестве с В. Мурадели, К. Листовым, Д. Покрассом, С. Заславским, Л. Лядовой, А. Артамоновым, Г. Капапаковым и другими композиторами.

Сейчас Н. С. Костарев готовит к выпуску новую книгу для детей. Стихи из нее мы предлагаем вниманию наших читателей.

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Н. КОСТАРЕВ

СТРАНА БУКВАРИЯ

Друзья! Страны Букварии
Нигде на картах нет,
Но все к стране Букварии
Стремятся с детских лет.
Туда прямого, торного
Не сыщете пути.
Лишь права кто уперного
Тот может к ней дойти.
По-разному в Букварию
Приходят смельчаки,
А мы в страну Букварию
Пойдем от Дон-реки.

Астра, азбука, айва
Начиваются на «А»
И кончаются на «А» —
Как дрова, трава, листва.
Не обходится без «А»
Даже Дона синева.

Блеял жалобно Баран:
Приближается буран.
Бьет он в бубны, трубит
в трубы:
«Берегитесь, кто без шубы!».

Вишен спелых полон сад —
Вишни гроздьями висят.
Вышли к детям садоводы:
«Угощайтесь!» — говорят.

Грач гнездо мастерил.
Галке грач говорил:
«Галка, ты не кичись,
Гнезда вить поучись».

Дивь-дон! Дон-динь! —
Над деревней дым.
Дым окутал все дубы,
Все в дыму поддубки.

Дым идет не из трубы —
Из дырявой трубки.
Курит трубку древний дед,
Девяносто деду лет.

Емельян пельмени ел —
Целый день сидел потел,
А потом зевнул над ложной
И сказал: «Посплю немнож-
ко!».
Спал Емеля две недели,
Добудились еле-еле.

«Ё» не «Е» — взгляните
сами:
Буква с точками-глазами,
А снимите точки с «Ё» —
Превратите в «Е» ее.

Жук жуку жужжал: «Жу-жу!
Я по-дружески скажу:
Жук, жару мы переждем,
Жарит так перед дождем!..».

За козой шагал козел,
На козу козел был зол.
Позвала коза козлят,
А козла козлята злят.

Идет ишак,
И что ни шаг:
«Иа! Иа —
Кричит Ишак —
Хозяин едет на такси,
А я ему мешки носи!».

Йодом смазал палец мой.
Йод кусает. Ой, ой, ой!
Но пускай пощиплет йод —
Потерплю, и все пройдет.

Кузнецу сказал казак:
«Копь не коваш! Как же так?»

Как скакать на скачках мне
На некованном коне?».

Луг и Лог лежали рядом,
Каждый горд своим
нарядом:
Луг — зеленой муравой,
Лог — пшеницей сортовой.
И решили Луг и Лог:
«Ты не плох и я не плох!».

Мячик мой прыг, скок —
С мостовой па мосток.
А мосток был мал —
Мячик в речку упал.

Ночь за окнами темпа,
Что могло с луной случиться?
Может, спать легла она?
И луна мне не видна.

(Продолжение в следующем
номере)

СЛОВАРЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И УДАРЕНИЯ

(Продолжение. См.: 1971, № 4—6)

Жираф, муж. (устар. жирафа, жен.)

житие [не житиё]

жить; прош. **жила**, **жило** [не **жи́ла**, **жило́**]

жре́бий [не жере́бий]

жура́вль и (обл.) **жураве́ль** (колодец)

жура́вль (птица)

Забелённый [не забеленный]

забра́ться, прош. **забра́лся** (устар. **забра́лся**)

забронировать (закрепить что за кем-н.)

забронировать (покрыть бронёй)

забубённый [не забубенный]

забытьё [не забытьё]

заведённый [не заведенный]

заведующий [не заведывающий]

завезённый [не завезенный]

завидно [не за́видно]

зави́тый и *доп.* **завито́й**

заводско́й (устар. **заводский**)

заворо́женный [не заворобженный]

завсегда́тай [не за́всегда́тай]

заглуше́нный [не за́глушен-ный]

за́говор [не заговóр]

заговорённый [не заговóренный]

за́годя [не загодя́]

заголо́вок [не за́головок]

загру́женный и *доп.* **загруже́н-ный**

загры́зенный [не за́грызанный]

зада́бривать [не задо́бривать за́дешево (*разг.* заде́шево)]

задо́лго [не за́долго]

задо́лженность [не задо́лж-ность]

зады́млённый (*разг.* зады́млени-ный)

заём [не за́йм]

заимоо́бразно [не за́ймообраз-но]

заинде́вель и *доп.* **заинде-вель**

заиндеветь и *доп.* **заинде-веть**

зака́зник [не за́казник]

закалённый [не зака́ленный]

закле́ить (устар. **закле́ить**)

заклейме́нный [не за́клеймлён-ный]

закли́ённый (*разг.* за́клинен-ный)

заклю́чённый [не за́ключенный]

законноро́ждённый [не за́кон-норо́жденный]

закреплённый [не за́креплен-ный]

закруглённый [не за́круглен-ный]

закупо́ренный [не за́купóрен-ный]

закупо́рить [не за́купóрить]

залёпленный [не за́лепленный]

залече́нный [не за́лече́нный]

за́литый и *доп.* **за́литый** и **за́литой**

залосни́ться [не за́лосниться]

замане́нный и *доп.* **замане́нный**

замаски́ровать [не за́маскиро-вать]

заменённый [не заме́ненный]
заме́ненный [не заме́ненный]
за́мкнутый [не замкнۇтый]
за́мковый (от за́мок)
за́мковый (от за́мок)
заморённый [не заморенный]
за́навес, -а, муж. [не за́на-
весь, -я, жен.]
за́несённый [не за́несенный]
заострённый [не заостренный]
запасной (устар. за́пасный)
запелёна́тый (разг. запелёну-
тый)
запечённый [не запече́нный]
запла́ченный [не запла́ченный]
заплесневелый [не заплесне-
вёлый]
заплетённый [не заплётенный]
запломбирова́ть [не заплом-
би́ровать]
заподза́ривать (устар. заподза́-
ривать)
запороше́нный и доп. запоро́-
шенный
запру́женный и запруже́нный
запряже́нный [не запря́женный]
за́раз [не за́раз]
зараже́нный [не зара́женный]
за́ряженный и за́ряженный
за́сека и доп. за́сека
заселе́нный [не заселе́нный]
заслуже́нный и доп. заслужи́-
нный
засоре́нный [не засоренный]
застекле́нный [не застёклен-
ный]
застели́ть и застла́ть
за́суха [не за́суха]
засу́чить [не засу́чить]
заторможе́нный и доп. за-
торможе́нный
зау́мь (устар. зау́мь)
захла́мленность [не захла́млен-
ность]
захла́млённый [не захла́млен-
ный]
захорбе́нный [не захороне́-
нный]
захребе́тник [не захребе́тник]
зачерпну́ть [не заче́рпнуть]
зачерстве́вший [не заче́рстве-
вший]
заче́рстветь [не заче́рстветь]
зачехле́нный [не заче́хленный]
зверёк (устар. зве́рок)

зве́рюшка (устар. зве́рушка)
звони́ть звоню́, звони́шь, зво-
ни́т, (разг. звони́шь, звони́т)
здрáвица (зздравный тост)
здрáвница (санаторий, ку-
ро́рт)
зев [не зёв]
зевота́ [не зевота́]
зе́лье [не зе́лье]
зимник [не зимни́к]
зимовье́ [не зимовье́]
злоба́ [не злоба́]
зна́мение [не знаме́ние]
зна́харка [не знаха́рка]
зна́чимый [не значи́мый]
зубча́тый [не зу́бчатый]

Иваси́ [не иваси́]
ивовый [не иво́вый]
и́грице [не и́грице]
игро́тека (г'е)
иденти́чный (да)
идио́ма, -ы, жен. (устар.
идио́м, -а, муж.)
идиосинкра́зия [не идиосинкра́-
зия]
избалова́ть [не избáловать]
изва́ять [не изва́ять]
издавпа́ [не издавна́]
издале́ка и изда́лка
издали́ [не издали́]
изнеможе́нный [не изнеможде́-
нный]
изнеможе́ние [не изнеможде́ние]
изни́зу [не изни́зу]
изобрете́ние [не изобре́тение]
изобрете́нный [не изобре́тен-
ный]
изы́ск [не изы́ск]
иконописа́ть (разг. ико́нописа́ть)
иллюмини́ровать и доп. пл-
люмини́ровать
имби́рь [не имби́рь]
имерети́н [не имерети́н]
имоти́ция (г'е)
импресси́о (p'е)
импрессионизм (p'е)
импровизи́рованный (устар. им-
провизова́нный)
и́наче (разг. и́наче)
индеветь и доп. индеветь
инде́вцы (коренное население
А́мерики)
инди́йцы (население Инди́и)
(Продолжение в следующем
номере)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я учусь в X классе. Люблю читать ваш журнал; он мне очень нравится. После окончания школы хочу поступить на филологический факультет Университета.

А. Ионкина

*д. Давыдовка Рязанской
области*

Часто я читаю журнал «Русская речь». Он очень интересный и полезный, заставляет задуматься над многим, что раньше казалось простым и несложным. Каждый номер открывает еще одну страничку в истории русского языка, помогает лучше узнать наш родной русский язык. Ведь раньше я и не подозревала, какое это богатство.

Л. Русанова

с. Дебальцево Донецкой области

Я один год выписываю «Русскую речь». Мне очень нравится журнал, с нетерпением жду каждый номер. Я люблю русский язык и меня интересует происхождение слов, художественные средства выразительности речи, значение и образование новых слов. С удовольствием нахожу на страницах ответы на многие вопросы.

О. Д. Тураева

*Баяутский район Сыр-Дарьинской
области*

Хорошо было бы прочитать в журнале статью с подробным изложением преимуществ и недостатков русского языка в сравнении с другими европейскими языками. Полагаю, что такая статья будет интересна для всех любителей русского языка.

В. К. Крылов
Ростов

● СТРАДА

К статье А. Маркова (1971, № 2)

«Наступило время уборочных работ...» — читаем мы в газетах. *Наступило* — равнозначно началу, а раз есть начало, будет и конец. А как быть с периодом между «началом» и «концом»? Страда! Это сенокос и жатва, это уборка кормов и урожая, это начало и конец. *Русь... Россия...* — нет лучше и милее этих слов. Россия за свою более чем тысячелетнюю историю меньше радовалась, а больше страдала, потому и слово *страда* особо дорого. Ратую за яркие, образные и такие близкие сердцу слова.

Н. П. Михеев
Никель Мурманской области

● ЕДИМ ... И СКОРБИМ

К заметкам читателей (1971, № 1)

С «людоедством» мы, дегустаторы, встречаемся чаще, чем любители тортов и карамели. Вот несколько названий сортов персика: Сиротка, Натуся, Ермак, Турист, Кармен. Во время дегустации свои впечатления записываем в дегустационные карточки. Случается, что при определении качества сортов персика мы «проглатываем» целую плеяду писателей: А. Чехов, Н. Гоголь, В. Короленко. Иногда довольствуемся «Грудью Венеры», «Скорбными очами». Не следует называть сорта личными именами и фамилиями.

Научный сотрудник Н. Дуганова
Бахчисарай

● НОВОЕ И СТАРОЕ В ПРОИЗНОШЕНИИ

К материалам «Говорит Москва» (1970, № 4, 5, 1971, № 2)

Я регулярно слушаю передачи Всесоюзного радио и Центрального телевидения, обращая внимание не только на содержание программ, но и на звучащую речь. В целом речь дикторов вполне соответствует правилам русского литературного произношения и ударения. Однако с развитием языка изменяются орфо-

эпические нормы, это и приводит к разночтению. Примером служит произношение слова *дождь*. В соответствии со старыми нормами (их до сих пор придерживается большинство дикторов) единственно правильно сказать: до [щ^б], до [жж^б]а, до [жж^б]ами, до [жж^б]евальный, до [жж^б]ливый, а не до [шт^б], до [жд]ей, до [жд]ливый (как по-новому произносит диктор Всесоюзного радио А. Хлебников). К новым явлениям в орфоэпии следует отнести также отвердение согласных звуков перед мягкими согласными, сокращение числа слов с сочетаниями *шн* на месте орфографического *чн*, произношение прилагательных на *-гий*, *-хий*, *-кий* и глаголов на *-гивать*, *-кивать*, *-кивать* с мягкими *г^б*, *к^б*, *х^б*, а также мягкое произношение частицы *-ся(-сь)*. Эти особенности присущи дикторам младшего поколения (И. Смирнов, И. Прудовский, И. Милованов, Г. Боровик и другие). В речи отдельных дикторов наблюдаются колебания в произношении между старыми и новыми нормами (Т. Грекова, А. Задачин). Хотелось бы пожелать всем дикторам единства произношения и совершенствования культуры речи.

В. Львов
Тбилиси

● СКИФЫ, СИРЕНА И РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье В. А. Ицковича «Современные аббревиатуры» («Русская речь», 1971, № 2) говорится об употреблении в современном русском языке сложносокращенных слов (аббревиатур). Отмечая немотивированность инициальных сокращений по отношению к обозначаемому предмету, автор указывает на рост аббревиатур, уподобляемых по звучанию несокращенным словам, например *лавсан*. Стремление к такому уподоблению приводит к тому, что часто теперь возникают аббревиатуры, совпадающие с существующими в русском языке обычными словами: СКИФ (спортивный клуб института физкультуры). В статье приводится интересный материал, однако описательный характер изложения представляется не вполне правомерным и целесообразным для поднятой темы.

Почему все больше и больше появляется в русском языке сложносокращенных слов? Дело в том, что увеличивается число многословных наименований, обозначающих новые понятия, и эти наименования подвергаются действию общего стремления к экономии речевых средств. Конечно, слово АИСТ как будто удобнее произнести, чем полное название: автоматическая информационная станция.

Но какое место занимают аббревиатуры в русском словаре и можно ли рассматривать их как однородную группу? Разница между сокращениями АИСТ и МТС не только в том, что во втором сохранены три начальные буквы составляющих слов, а в первом используются две начальных буквы двух первых слов и две буквы третьего. Важнее то, что одно из них (МТС) в период своего активного употребления прочно вошло в общенародный язык, а другое (АИСТ) используется только в специальной речи. А это приближает его к терминологическому кругу лексики. Иногда различие общенародного и специального условно, оно связано с прохождением словом определительного испытания временем: название *лавсан* хорошо знакомо не только специалистам, ведь оно широко используется в бытовой речи (ткань с лавсаном, костюм из лавсана и т. п.). Так действительность оказывает прямое воздействие на состав словаря. Судьба сложносокращенных слов может быть подобна судьбе других терминов, раздвинувших рамки своего употребления до общенародных, например: *атом, электрон* и т. п.

Появление в русском языке таких названий, как Старт (система телеавтоматического регулирования транспорта Москвы), Сирена (система резервирования на авиалиниях), приводит к омонимии. Она создается искусственно, ведь, как пишет автор статьи, «в некоторых случаях происходит явная „подгонка“ развернутого наименования под избранную аббревиатуру»: машина «Сириус» (сбор информации, регистрация, измерение, управление, сигнализация). Но такая омонимия может как раз и затруднить вхождение сложносокращенного слова в общенародный язык. Создание подобных аббревиатур никак не связано с судьбой и историческим развитием значений омонимичных им слов, существующих в русском языке. Автор статьи справедливо замечает, что при «подгонке» не всегда «учитывается степень смысловой связи полученного слова с предметом». Порою возникает двусмысленность, а иные названия вызывают улыбку: АМУР (автоматическая машина управления и регулирования).

В литературе мы находим сложносокращенные слова, неотпириванность которых является мнимой, кажущейся. Таковы КЛООП и Главначпупс у Маяковского, НИИЧАВО в повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Подлинное значение их легко определить в произведении. Трудно согласиться с автором статьи, который подходит к «придуманным» сокращениям с тех же позиций, что и к сокращениям, действительно существующим в языке.

В заключение вернемся к экономии. Конечно, аббревиатуры хороши главным образом для письменной речи. И только здесь она

что-то вообще экономят. Вряд ли в разговоре мы часто употребляем неудобопроизносимые ЮОНИИ или ВЮЗИ, вместо них легче воспользоваться полным словом или двумя: юридический заочный (Всесоюзный юридический заочный институт). Произнести два нормальных русских слова легче, чем преодолеть орфоэпические трудности. Противопоставление аббревиатуры одному только полному наименованию страдает односторонностью (или говори «ВЮЗИ», или выговаривай все четыре длинных слова). В устной речи мы экономим совсем по-другому. Хорошо бы и в письме экономить не за счет искусственно насаждаемой двусмысленности.

Л. М. Сидорова
Москва

● ЧАЛДОН, ЧАЛДОНКА, ЧАЛДОНИТЬ

Слову *чалдон* была посвящена заметка на страницах журнала (1970, № 4). Его распространение обычно ограничивают рамками Сибири. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *чалдон* зарегистрировано с пометой «бирюзовое» и толкуется как «бродяга, беглый, варшак, каторжник». В словарях современного русского языка слово (чаще в орфографии *чалдон*) означает «коренной житель Сибири» и рассматривается как областное. Однако наблюдения над употреблением слова в других говорах, несибирских, требуют уточнения его значения и территориального распространения. Слово живет в ряде говоров Горьковской области, в частности в южных ее районах.

Я с детства знаю говоры Арзамасского района, и это дает мне возможность проследить некоторые изменения в значении и употреблении слова *чалдон*. Оно активно употреблялось в этих говорах и в 30—40-х годах нашего века со значением «чужой, пришлый человек, некоренной житель дацпой деревни или села». При этом человек мог быть и не из Сибири, а из любого места. О таком человеке приходилось слышать: «Да, ведь он, чалдон, не наш, откуда-то приехал сюды и живет вот уж лет пять будет».

Перемещение населения в широких масштабах было не характерно для того времени, чужого человека в деревне или селе встречали настороженно, с предубеждением, особенно человека с другими обычаями, с другими взглядами. Такие люди в какой-то мере возбуждали неприязнь коренных жителей. Поэтому слово *чалдон* употреблялось с явно отрицательной, часто презрительной окраской.

Трудно сказать, заимствовано оно как сибирское или исконное в говорах Горьковской области, но по значению совсем не связано с Сибирью. Старожилы также не помнят случаев, чтобы словом *чалдон* называли обязательно приезжего из Сибири.

В говорах Арзамасского района употребляется имя женского рода *чалдонка* в том же значении: «Твой-ат жену привез, бают, издалёка. Хорóша что ль? Тенерь и у вас чалдонка есть»; «Ну, как? Прижилась у вас чалдонка ай нет?».

Затем значение 'не наш, не свой, чужой' в этих словах отступило на второй план, а на первый выступило 'неприятный чем-то, плохой'. Стали употребляться эти слова и как бранные. Грубая окраска проявляется в окружении слов с резко отрицательной оценкой: «А чалдоны-ти сроду таке противны»; «Чалдонка ты, чалдонка и есть, как тебя назовешь еще?!»; «Глаза бы не глядели на этого чалдона!».

От слова *чалдон* образован и глагол *чалдонить*, также имеющий отрицательную окраску. Его значение — 'доставлять окружающим какие-то неприятности своими поступками'. Так, по поводу курильщиков могут сказать: «Что вы чалдоните, дыму вон сколь; что сосете всяку дрян!»; «Началдонили скóка, не продохнешь». К неряхам, неаккуратным людям могут обратиться с такими словами: «А ты не чалдонь [не пачкай] чист-ат пол; только вымыла, а уж ты началдонил своими сапожками!».

Таким образом, все три слова имеют в современных говорах южной части Горьковской области отрицательную окраску. Только теперь эта окраска уже определяется не происхождением людей, а их поведением, отношением к делу, к другим людям.

Л. А. Климкова
Арзамас

● КАНЦЕЛЯРИСТ

Меня удивляет, что в современном русском языке нет слова *канцелярист* в значении 'канцелярский работник'. Кажется, оно незаслуженно забыто. Канцелярия имеется на каждом шагу, без нее не обходится ни одно учреждение, а вот канцеляриста нет. Его боятся. Он обязательно сухой формалист, мелочный человек. В наших словарях утвердились слова *канцелярщина*, *канцелярская крыса*. А ведь этих эпитетов нет у В. И. Даля. Кому и что плохого сделал канцелярист? Правда, иногда нет-нет и мелькнет оно в печати, но в какой форме: «Нельзя удовлетворить и спрос

на работников канцелярского труда» («Советская Россия», 22 октября 1970). Так почему же не вернуть доброе имя слову *канцелярист*?

Н. С. Степанов
д. Солдыбаево Чувашской АССР

● ЗИМОГОР

В свое время в Поволжье бытовало слово *зимогор*. Так называли человека, опустившегося, потерявшего связь с семьей и близкими. В моей юности (а мне сейчас девятый десяток) происхождение слова *зимогор* связывалось с далеким прошлым волжской вольницы, затем бурлаками, преемниками, которых считали себя и «крюшники», блюдя некоторые традиции далеких предшественников в костюме и в обиходе. Они часто были обездоленными; с концом навигации «подавались» в гористые места, там строили землянки и проводили в них зиму. Зима и горы, соединившись, и образовали слово *зимогор*. В обиходе *зимогор* было бранным словом. В настоящее время это слово объясняется не *горами*, а *горем*: зимой горюют. Если принять такое толкование, то Святогора-богатыря придется признать горюном.

Н. М. Тугаринов
Москва

● ДОНКИ, ДОНОЧНИКИ И УДИЛЬЩИКИ

Случается, что образуют новые слова или дают новые значения уже существующим в языке словам просто по недостаточному знанию словарного состава русского языка. 17 июля 1971 года в газете «Путь к коммунизму» (Актюбинск) была опубликована статья К. Седова «Клев, соперники, призы». Автор ее писал: «Каждая команда состояла из пяти человек: 2 спиннипгиста, 2 удочника-поплавочника и один донщик». Здесь слово *дончик*: употреблено в значении «человек, который ловит рыбу удочкой со дна, то есть донкой». А ведь в русском языке есть слово, родившееся лет 10 назад, — *доночник* «тот, кто ловит рыбу донкой» («Новые слова и значения». М., 1971). А вот в книге Я. Е. Киселева «Донное ужение пресноводной рыбы» сообщается: «На берегу сидит человек с тремя донками. Кто этот человек? Спортсмен-доночник». В нашем примере неудачно и слово *удочник*. Читаем у К. Паустовского: «Удильщики — это больше созерцатели, поэты, почти сказочники» (Памяти Аксакова).

Студент-заочник В. Сарайкин
г. Алга Актюбинской области

«Он недовоспитался в отношении чистоты речи...» — читаю в педагогическом журнале. Вероятно, *не воспитан?*

Любя русский язык, надо достойно защищать его от вторжения «самозванных» неопределенных слов.

«Еще какую-то мелочь недосообразил», — читаешь в тексте и про себя заменяешь глагол равнозначной и точной формой: *не сообразил*. В последнее время без нужды часто и неуместно употребляется сложная приставка *недо-*: *недовыполнил*, *недовыработали* наполовину, *недозакрутили*, *недонагрузили*, *недооткрыли* окно; и даже: *недоразвернули* соревнование.

Учитель-пенсионер А. А. Комиссаров
Ульяновск

● БЕССМЫСЛЕННОЕ ЧИРИКАНЬЕ

Фантастические размеры приняло употребление бессмысленных слов с уменьшительными суффиксами. Повсюду слышно: *десяточек*, *водичка*, *колбаска*, *маслице*, *селедочка*, *бутылочка*, *пачечка*, *килограммчик*. В автобусе, в магазине «чирикают»: *копеечка*, *пять копеечек*, *баночка*, *стаканчик*. Какой все же «смысл» вложен в эту бессмыслицу, очень хотелось бы узнать?

Химик И. Никитин
Погинский район

● ТОРГОВОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО

В известном многим ленинградцам магазине готового платья «Сокол» на месте, где помещалась примелькавшаяся всем касса, я с изумлением прочитал: «Узел расчета». Широкое распространение различных сочетаний со словом *узел* (железнодорожный узел, узел связи) настолько пленило администрацию магазина, что вместо привычного слова *касса* появилось более возвышенное наименование. Очевидно, вместо известного всем *кассир* он стал именоваться *оператор*?! Никак не пойму, в чем провинилось слово *касса* у торговых работников?

О. Русс
Ленинград

● Я ЖИВУ НА УЛИЦЕ...

Ежегодно на карте нашей Родины появляются десятки новых городов, а в них — улицы, переулки, площади.

Название сопровождает улицу всю ее жизнь и должно свидетельствовать об истории города, рассказывать о характере лю-

дей, живущих здесь. Так, название Крещатик в нашей памяти связано с Киевом, а Чистые пруды — с Москвой. А вот с каким городом соотнесем Привокзальную улицу? Почти с любым. Я живу в Магнитогорске, и у нас есть специфически магнитогорские названия улиц: улица Грязнова, Уральская, проспект Metallургов. Я горжусь своим городом, его трудовой славой и считаю, что названия улиц должны воспитывать в нас любовь к Родине, ее прошлому, к родному краю, городу, селу, откуда начинается для каждого его Родина. Названия эти должны звучать так, чтобы мы произносили их с радостью и гордостью. В местной печати необходимо иметь рубрику: «Улица, на которой я живу», где будут помещены рассказы об истории города, его улиц. Можно проводить конкурсы на лучшее название новой улицы, площади, парка. Мы привыкаем к названиям улиц, площадей, как к своим собственным именам. Часто после их официального переименования мы долгие годы пользуемся старыми привычными названиями, поэтому переименовывать улицы можно только в редких, исключительных случаях.

*Доцент Магнитогорского педагогического института
Н. Е. Штурмин*

● ЮБИЛЕЙНАЯ ШКОЛА?

В честь пятидесятилетия Советской власти жители молодого поселка лесозаготовителей, находящегося в Баргузинском районе Бурятской АССР, назвали его Юбилейным. Звучное название! Однако неумелое обращение со словом привело к следующему. Все учреждения поселка, по-видимому, должны быть *юбилейновскими*, а стали *юбилейными*: «Юбилейная средняя школа». Это название закрепилось во всех документах. Думается, пора исправить допущенную небрежность. До каких же пор на банях и столовых поселка будут висеть вывески: «Юбилейное отделение»?

*Г. Н. Куряков
с. Баргузин*

● ЗА ЧИСТОТУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Часто претензия на оригинальность приводит к искажению русских слов. Некоторые области именуется в печати непривычно: Смоленщина, Брянщина, Владимирщина. Нередко искажают русскую речь спортивные комментаторы и обозреватели: «Спортсмен претендовал на золото, но по сумме дистанции еле вытянул на серебро». Приходится встречать на страницах печати много ино-

странных слов, заменивших русские: *хобби* 'увлечение', *сервис* 'обслуживание' и т. д. Даже новая организация названа «Союз-автосервис».

Присваивают городам новые названия, но почему-то большинство из них оканчивается на *-ск*: Железногорск, Ангарск, Междуреческ, Байкальск. С появлением таких слов русский язык становится жестким, пропадает мелодичность речи. Раньше многие города у рек получали те же наименования: Москва, Самара, Воронеж, Кострома. Получалось хорошо. Зачем же отступать от хорошей традиции?

Д. К. Кузьминов
Москва

● СМЕСЬ АНГЛИЙСКОГО ... С ОРЕНБУРГСКИМ

Стоит ли в газетах употреблять не всем понятные иностранные слова? Ведь это затрудняет влияние газеты на читателя. Я ни у одного культурного и образованного русского человека в разговоре не слышал *хобби*. У нас достаточно слов в языке, чтобы выразить любое понятие, не прибегая «за помощью» к иностранному языку.

Не перевелись у нас любители пощеголять какими-нибудь «новыми» словами и выражениями. Найдешь в газете заголовок «Ваш сервис?». Вот и думай, что это такое. А это, оказывается, спрашивают, как вас обслуживают. Зачем с читателем разговаривать так заумно, не все знают это английское слово. Газета обращается к массе трудящихся, а массы не знают этого слова: оно еще не вошло в обиход, не вошло в разговорную речь. А вот слово *сервис* поселилось в областной газете «Южный Урал». Статья в номере от 16 сентября 1969 года называется «Оренбургский сервис».

Собственный корреспондент «Южного Урала» П. Юдинцев в номере от 12 декабря 1969 года озаглавил свою статью «Эффект и дефекты комплексной механизации». Если слово *эффект* чаще встречается в печати и стало понятнее для всех, то почему не сказать вместо *дефекты* — *недостатки* или *недочеты*? Оно понятнее для русского человека, чем иностранное.

И районные газеты Оренбургской области любят говорить с читателями на «высоком уровне». В газете «Вперед к коммунизму» можно прочитать: интенсивно; эффективно; мобилизовать; продуктивно. Мы не за упрощенчество в языке, а за ясность и чистоту языка. Пора сказать: «Товарищи из газет, не увлекайтесь иностранными словами, дайте широкую дорогу русским словам».

Сотрудники той же газеты 12 февраля 1970 года озаглавили статью таким призывом, что он похож на ребус: «За дело ЮДМ». А что это за ЮДМ? Даже сведущий в языке человек не сразу об этом скажет. Сначала он должен посмотреть, о чем статья. Не ясно ли, что это затрудняет понимание материалов газет.

Болезнью сокращать слова страдает и газета «Под знаменем Ленина» (г. Бузулук). В номере от 6 февраля 1970 года помещена статья под названием «ЛЭП шагает по степи». А все ли знают, что такое ЛЭП? Я вот до сих пор не знаю.

*Учитель Я. Кусов
Оренбурга*

● НЕ ТЯНЕТ МЕНЯ...

Поэт П. Голосов в газете «Северный рабочий» (1970, № 99) опубликовал стихи «Не тянет меня за границу»:

И лягу. И может, приснится,
Реклам каруселью маня,
Какая-нибудь заграница,
К которой не тянет меня...

Думаю, что стихи не совсем грамотные. К сожалению, иногда, поэты мало думают об этом. А так и хочется сказать им: «Берегите русский язык!».

*Ю. Д. Баранов
Переславль-Залесский*

● ИНОГДА ТАК ГОВОРЯТ И ПИШУТ...

Говорят и пишут так нередко: нет время; моя коллега; самая верная слуга; на будущий год; около сорок тысяч; около пятьсот миллионов. «Пришли ребята со школы»; «Я подъеду в город»; «Очень огромная роль»; «Играет большое значение» — очень распространено среди учащихся и родителей.

Встречается в текстах газет: «Полностью выполнили план»; «Большое значение уделяет...». Журналисты нередко «фасоняг», щеголяют усложненной речью, вычурным стилем: «Воспитать потенциал пионерских смей»; «Пионерские лагеря выросли еще на один педагогический дюйм» («Известия», 21 ноября 1969).

Давайте все бороться с небрежностью, безграмотностью, бороться за культуру, красоту, правильность и выразительность нашего русского языка.

*Кандидат педагогических наук
Л. П. Бессонов
Ленинград*

● БРОДИТ ЛЕТОМ... ПО ЗАСНЕЖЕННЫМ ПАРКАМ

В газете «Советская культура» (6 февраля 1971) есть статья с заголовком: «Не может не вызвать беспокойство». По-моему, здесь нельзя употребить прямое дополнение в винительном падеже, так как есть отрицание. Нужно писать: «Не может не вызвать беспокойства». В этом же номере в заметке «Пейзажи альтиста» говорится: «И бродит ... по заснеженным паркам, лесам, горам, зимой — на лыжах, летом — пешком».

Г. Н. Кашин
Москва

● «ПРО ГАЗЕТНЫЙ СТИЛЬ»

В «Литературной газете» (14 июля 1971) напечатана статья Майи Борисовой «Муки слова». Очень полезная статья. Однако во втором столбце читаем: «И если по поводу стихов дерзают теоретизировать все больше специалисты да школьные учителя, то про газетный стиль любой грамотный объясняет в лучшем виде».

С каких пор на русском языке стали объяснять *про*? Можно толковать *про*, рассказать *про*, но объясняют *что*, а не *про*: объяснил устройство мотора, объяснил главу, но объяснил *про* главу.

Далее в этой статье сказано: «Мне не красота лирического стиля наслаждаться хочется, а сообразить бы *по-быстрому*, что на себя надевать». Ведь таких слов нет ни в одном словаре, даже в самоновейшем. Этот «неологизм» употребляют лишь любители пооригинальничать.

С. П. Юрасов
с. Михайловка Джамбульской области

● НА ЧЕМ ПРИСУТСТВОВАЛ ПРЕЗИДЕНТ...

В № 195 газеты «Советский спорт» (20 августа 1971) есть такая фраза: «Остальные участники разбиты на три квалификационные группы жребием, на котором присутствовал президент ФИФА С. Роуз».

Прочитав эту фразу, можно задуматься: на чем присутствовал президент ФИФА С. Роуз? По тексту получается, что он присутствовал... на жребии. Присутствовать можно на жеребьевке, но никак не на самом жребии.

С. Соколовский
Харьков

● ПЛЕСЫ

В журнале «Нева» (1969, № 9) напечатано стихотворение Б. Каурова «Хилок», в котором есть строки:

Островки. Крутогрудые плесы.
Тальниковый залив. Шевера.
Да апрельская звездная осыпь —
Будто все это было вчера.

Образы поэзии очень емки, но и в стихотворной речи следует признать выражение «крутогрудые плесы» ошибочным. Плес — это спокойная и глубокая часть реки. С таким значением слово употребляет, например, писатель Гончаров в романе «Фрегат Паллада»: «Лена делается уже, в том месте и версты нет, только здесь выдался плес — версты две».

Особенно ясно выступает значение слова *плес* в предложении: «Плесов, т. е. таких мест на реке, где пет струек и водяных вихрей очень мало» (Гарин. Из дневника путешественника). Слово *плес* никак нельзя сочетать с *крутогрудый*, иначе получится *крутогрудые озера* или что-нибудь в этом роде.

М. М. Орлов
Батуми

● ПОГОДКИ И ОДНОГОДКИ

В недавно опубликованном интересном романе О. Смирнова «Эшелон» («Новый мир», 1971, № 2—3) в речи рассказчика встречается несколько необычное употребление слова *погодки*: «Его погодки одобрительно на него поглядывают». Здесь *погодки* дано в значении «сверстники». Настоящее его значение — «брат» (или сестра), родившийся годом позже или раньше другого брата или сестры. Его дает «Словарь русского языка» в 4-х томах, примерно такое же толкование — в Словаре В. И. Даля и в 17-томном Словаре. Откуда же это неуместное *погодки*? Автор ошибочно употребил его вместо нужного *одногодки*.

И. Казнадзей
г. Глухов Сумской области

● КРЫМОВ, ДА НЕ ТОТ

В последнее время в названиях литературных произведений нет разнообразия, порою названия наводят на мысль о чем-то уже бывшем. В результате после прочтения или беглого знакомства с таким произведением наступает разочарование.

Известно, что заголовок несет важную смысловую нагрузку, освобождая читателя от траты времени на чтение или, наоборот, привлекая его внимание к сообщению. Однако вот что случилось со мной. В «Литературной газете» (14 апреля 1971) помещена рецензия Ариадны Тур на спектакль Театра имени Вахтангова «Здравствуй, Крым!» (пьеса Р. Назарова). Когда я прочел, то сначала подумал, что это о Юрии Крымове, известном советском писателе, авторе «Танкера Дербента». Но каково было разочарование, когда оказалось, что пьеса не о нем, а о каком-то «выдуманном» Крымове. Я не против рецензии, не против пьесы, я против такого названия.

*В. М. Цветков
Москва*

«РУССКАЯ РЕЧЬ» ОТЧИТЫВАЕТСЯ

В октябре — декабре прошлого года состоялись встречи членов редколлегии и сотрудников редакции с читателями

журнала в Ростове-на-Дону, Иванове, Владимире, Ярославле, Костроме, Смоленске, Серпухове и Ленинграде.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**,
В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Л. М. ЛЕОНОВ, **А. И. ОВЧАРЕНКО**, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора) **Л. И. СКВОРЦОВ**, **Ю. С. СОРОКИН**,
Ф. П. ФИЛИН, **Н. Ю. ШВЕДОВА**

Адрес редакции: Москва Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*

Художественно-технический редактор *Т. А. Михайлова*

Художники

Ю. И. Космынин и В. В. Толстоногов

Корректоры *Н. Н. Глаголева, Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/X — 1971 г. Т-19879. Подписано к печати 17/XII 1971 г.

Тираж 70 000 экз. Формат бумаги 84 × 108/32 Усл. печ. л. 8,4

Бум. л. 2,5 Уч.-изд. листов 9,9 Зак. 2927

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10